

Эмиль Евгеньевич Блицау

Мы остались
молодыми...

16+

Эмиль Евгеньевич Блицуа

Мы остались молодыми...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67615022

SelfPub; 2022

Аннотация

О партизанских рейдах и отрядах написано немало книг. Эта еще одна... Автор родился в 1923 году в Москве. Когда началась война, ему было 18 лет. Книга писалась им после войны. В книге описываются эпизоды из жизни в тылу врага в партизанском отряде начиная с весны 1943 года. В отряде Блицуа Э.Е. знали под именем Марат. Все описанные события – это рассказ автора о том, какой ему запомнилась жизнь в партизанском отряде, о взаимоотношениях между людьми, об их дружбе и взаимовыручке. Большинство боевых друзей автора, о которых упоминается в книге, были очень молоды, когда началась война. Несмотря на трагичность описываемых событий, они часто переплетались с курьезными. После окончания войны в жизни каждого партизана было много других событий, но одним из самых важных и основных дел их жизни так и осталась война.

Посвящается однополчанам, с которыми был пройден боевой путь.

Содержание

Вместо пролога	5
Глава I. Перед вылетом	9
В военном городке	10
На конспиративной «точке»	19
Транзит через Москву	36
По пути на аэродром	44
Лётное поле	55
«Дуглас» набирает высоту	64
Глава II. В партизанском отряде	76
Урочище Лысая гора	77
Знакомство с лагерем	88
Первое задание	101
Возвращение на базу	122
Засада под Мальцами	137
За солью	155
Дневка во льну	164
Мы покидаем Лысую гору	170
Бой под Москалёвкой	181
Неожиданное задание	198
Ночные дороги	208
Прощание с разведчиками	241
Поиски группы Крючкова	245
От Тетерева до Желони	257

Отряд уходит на запад

269

После боя

283

Берестяное

297

Эмиль Блиццау

Мы остались молодыми...

Вместо пролога

Ранним майским утром по рации приняли короткое сообщение: «Четвёртому срочно с вещами явиться на вокзал». Быстро расшифровали: «четвёртому» – это мне. Штабной остряк, не долго думая, для местной радиосвязи закодировал нас по ранжиру, то есть по росту. В маленькой десантной группе на загородной «точке», где мы ожидали команду к вылету в тыл противника, я оказался четвёртым. Однополчане наши – многие из них спортсмены – отличались завидным ростом. Остальное в радиোগрамме обозначало, что надо немедленно, без задержки, в полном боевом снаряжении прибыть в штаб бригады, который находился в Москве, недалеко от Комсомольской площади.

Этот вызов опять всё менял в моей дальнейшей военной судьбе. С грустью и думой, где и когда встретимся вновь, и состоится ли эта встреча, наскоро распрощался со своими фронтовыми друзьями. Закинул за спину солдатский сидор, на одно плечо автомат ППШ – пулемёт-пистолет системы Шпагина – на другое скатку шинели – стояла тёплая весенняя пора – и потопал на пригородную железнодорожную

станцию Тарасовка.

Товарищи мои вышли следом из калитки участка проводить меня. И по русской поговорке, что дальние проводы – лишние слёзы, они остановились на первом же повороте тропинки, и пока можно было видеть их между белыми стволами берёз, прощально махали руками.

...Шёл тысяча девятьсот сорок третий. Заканчивался второй год кровопролитной и жестокой битвы. Семьсот дней и ночей безвинно гибли советские люди. Огонь войны полыхал на всех фронтах от полуострова Рыбачий на крайнем севере до посёлка Мысхако на Чёрном море.

Навсегда оставив под красными пятиконечными звёздами своего командира капитана Семёна Скоробогатко и других друзей-однополчан, наш поредевший спецотряд минёров в апреле месяце вернулся с предгорий и перевалов Кавказа в Лосиноостровскую под Москвой. Сюда в военный городок после выполнения боевых заданий возвращались отряды и группы Отдельной мотострелковой бригады особого назначения.

На здании главной спортивной арены стадиона «Динамо» в Москве, у входа на Северную трибуну, имеются две мраморные мемориальные доски. На одной, справа, написано о том, что в 1929 году на стадионе происходил Первый всесоюзный слёт пионеров. Это было на следующий год после открытия стадиона и проведения Первой спартакиады народов нашей страны.

Мне посчастливилось быть на торжественном закрытии пионерского слёта. Отец мой, старый большевик, получил приглашенный билет и взял меня с собой, семилетнего мальчишку. Особо запомнились красочные выступления пионеров, показательные спортивные упражнения и игры, многоцветный фейерверк и салют из пушек. Уже затемно в свете прожекторов поэт Владимир Маяковский читал свои стихи.

На второй мраморной доске, слева, выгравировано:

"Здесь на стадионе "Динамо" в суровые дни Великой Отечественной войны 27 июня 1941 года из спортсменов-добровольцев были сформированы первые отряды Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), героически сражавшиеся на фронтах и в тылу врага с немецко-фашистскими захватчиками".

Эта памятная мраморная доска о нашей бригаде. Первыми добровольцами стали известные чемпионы, заслуженные мастера спорта: легкоатлеты бегуны братья Георгий и Серафим Знаменские, боксёры Николай Королёв и Сергей Щербаков, гребец Александр Долгушин, конькобежец Анатолий Капчинский и другие известные и знаменитые спортсмены.

По призыву ЦК ВЛКСМ сотни комсомольцев из разных областей и республик вступили добровольно в состав бригады для действий в тылу противника.

Значительная группа антифашистов-политэмигрантов,

которые обрели вторую Родину в Советском Союзе: испанцы, болгары, чехи, венгры, австрийцы, сербы в большинстве участники боёв с фашистами в Испании, также изъявили желание воевать в рядах бригады. Из них был образован интернациональный отряд.

Командный состав был из опытных чекистов, пограничников, специалистов инженерных частей, которые обладали нужными знаниями военной работы, партизанской и подпольной борьбы.

Глава I. Перед вылетом

"Чтоб сон прошёл
И прочь ушла усталость,
Товарищ, вспомни
О родной Москве" /Марк Бернес. Письмо в Москву/

В военном городке

Недели две после прибытия в часть с Северо-Кавказского фронта мы отдыхали. «Отдых» был своеобразным: после распределения по своим ротам и взводам – все были из первого полка – мы самостоятельно занимались метанием гранат из учебных окопов по движущимся мишеням танков, стреляли на полигоне из разных видов личного оружия, переправлялись через речку Клязьма на подручных средствах, завернув амуницию в плащ-палатку. Главное, совершали марш-броски на десятки километров. Держали себя в военной и спортивной форме, готовые в любой час отправиться на выполнение боевого задания.

Потом из прибывших «кавказцев» начали вытаскивать одиночек, и целые партии включать во вновь формирующиеся группы и отряды для отправки за линию фронта. Это была наша основная работа: тяжёлое напряжение физических сил и нервов при экстремальных условиях под вечной угрозой смерти.

По разным штрихам, в том числе по отбору уроженцев Молдавии и Украины, мы догадывались, что очередные задания в тылу у фашистов намечаются в юго-западных областях. Только в нашей роте насчитывалось больше двадцати национальностей, так что выбор был достаточный.

У нас, москвичей, не было личной заинтересованности

куда лететь. Родное и близкое Подмосковье было освобождено от фашистского нашествия ещё в морозную зиму сорок первого года. Всюду, куда нас пошлют, придётся осваиваться с незнакомыми местами, встречаться с новыми людьми.

Тогда в тревожные ноябрьские дни после парада на Красной площади, в котором участвовал наш сводный полк бригады, одиннадцать отрядов – свыше тысячи бойцов и командиров – были брошены на минирование шоссеиных дорог и мостов на подступах к столице. Взрывая мосты и фугасы на дорогах, преграждая путь немецким танкам, отряды отстреливались от наступающей фашистской пехоты и отходили последними, вместе с отрядами пограничников, вслед за полевыми частями. Отходили только по приказу командования.

Несколько разведывательных и диверсионных отрядов ОМСБОН'а уже с первых месяцев войны действовали в глубоком тылу противника и прифронтовой зоне.

Прошла ещё неделя. Нас – довольно большую группу – командование пока не вызывает к себе и ничем другим не беспокоит. Мои совсем не блестящие познания латышского языка, усвоенные от родителей, наверное, в данный момент для разведки не требовались. Да и только недавно перед нашим возвращением с юга в Латвию забросили две группы десантников. Минёров же и подрывников собралось сейчас в двух полках бригады, наверное, больше, чем требуется.

После дневных занятий на полигоне и в окрестностях су-

мрачными кучками бродим по большому асфальтовому плацу, где проводят построения рот и батальонов. Точим баланду, кто во что горазд, фронтовые побасенки похожи на охотничьи рассказы, но смех у нас унылый. Да и в город увольнительных нам пока не дают. Мы ещё без погон, введенных весной этого года, донашиваем старые гимнастёрки с отложными воротничками, которые носили на фронте. Пора требовать отправки на задание.

Ничего нет хуже, как слоняться между отъезжающими. У них уже свои заботы и интересы. Приглушенный таинственный разговор о каком-то городе, о боеприпасах и минах, о медикаментах и батареях – питании для рации. На тебя смотрят отсутствующим, непонимающим взглядом, как на контролёра в троллейбусе. Забыли, что только вчера ещё поприятельски выгребали из кисета целую горсть махорки на закрутку, похлопывали по плечу и весело улыбались.

Издали доносится знакомый голос с непередаваемой одесской интонацией:

– Г-гей! Здорово, братишка! Слушай сюда, иди помогай!

Поворачиваюсь и вижу двух моих друзей минёров. Николая Жилкина – светловолосого, навечно выгоревшего под южным солнцем, одесского докера тяжеловеса-борца, с выпирающими из-под гимнастёрки буграми мышц, круглолицего и всегда улыбающегося. Под расстёгнутым воротничком у него виднеются вылинявшие голубые полосы флотской тельняшки, «морской души». И Федю Зайцева – пол-

ную его противоположность, кроме одинакового высокого роста. Он костистый, худощавый с руками-граблями, покрытыми, как пороховой татуировкой, несмываемой угольной пылью, донецкий горняк. Чернявый и смуглый Федя похож на цыгана, по своему характеру молчалив и мрачноват, любитель поворчать. Они вдвоём, пыхтя и поругиваясь, волокут какой-то большой тюк.

Неторопливо подхожу к ребятам – в данном случае поспешность нужна только при ловле насекомых. Это они меня зовут, видно я им нужен. Кто же запряг их в этот выюк, за этим что-то скрывается? Не такие они парни, чтобы просто на себе таскать какой-то груз. В бою они бесстрашные тигры, а на отдыхе – хитрющие лисы. Старшина роты найдёт приятелей на ровном месте, даже на футбольном поле, если они надумали сачковать, избавиться от любой работы.

– Покурим, хлопцы, мешок не волк, в лес не убежит! – громко восклицает Николай Жилкин.

Вытаскиваю коробку с ароматной маршанской махоркой и услужливо предлагаю бедным работягам. Довольные перерывом и предстоящим перекуром, они весело рассаживаются на тюке, но почему-то даже не смотрят на мой раскрытый портсигар.

Федя Зайцев небрежно и демонстративно поворачивается к Жилкину и громко говорит ему как будто Николай находится чуть ли не на другом конце смотрового плана:

– Скажи нашему другу, чтобы он не очень ухмылялся, и

пусть спрячет свою жалкую махру, солидные люди, такие как мы, не курим её.

Это уже нахальство! Сейчас он по-дружески огребёт по шее. Не ожидал такого куража от Феди Зайцева, который бывало менял в пути на железнодорожных полустанках половину дневной пайки хлеба на спичечную коробочку махорки, да и ту с мелко нарезанными корешками от листьев. Но тут глаза у меня вылезают на лоб и перехватывает дух от предстоящего удовольствия: Федя с ловкостью жонглёра вытащил из кармана папиросы «Беломорканал» – редкость в нашей военной жизни. Аналогичную операцию проделывает и Николай Жилкин и великодушно протягивает мне только что распечатанную пачку. Сразу отсыпаю себе в карман половину папирос про запас. Какие между друзьями могут быть счёты!

Но Жилкин своей неожиданной репликой посылает меня прямо в нокдаун:

– Не спеши, братишка, можешь самостоятельно пользоваться всей пачкой.

– А что у вас тут происходит? Соревнования по переноске тяжестей, вон ещё двое марафонцев плетутся с мешком.

Они пускают в небо кольца табачного дыма и не собираются отвечать. Неужели они завоевали первое место и в виде приза получили папиросы?.. Тут я грешу на своих товарищей. Ласково поглаживаю тюк, пытаюсь определить, что там, бегло смотрю по сторонам и вполголоса спрашиваю:

– Там что, полно папирос? Вы где-то тайком нашли этот багаж? Так не сидите на нём, всё сомнёте – труха останется!

– Нет, там не курево, – Федя Зайцев горестно отмахивается рукой и продолжает, – мы приборохнулись на вещевом складе. Получили для своей группы десантные комбинезоны, лётные шлемы, маскхалаты и прочие атрибуты, а папиросы нам утром выдали, предупредили, что НЗ – не прикосновенный запас – но, наверное, там ошиблись адресом. Зачем нам в тыл папиросы? Они много места займут, вот мы их и раскуриваем, вдруг очухаются и потребуют вернуть обратно, а они «тю-тю», – Федя выпускает клуб дыма из рта и развеивает его рукой.

Вот и они – друзья мои боевые, с которыми больше восьми месяцев вместе выполняли на фронте задания, ставили минные поля, разминировали танковые проходы, сбрасывались на диверсии в разведку, уже определены в группу и собираются улетать. А я остаюсь, становится совсем грустно. Верно гласит восточная мудрость, что на того, кто остаётся, падает две трети печали, а на того, кто уезжает, только одна треть. Бросаю папиросу, даже курить становится противно. Спихиваю Жилкина с выюка.

– Показывай, куда нести?

– Все прямо и прямо, потом за клубом налево, там нас автофургон ожидает, – потирая руки, торопится Николай.

Вдвоём они, кряхтя и поднатуживаясь, взгромождают мне на плечи эту кладь. Пригибаюсь и расставляю пошире ноги

для устойчивости. Но что это? Тюк на самом деле совсем лёгкий, только громоздкий. Одному нести запросто. Ребята придуривались, волочили его по асфальту, поворачивали с боку на бок и поминутно отдыхали. Тянули волюнку, показывали вид, как любит говорить Жилкин.

Вдруг Николай бьёт ладонью себе по лбу, вопросительно смотрит на Федю и тычет в меня пальцем:

– Зайцев, слушай сюда, может побалакаем про этого салажонка с нашим капитаном Сорокой, командир просил подобрать в отряд ещё кого-нибудь из знакомых минёров, пусть даже непутёвого, а этот чуешь какой работающий, может и пригодится...

Жилкин не успевает закончить свою глупую тираду, как выюк летит на землю. Хватаю обоих за грудки и трясую, пока их зубы не начинают издавать звук, похожий на тот, что получается от детской погремушки с горохом внутри.

– Как вы, биндюжники, тупые грузоносы, смогли о главном умолчать? Бежим к капитану, может ещё не поздно! Капитан стал уже вашим, а я что? Чужой сделался у вас? Непутёвым обозвали?

Они запрокидывают головы и, не собираясь сдвинуться с места, гогочут, словно жеребцы. Что они нашли смешного?

Наконец угомонившись, Федя обрушивается на Николая:

– Вечно ты порываешься выступать, как римский оратор Цицерон, сказали бы ему о капитане после того, как чувак оказался бы в машине, может он и другие тюки помог бы

перенести. А теперь, бывший докер, кантуй их сам. Видишь, друг наш наострился бежать к капитану, точно стайер на длинной дистанции. Для нашей непосильной работы он уже отрезанный ломоть.

Но бежать мне не приходится. Всё устраивается как нельзя лучше. Оказывается, Федя Зайцев и Николай Жилкин уже договорились с капитаном Сорокой, и я зачислен в его группу подрывником. По обычной привычке они разыграли меня. Но за такую радостную новость даже не сержусь на их шутки и готов перенести все тюки один. Главное-то, я лечу! Кончилось сидение.

Вскоре закончили дополнительную спецподготовку в бригаде. Выполнили учебные ночные прыжки с парашютом на холмы, поросшие соснами. Предположительно летим в Прикарпатье, перед самым отлётом скажут точно, при прыжках надо зарубить себе на носу, что если завис на дереве, то не надо спешить отстёгивать парашют или обрезать стропы и прыгать с дерева вниз. Конечно, если подбегают фрицы, то раздумывать некогда, бросай в них гранату и сам следом лети на землю, пока у них паника, а В более или менее нормальных условиях надо попытаться раскачаться на стропях и уцепиться за ствол или толстую ветвь дерева. Только после этого надо освободиться от парашюта, ски-нуть вниз или спустить на стропе груз, и затем опускаться по дереву самому, если не надо сдёргивать полотно самого парашюта: днём он будет виден издалека, особенно с самолёта или нависаю-

щих гор.

Почти все необдуманые, скоропалительные прыжки с дерева зависшего парашютиста ведут к растяжениям связок и перелому костей. На земле торчат КОРНИ и кочки, а ведь на плечи дополнительно давит груз боеприпасов, оружия, радиации, о котором сгоряча забывают. На тренировках мы учитывали это, как и многое другое, и прыгали без происшествий.

На конспиративной «точке»

Вся группа капитана Сороки перебазирова­лась в дачный посёлок Тарасовку, недалеко от Лосиноостровской. В бригаде было принято укомплектованные, иногда не полностью, группы и отряды перед отправкой на задание в тыл переводить из полков на обособленные объекты – «точки».

Одноэтажный дом – дача, где мы разместились, поражала своей огромностью и пустотой помещений. На чердаке-мансарде мы обнаружили металлические сетчатые кровати без матрасов. Они нам пригодились. Бросили на них плащ-палатки и укрывались по-походному шинелями – к этому давно привыкли, а кровати были роскошью временной.

Обширный участок с громадными берёзами кругом обнесён сплошным глухим и высоким забором из широких тесин, выкрашенных с двух сторон тёмно-зелёной краской. По проходящей мимо участка грунтовой улице давно никто не ездил. Кюветы и дорожки с боков проезжей части заросли травой и репейником. В сторону железнодорожной станции к участку примыкала берёзовая роща. Соседние летние дачные домики пустовали, окна и двери в них крест-накрест защиты уже не первый год досками. Опустели подмосковные посёлки, и совсем не было слышно и видно шумливых ребятишек.

На «точке» уже наполовину отрешённые от спокойной,

мирной жизни мы будем ждать команду к отлёту. Комсомольский билет, красноармейская книжка, пару фотографий и писем – всё то дорогое, что обычно лежит у солдата в прорезиненном мешочке в кармане гимнастёрки, у сердца – сдано на хранение в штабе.

В один из дней решили заняться подгонкой снаряжения, проверкой боеприпасов и личных вещей. Наш капитан сказал, что предупредит об отъезде накануне, поэтому мы не торопимся, но все же лучше быть готовым заранее. Последние заключительные сборы. С собой нужно взять только самое необходимое, но и ничего не забыть. РБО – роты боевого обеспечения – не будет. Не будет и обоза, наш обоз – это наши плечи, пусть даже и крепкие. У нас слишком маленькая спецгруппа, чтобы иметь лошадей.

Солдат в свободно выпавшее время любит покопаться в своих небогатых вещах, показать товарищам, которые тоже с интересом повертят в руках какую-нибудь замысловатую зажигалку, сделанную из гильзы патрона, трофейный трехцветный фонарь или нож с кнопкой. Не спеша и скрупулёзно разбираем свой скарб, накопленный за зиму почти окопной жизни на кавказских перевалах. Сейчас мы отбираем и выкидываем всё лишнее. Каждый предмет тщательно рассматривается только с двух точек зрения: его обязательной необходимости там в тылу у немцев и его... веса!

Все прекрасно помнят, как на многочасовом марше от усталости начинают выбрасывать и оставлять на коротких

привалах даже мелочи, вплоть до невесомой мыльницы, маленького кожаного тренчика или даже ложки. До того всё кажется непосильно тяжёлым. Кстати, деревянная ложка легче алюминиевой и при спешке она удобнее: не обжигает губы и язык, а при общем котле без мисок и тарелок просто незаменима, так как зачерпывает значительно больше!

Иван Притыкин, коренастый, плотный с льяными волосами и круглым лицом, на котором почти не видно белёсых бровей, классный минёр долго копается в своём вещмешке, потом подымает голову и сокрушённо высказывается:

– Ребята, кто будет проверять мешки? Сам я не в силах что-нибудь выкинуть, всё жалко.

– Ха, вот появился телёнок несмышлёный, – взрывается Федя Зайцев, – я такое дело никому не доверю.

Притыкин по любой реплике, направленной на него, смущается и краснеет, словно девушка. Неожиданно берёт за низ вещмешок и вываливает всё добро на пол.

– А мне ничего не надо, кроме патронов и гранат. Курить – я не курю, и Фляжка мне не нужна, как некоторым.

– Так! Полотенце и мыло отдай мне, пригодится, – сходу заявляет Федя Зайцев.

Всех рассмешило это заявление, потому что Ваня даже зимой в горах каждый день купался в горных ледяных речках. Притыкин хватает полотенце и запихивает за ворот – это вызывает ещё большее оживление.

Обычно проверкой вещей занимался старшина роты. Он,

выстраивал взвод в одну шеренгу, приказывал вывалить содержимое вещевого мешка на плащ-палатку и производил проверку всего табельного и нетабельного имущества, положенного и неположенного, последнее безжалостно изымалось. Мольбы не помогали. Теперь мы занимаемся отбором сами. Это действительно сложнее: нельзя всю ответственность свалить на старшину, опыт которого бесспорен, у которого всегда можно попросить иголку с ниткой и пуговицу, если сам по нерадивости их не имеешь.

Первым у меня полетел портсигар – прямоугольная металлическая банка из-под немецких взрывателей. Удобная и вместительная коробка для запаса махорки, особенно для табачных листьев. Они не растираются в порошок, как в кисте. Но коробка тяжеловата и мешает ползти по-пластунски.

Затем последовала чёрная надувная резиновая подушка. Трофей ещё с реки Ловать под Старой Руссой, где утонула в болотах Латышская дивизия: «наша военная молодость – Северо-Западный фронт», как пелось в одной песне. Многие с завистью смотрели, как я перед сном надуваю подушку, но вражий тыл не фронт – обойдусь без комфорта, а плаваю я и без поплавка-подушки.

Жаль расставаться с приобретённым в горах кубком из рога то ли дикого барана, то ли горного козла. Не такой он и тяжёлый, но несколько длинноват и изогнут, поэтому неудобен.

– Братцы! Кому нужен кубок с инкрустациями? Не по-

жалеете. Век вспоминать меня будете. Никто не покушает? Жаль... Тогда дарю на память бесплатно, кто возьмёт?

Кубок обходит по кругу через все руки, вызывает общее восхищение и летит в кучу ненужных вещей. Народ бывалый и на уговоры не поддался. Хороший был рог, с цепочкой.

Старший сержант Михаил Котов – симпатичный москвич с Замоскворечья, поклонник медсестричек, раньше всех без сожаления расстался со своим ненужным добром. Он стоял, подпирая плечом проём двери, скрестив руки на груди, словно памятник, и с сожалением смотрел на растущую кучу вещей.

– Друзья, если к этому бараклу, – он кивнул на откиннутые в угол вещички, – добавить кое-что из наших продуктовых запасов, немного урезав пищевой рацион, то можно торжественно отметить праздник «Первое Мая», совместив с прощальным ужином. Для этого выменять что-нибудь «укрепляюще-согревающее», как говорил классик Иван Сергеевич Тургенев. Или кто против?

Против не было. Котов и Жилкин произвели вылазку в соседний посёлок, где находился рынок. Часа через три они вернулись с «укрепляюще-согревающим». Запас продуктов заметно убавился. Успокаивало то, что пшено и подсолнечное масло в тыл никто не брал, также как противогазы и стальные каски.

На третий день первым заворчал тощий Федя Зайцев:

– Не улетел ли капитан Сорока без нас? У меня ощущение

полного одиночества, как на острове Робинзона Крузо.

Все эти дни, пока мы находимся в Тарасовке, капитан за-
скочил к нам только один раз и то ненадолго. Остальное вре-
мя пропадает по оперативным делам в штабе.

– А правда, что с ним? – встрепнулся Иван Притыкин,
его голубые глаза округлились, – где капитан? Без него скуч-
но, может чего вкусенького привезёт, а то с едой туговато.

Все засмеялись. В тёмной прихожей, тамбуре, приспособ-
ленном под каптёрку, находился большой мешок чёрных ар-
мейских сухарей, мясные консервы и полный ящик горохо-
вых концентратов. Наслаждайся сколько душе захочется. О
нехватке пищи не может быть и речи. Гороховые концентра-
ты нас просто выручили прошлым летом, когда нас бросили
на Кавказ. Тёмной ночью подняли батальон по тревоге, поса-
дили на от-крытые грузовые автомашины и привезли на ка-
кую-то подмосковную станцию. Там погрузились в красные
коробочки-вагоны, дали нам «зелёную улицу» и понеслись
мы почти без остановок на юг. Батальонная кухня шла где-
то вторым эшелонном: прозевали интенданты. Мы остались
на сухом пайке.

На редких остановках стояли пять-десять минут – это и
есть «зелёная улица». Только на костре у вагона начнём в
котелках варить рисовую или пшённую кашу, как слышим
команду: «Но вагонам!». Хватаешь котелок, еле успеваешь
раскидать костёр, ребята уже на ходу за руки втаскивают те-
бя в вагон. Едешь целый перегон – километров двести, часа

три-четыре – с уже остывшей и сырой кашей в руках. Снова остановка: то ли меняют паровоз, то ли в него воду заливают, разведёшь огонь и опять: «По вагонам!». А каша всё сырая! Так продолжается много часов, хочется есть, крупа только пухнет, начинает вылезать из котелка, но по-прежнему неготовая.

Наконец, кто-то додумался сменить «меню». На каждой станции, полустанке в войну обязательно была колонка с краном горячей воды – кипятком. Недоварившуюся кашу на остановке отдали людям, взявшим её с радостью: всюду было голодно, а освободившиеся котелки налили кипятку и бросили туда гороховый концентрат, который моментально заварился, добавили туда крошенные ржаные сухари, размешали ложкой... спасены!

Федя Зайцев продолжает хмуриться и недовольно басит:

– Ржёте! А про то не думаете, что нам пора вылетать! Так и война без нас кончится. Ночи с каждым днём становятся всё короче, а лётчикам она длинная ох, как необходима!

– Самолёты и днём всюю летают, даже спать мешают, – вставляет Иван Притыкин, считающий сон лучшим отдыхом.

– Так то, истребители и штурмовики, а нашим почти беззащитным транспортным тихоходам нужна ночь, чтобы успеть затемно перелететь обратно линию фронта, пока их днём не сбили фашисты. Сбрасывать нас будут за тридевять земель и без подскока.

Зайцев видит удивление в глазах Притыкина и поясняет:

– Подскок – это посадка на промежуточном аэродроме возле линии фронта, чтобы сэкономить ночное время, – Феде на минуту замолкает, потом вновь всплывает: – и сухари мне ваши надоели, как пареная редька, у меня от них икота возникает, а от «второго фронта» изжога мучает.

Наши союзники по войне с фашистами англичане и американцы второй год затягивали высадку своих войск во Франции, и солдатский юмор назвал американские консервы с тушёнкой и колбасой, присылаемые нам по лендлизу, «вторым фронтом».

Раз Феде Зайцеву надоели даже мясные консервы, то безусловно, только по одному этому, наступило время вылетать. Мы все знаем слабость Феде к еде. Запасов он не терпел. Бывало выдадут паёк сахару и чаю на полмесяца вперёд – на перевалах с подвозом было сложновато – он пересыплет сразу все в котелок, зальёт горячей водой и выпивает этот сироп. При этом мрачно смотрел из-под нависших густых чёрных бровей и приговаривал: «не ждите, сахару вам не достанется». И всем вспоминался минёр, подорвавшийся при разминировании танкового прохода. В его вещмешке в блиндаже нашли большую торбу с сахарным песком. Обычно у нас, если кто не ел чего-нибудь, были такие оригиналы, или не курил, таких было больше, то отдавали свою порцию товарищам. Просто отдавали. С этим минёром был непонятный случай, домой отправить посылку он не мог – родные его бы-

ли в оккупации – хотел «обменять» на деньги? Так они нам были не нужны, да и как в нашем положении можно знать, что будет завтра? Шли тяжёлые бои и каждый час уносил солдатские жизни. Вот и Федя съедал все сегодня, что можно было не оставлять на другой день.

– Братишки, надо передать по радиии в штаб, что просим поскорее отправить на задание, но это вторым моментом, а то они обидятся, что мы им вроде даём указание. Первым пунктиком для вескости сказать, что паёк съеден, появилась слабость в теле. Заодно попросить разрешение начать заготовку продуктов в посёлке среди туземцев. Это как семибалльный шторм должен подействовать на начальство. Оно страх как «любят» такую самодеятельность! – без тени улыбки выдал Николай Жилкин, шутник и балагур, как все одеситы.

– Слишком длинно, врежут за засорение эфира, – отозвался Павел Киселёв, тоже минёр, высокий голубоглазый гимнаст из Саратова, молчаливый, спокойный, невозмутимый и хладнокровный до крайности, до удивления.

Своей репликой Павел поддержал идею Николая, и она была с восторгом принята всеми. Над текстом радиограммы долго спорили и смеялись. Отметали десятки всевозможных вариантов, как неподходящих.

– Пришлите провиант для тыла отряду Сороки, – наконец предложил Лёша Крылов, молоденький, но уже бывалый партизан, рыжеватый паренёк с коноплятинами на носу и

щехах, общий любимец, запевала и кладезь ФРОНТОВЫХ И Лирических песен.

– Во здорово, ай да Лёха! Своё дело знает ЛИХО, – скаламбурил Жилкин, – не то, что вы ушами хлопаете. Наверху всполошатся! Почему прислать, зачем прислать? Что у них уже отряд? А ведь они хлопцы боевые, в рот палец не клали, в тыл могут уйти и сами, ищи тогда ветра в поле.

Прислушивавшийся к разговору Михаил Котов, молчаливо единогласно выбранный нами старшим группы, сказал:

– Правильно, радиограмма классическая, короче и лучше не выразишься, провиант просим для тыла – это естественно, а насчет отряда, так мы считаем себя будущим отрядом. Старомодное «провиант» заставит их призадуматься, всё ли у нас в порядке, и все ли здоровы, – Михаил выразительно повертел пальцем у головы и равнодушным тоном добавил: – только когда прибудет начальство или интендант, надо вовремя успеть спрятать Жилкина и Притыкина на чердаке на мансарде и запереть их на висячий замок на всякий случай.

– Громадяне, слушай сюда, что это творится на брэнной земле, – взъерошился Николай Жилкин, не предполагая подвоха, – или нас не мама родила, что мы с Ванечкой ПОДКИДЫШИ какие-то, что ли? Приедет человек из столицы, с которым можно будет перекинуться приятными словами, не то что с вами, великими молчунами, слова за день не вытянешь! И вы хотите запихать нас на чердак, как ненужную мебель? За какие же такие грехи молодости?

– Резонно, дорогой докер, из уютного города Одессы, – приподнялся из-за стола Федя Зайцев, – если вас двоих увидит приехавший экспедитор, то сорвутся наши продуктовые надежды. Таким луноподобным «фасадам», как ваши миленькие липа, никто, никогда, никаких дополнительных пайков не даст! Версия о «слабости в теле» вылетит в трубу вверх тормашками.

Ребята схватились за животы, кто-то катался по полу, глядя, как лица друзей порозовели и стали похожи на луну на рассвете. На розыгрыши не обижались, шутки были незлобные, перепало всем по очереди. Мы были молоды и задорны, любили пошутить и посмеяться. Нас объединяла фронтовая дружба.

Лежим на траве, смотрим в небо и ни о чём не думаем. Белыми парусными кораблями и сказочными воздушными замками проплывают облака. Кто-то играет на самодельных, вырезанных из деревяшек шахматах. Некоторые отсыпаются наперёд на будущее, укрывшись с головой шинелью. Выспаться – одна из важных и часто сложных и невыполнимых проблем фронтовой жизни. Как-то после удачного трёхсуточного поиска зимой возвращаемся с «языком» к себе, сваливаемся в окопы и видим одного нашего нет. По следам идём обратно. Метрах в ста на нейтральной полосе несколько одиноких берёзок, уцелевших от артогня, возле одной из НИХ, опёршись плечом и держа наизготовку автомат спит «потерявшийся». Трогаем за плечо, он как ни в чём не бы-

вало идёт вперёд. Только в окопах очухался: «ребята, а где же пленный?».

На площадке разгорячённые Николай Жилкин и Михаил Котов отрабатывают болевые приёмы джиу-джитсу. Павел Киселёв на длинной веревке привесил на сук дерева толстое полено, раскачал его и без промаха издали метает в него десантный нож. За домом Алексей Крылов тренируется в стрельбе из пистолета ТТ, всаживая пулю за пулей в американскую кон-сервную банку, подвешенную на гвоздь в стене дома.

Только эта одиночная стрельба и рокот барражирующих вдали самолётов напоминают тревожно, что где-то на западе громыхает война, идут непрерывные бои, и льётся кровь наших солдат. Многие никогда не вернутся домой, останутся вдовы, сироты-дети и безутешные матери...

Солнце зашло за берёзы, смеркается. К вечеру все собираемся на полянке возле дачи. Поём песни. С Кавказа мы привезли «Лизавету»: «одержим победу, к тебе я приеду на горячем боевом коне...» и особо любимившуюся «медсестру АНЮТУ»: «был я ранен, и капля за каплей кровь горячая стыла в снегу... медсестра дорогая Аня подползла, прошептала: «Живой...». История этой песни интересна: её не исполняли по радио, не была она записана и на пластинку, исполнил её эстрадный оркестр в осаждённом Севастополе и потом через госпитали, через возвращающихся раненых она зазвучала на всех фронтах.

Алексей Крылов, до войны участник детского оперного хора, пел нам грустную и печальную, тревожную и набатную песню про Зою Космодемьянскую:

Село с рассветом вышло из тумана
Стоял суровый утренник мороз,
Схватили немцы девушку Татьяну
И потащили в хату на допрос...
В её глазах бесстрашие сияло,
.....

Вспомнился тяжёлый тысяча девятьсот сорок первый. Военская часть, родная нам по выполнению заданий в тылу, «Полевая почта 9903», где командиром был легендарный майор Артур Карлович Спрогис, вспомнились его ученики и воспитанники Герои, отдавшие свою жизнь за Родину: Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Елена Колесова, Константин Заслонов...

Скромный и застенчивый Паша Киселёв прервал затянувшееся молчание:

– Друзья, все мы здесь присутствующие комсомольцы, как на собрании комсомольском, можно задать вопрос ко всем на тему, о которой мы не говорим, о возможности попасть в руки врага?

– Для нас это не ВОПРОС, последняя пуля в висок или граната под ноги, когда подойдут фрицы.

– Это бесспорно, ну а если в горячке боя не останется ни одного патрона, ни одной гранаты и на тебя навалятся фрицы?

– Или в городе попадётся в облаву, а у тебя нет оружия и документы пахнут липой, или как с Зоей, схватит сзади часовой и будет орать, звать на помощь свою ораву?

– Тогда, наверное, молчать, только молчать, как бы тебе не было невыносимо больно, фашисты всё равно убьют. Кусаться, драться – обозлённые они скорее убьют тебя: это выход.

– Да, если скажешь им хоть слово, вроде бы и незначительное, никому не повредившее бы, то ты пропал, из тебя вытянут всё, что ты знаешь и что ты не знаешь.

– Слышал, что подпольщики держатся хотя бы несколько дней, пока их товарищи по борьбе не поймут, что он арестован, и надо сменить явки и конспиративные квартиры, после уже его признания повредят только ему.

– Не знаю, как вы, а я мёртвый зубами вырву чеку гранаты!

– Все, наверно, читали «Испытание» и «Твой неизвестный брат» немецкого писателя-коммуниста Вилли Бределя, мне там запомнилось, что немецкие коммунисты не признавали самоубийства и держались до конца. Бредель был комиссаром бригады в Испании.

– Это были сильные и мужественные люди с большим подпольным стажем, Гитлер уничтожил сто пятьдесят тысяч коммунистов.

– Помните, кто-то в бригаде рассказывал, как девушку, партизанку-разведчицу, схватили в деревне. Измученную и истерзанную её на другой день привели на допрос. Два наглых гестаповца начали снова над ней измываться. Она увидела на столе пистолет, подобралась к нему, схватила и застрелила этих двух фрицев, выпрыгнула полураздетая в окно и бросилась по снегу к лесу... её затравили собаками.

– Это была Героиня в полном смысле этого слова, умирая, ни на что, не надеясь, она убила, сколько могла врагов.

– Хлопцы, вы меня знаете, под танки я с миной лез? Лез! А попасть в плен я не мыслю, пыток я не выдержу, заноза под ноготь вопьётся я ору, как оглашенный, последнюю пулю я сохранию себе...

– Ребята, мне одна переводчица рассказывала про последнюю пулю...

– Это которой ты стихи читал после отбоя на спортплощадке возле сирени?

– Ребята остановите его, или я из него бифштекс сделаю!

– Говори, говори – мы ему рот зажали.

– Так вот, ОДИН французский писатель описывает случай – у французских партизан маки – франтиреру дали задание, выдали револьвер с пятью патронами, а он был настроен, что последнюю пулю пустит в себя, твёрдо настроен, в лесу встречает четырёх немцев – стрелок он был отменный – всаживает в них четыре пули, они скошены, пятую пулю посылает себе в голову, последнюю пятую... Один немец, тя-

жело раненый остался жив, потом он удивлялся, почему партизан застрелился, он свободно мог уйти, его некому было преследовать. Вот вам и последняя пуля! Торопиться не надо.

Мы не знали о приказе Гитлера, что всех «командос» – десантников подлежит уничтожить немедленно. Омсбоновцы в плен не сдавались...

Наступала ночь, стихли разговоры... Иногда издалека доносится стук колёс проходящего поезда. После полуночи мы ходим туда на полотно железной дороги, тренироваться ставить «мины», деревянные коробки без тола и взрывателей. Другой такой благоприятной возможности не будет. Если охрана путей нас зажучит, то наверняка откроет огонь, подумают, что диверсанты. В ЭТОМ тоже есть свой смысл, надо подползать так, чтобы не заметили. Немцы не будут окликать «кто идёт?». Конечно, если наше начальство об этом узнает, нагорит нам по милую душу.

Вторая колея железнодорожных путей снята. На строительстве Дворца Советов в столице на берегу Москва-реки демонтированы металлические прогоны и колонны, уже подымавшиеся перед войной до пятого этажа. Стране не хватало железа...

Утром получили радиogramму: «четвёртому срочно... явиться...» и пока можно было видеть их – моих друзей – между белыми стволами берёз, они прощально махали руками...

С моими друзьями-однополчанами донбассовцем Фёдором Зайцевым, одесситом Николаем Жилкиным, москвичами Михаилом Котовым и Иваном Притыкиным встретиться мне не было суждено. Один за другим они героически погибли при выполнении специальных заданий в тылу врага. Они погибли за нашу Советскую Родину, за светлую жизнь далёких и неведомых им потомков.

Транзит через Москву

Часа через два после удачной посадки на ступеньки тамбура попутного товарняка я очутился в Москве. Народу на улицах стало больше, патрулей меньше. Благополучно, без задержек пришёл в штаб бригады. В коридоре столкнулся со знакомым писарем. В прошлом году он мне очень помог.

Вызывает тогда меня командир роты капитан Рунько и, улыбаясь – он и наряд «вне очереди» давал, улыбаясь – спрашивает:

– Вы на третий курс института перешли?

Ну, думаю, пропал я, неужели вышел приказ отправлять студентов на учёбу? Такая ситуация однажды была: еле выпутался от посылки в училище. Делать нечего, скрепя сердце сознаюсь:

– Так точно, товарищ капитан – и тут же быстро добавляю, – но я учиться больше не хочу.

– Прекрасно, – продолжает капитан, у него подтянутая спортивная фигура, мы смотрим глаза в глаза, только я не улыбаюсь. – Назначаю вас ротным писарем! Возьмите у старшины списки личного состава и другие сведения и в шестнадцать ноль-ноль принесёте мне готовую ведомость боевого обеспечения роты! – он протягивает руку с часами мне под нос – сейчас тринадцать!

Капитан или не заметил мой отвисший до пояса подбороро-

док, как у статуй острова Пасхи, или был чёрствым служакой. Меня не смущало то, что за короткое время надо составить какую-то там ведомость. У меня перед глазами замаячила фигура нашего бывшего ротного писаря, которого после недолгого пребывания в роте перевели на повышение в батальон, и который так ни разу и не летал на задания. Такая перспектива меня совершенно не устраивала.

В шестнадцать часов ноль три минуты капитан с обычной вежливой корректностью выгнал меня переписывать ведомость. Обижаться на это нельзя. Мои робкие оправдания, что я испортил почерк скорописной записью лекций в институте, на него не подействовали.

В каптёрке, где вместе со старшиной роты положено помещаться и писарю, мне пришла в голову блестящая мысль. Скажу-ка моему приятелю бывшему учителю русского языка в Казани, что командир приказал ему срочно переписать для высшего начальства ведомость и по возможности чётче и красивее.

Через полчаса капитан бегло посмотрел на новые листы ведомости и остался весьма доволен.

– Полный порядок, оказывается умеете работать, – сказал он улыбаясь и вставая, – на первый случай за ранее допущенную небрежность делаю вам замечание.

ЭТО весьма подходящий момент для ретирады. Два взыскания подряд не даст. Дальше всё осложнится и станет намного страшнее.

– Товарищ капитан! – взмолился я, глядя на него невинными глазами бравого солдата Швейка, – это не я писал, это боец из второго взвода Шарыпов. Он стоит за дверь. Проверьте его почерк – добавил я несколько заикаясь от волнения.

Шарыпов каллиграфически вывел продиктованную ему замысловатую фразу без единой ошибки и помарки. Моя должность писаря продолжалась три часа тридцать девять минут.

Товарищи, прослышав про эту историю, долго смеялись и говорили, что за такую взаимовыручку я обязан угощать Шарыпова, когда он только этого пожелает, Шарыпов был другого мнения, правда, у него были маленькие дети.

И вот он предо мною. На погонах у него лычки – штабная работа тоже ценится – он немного располнел и служит в штабе бригады. Но ничуть не зазнался, обнял меня, как родного брата. С его помощью через считанные минуты все нужные документы лежали у меня в кармане. У подъезда ждала лично мне предоставленная полуторка.

На одном из складов бригады, на проезде имени Героя лётчика Анатолия Серова – все мальчишки им восторгались – получил парашют и на том же грузовичке прибыл ещё на одну «точку».

Двухэтажный старинный особняк из красного кир-пича с остроконечной крышей в готическом стиле, за высокой оградой и ветвями деревьев с Гоголевского бульвара почти не

проглядывался. После длительного стука в дверь кулаком и ногой открылось в калитке окошко и часовой внимательно оглядел меня с головы до ног. Тщательно несколько раз прочитал сопроводительную. Наконец «сезам» открылся, и я проник во двор.

Никто чужой не мог и предположить, что в этом домике на втором этаже, на сдвинутых бильярдных столах с зелёным сукном, укладываются парашюты и собираются в путь «идущие впереди фронта».

Известный до войны мастер парашютного спорта внимательно наблюдает, как мы укладываем парашют. По инструкции укладка производится вдвоём, мы помогаем друг другу. Главное, правильно сложить стропы, а то парашют захлестнётся ими, и прощай молодость, впрочем, остальное тоже надо уложить абсолютно правильно.

Наблюдая нашу невольную тревогу и напряжённость, инструктор тоже начинает с нами разглаживать полотна парашюта и попутно, чуть усмехаясь, рассказывает:

– Однажды, ещё в мирное время прыгал у меня один новичок. Спустился на землю нормально, собрал в охапку парашют и подходит ко мне: «Товарищ инструктор, запишите мне два прыжка.» Удивляюсь, небывалый случай. Или наглец попался или после прыжка у него затмение вышло? Память отшибло. А он с печальным и задумчивым видом, вроде вашего, продолжает: «это был мой первый и ... последний прыжок, больше не будет».

Посмеявшись, мы спокойней и живее закончили укладку. В паутствие инструктор сказал:

– Если кто-нибудь похвастается вам, что прыжок с парашютом не представляет никакой сложности, не верьте этому пустомеле. Прыжок подвергает человека испытанию на смелость, он должен победить в себе инстинктивный страх перед пустотой, проявить мужество и самообладание. Эти волевые качества особенно нужны военным десантникам. Вам предстоит встреча с врагом. Быть может даже при спуске: забросайте фрицев гранатами, прижмите автоматным огнём и подтянув стропы, уходите в сторону фланированием. Ну, желаю удачи вам, мягкой посадки, и главное берегите ноги при встрече с землёй.

В соседнем помещении, возле обычных медицинских весов, каких полно на пляжах и в парках, суетился пожилой капитан в синем кителе. Он сам лично взвешивал каждого десантника в полном снаряжении и ставил отметку «добро» на вылет. К сожалению, никто не знал заранее, что он так дотошно проверяет вес.

– Откуда только выискивают таких битюгов? – ворчал он беззлобно, – не в десант, а на флот таких отправлять надо.

Когда общий вес превышал допустимую нагрузку на парашют, а это случалась довольно часто, на стол сыпались изъятые из ранца патроны, гранаты и прочее. Продукты, как правило, оставались нетронутыми: весили они относительно боеприпасов незначительно. Пререкания «ограбленных»

разбивались о каменную стену неприступности капитана.

Наступил мой черёд: носик рейки резко подпрыгнул вверх. Две моих любимые двухкилограммовые противотанковые гранаты сразу оказались на большом столе среди других «трофеев» неумолимого цербера. Он наметанным глазом скользнул на мой ремень явно нацеливаясь на пистолет. В этот момент вернулся кто-то из парней и начал качать права, что он якобы съел лишний котелок каши, а к вылету станет полегче.

Капитан вспыхнул, как бутылка с самовозгорающейся жидкостью, и ополчился на искателя правды. Мельком через плечо он взглянул на меня и буркнул:

го

– А вы что пришвартовались? Отчаливайте! – и машинально поставил закорючку «добро» на моей бумажке. У пожилого капитана под кителем наверняка маячила тельняшка.

Дальше всё решали секунды. Впереди его спина, сбоку инструктор, закинув голову, внимательно изучает лепнину на карнизе потолка. На столе среди всякого военного снаряжения возвышались и мои законные гранаты. Не всё получается по писаным инструкциям. Мгновение – и две противотанковые гранаты очутились в широких карманах моего комбинезона. Развалистой морской походкой, чтобы сделать приятное капитану, к тому же гранаты мешают идти, направляюсь к дверям на выход.

Остаток дня пробежал незаметно. Дежурный лейтенант нашёл меня за шахматным столиком и сказал, что пришла машина, пора ехать. Партия осталась неоконченной.

– Запишите свой ход, вернусь доиграем.

Шутка не получилась. Двое играющих против меня стояли смущённые и молчали. Отправление человека во вражеский тыл они воспринимали несколько трагически. Свою симпатию и дружелюбие выразили тем, что кинулись помогать донести до калитки вещевой ранец и переносную сумку с парашютом и тепло жали руку.

Скатку шинели решил оставить в гардеробе. Наступило лето, теплынь, зачем таскать на себе лишнюю тяжесть. На будущее не люблю загадывать. Живы будем – всё добудем. Вечером при обходе помещения будет потеха. Висит шинель, а хозяина нет. Найти его! А был ли вообще человек?

... Пройдут годы и в этом тихом особняке на Гоголевском бульваре откроется Центральный шахматный клуб...

Часовой, видимо ему сообщили по телефону, уже ничего не спрашивал и сразу открыл калитку. У тротуара стоял сверкающий солнечными зайчиками чёрный лимузин марки «Линкольн» с бегущей гончей собакой на радиаторной коробке. Неужели этот «чёрный блеск» приехал за мной? Нам примелькались всегда покрытые грязью камуфлированные фронтальные машины – «эмки» летом зелёные, а зимою грязно-белые.

Открылась задняя дверца и послышался тихий голос:

– Садитесь, поедem.

По пути на аэродром

В глубине машины сидел человек в штатском. Сразу узнал полковника Лебедева. Эта встреча обрадовала меня. Его любили и уважали в бригаде, как опытного и знающего командира. Обеспечиваемые им выброски десантных групп не имели несчастных случаев. Мы заранее чувствовали, что всё будет в порядке, поднималось хорошее настроение.

С командирами у нас сложились особые товарищеские, доброжелательные отношения. Совместное выполнение специальных опасных боевых операций, где жизнь зависела от общих усилий, способствовали сближению. Командиров обычно называли по имени и отчеству. При посторонних это было своего рода конспирацией. Мы уважали их и понимали их превосходство, поэтому панибратство не мыслилось.

Из госпиталей наши товарищи возвращались в бригаду – это редкая привилегия спецчастей в годы войны – поэтому мы хорошо знали друг друга. Вежливое обращение, полнейшее отсутствие грубых выражений, высокомерия царило в отрядах и боевых группах на заданиях.

Высочайшая дисциплина держалась на сознательности, добровольности, чувстве патриотизма. Слово, приказ командира, сказанные спокойным голосом, шёпотом, жестом исполнялись безоговорочно, без малейших раздумий и сомнений, даже если это была команда идти на гибель. Значит,

так надо, надо для спасения товарищей, для выполнения задания. Этот приказ был реальным, осязаемым, близким. За ним стояло высокое, безграничное и вечное – Родина.

Весной прошлого сорок второго года полковник долго беседовал в номере гостиницы «Москва» с нами, группой бойцов из Латышской стрелковой дивизии – в дальнейшем 43-й Гвардейской – прибывших на пополнение в ОМСБОН. Вызывали нас в номер по одному. Как единственный в команде москвич, я пошёл первым. За столом сидел человек средних лет в сером костюме. Другой склонился над тумбочкой с кипой бумаг.

После подробных анкетных данных меня спросили, как я представляю себе войну в глубоком вражеском тылу, какие мои военные знания – ответил, что двухгодичная высшая военная подготовка в институте, значки «Готов к труду и обороне» и «Ворошиловский стрелок». Как я мыслю, если потребуется пойти на самопожертвование?

Товарищ, наверное, не был на фронте и не знал, как за друга подставляешь свою грудь в бою. Надо признаться, что мне эти вопросы надоели. Я сгоряча выпалил, что когда в наш батальон, отозванный на отдых, приехало большое начальство и построили уже пополненный после потерь батальон и коротко сказали: «Пуйши – это парни – кто хочет бить фрицев у них в тылу? Учтите, что шансов остаться в живых будет мало! Кто согласен два шага вперёд!» Весь батальон, как по команде, на едином выдохе, сделал два шага вперёд.

О том, что седой генерал вынул платок и вытер глаза, я не стал говорить, да и в тот день дул сильный с изморозью холодный северный ветер.

Сказал ещё, что из батальона отобрали только шестнадцать самых здоровых ребят, комсомольцев, которые все ушли на фронт добровольцами. И что мы знаем, на что идём. Там в коридоре ждут мои фронтовые товарищи, какие могут быть ещё вопросы?

Полковник и тогда был одет в штатский костюм. Мы по молодости пренебрежительно относились к людям в гражданской одежде: шла война.

Следующими за мной пошли вдвоём братья Антон и Франц Рекшне. Они вдвоём со всеми отступали из Прибалтики. Вдвоём с бутылками с горючей смесью вставляли из окопа против фашистских танков, вдвоем в атакующих цепях брали Боровск под Москвой. Они вдвоём вернулись в освобождённую Латвию...

Из соседнего номера в коридоре, где мы толпились, вышел военный без знаков отличия, с орденом на гимнастёрке, и по-латышски обратился к нам:

– Парни, вы не очень громко митингуйте здесь, во-первых, в конце коридора живут эвакуированные из Прибалтики артисты, им совсем не обязательно знать, кто здесь бывает, во-вторых, с вами беседует старый заслуженный чекист-разведчик, полковник госбезопасности, прошу отнеситесь к нему с Должным вниманием и уважением.

Мы опешили: вот тебе и штатский, разом умолкли все разговоры. Долго мы ещё пробыли в тревожном ожидании. Потом полковник беседовал уже со всеми нами вместе. Невольно возникшая в начале антипатия, улетучилась, как будто её и не было. Многие в тот вечер узнали мы полезного для нашей будущей работы. Особо запомнились его слова, что надо иметь горячее сердце патриота, холодный ум, стальные нервы и чистые руки.

Поздно вечером, нас приехавших с фронта, повезли в баню, прежде чем прибыть в полк, куда нас направили служить. Баня оказалась в Алексеевском студенческом городке с типовыми двухэтажными домиками, напротив сельхозвыставки – ныне ВДНХ – вместо городка сейчас высятся громадные дома и проходит улица имени Бориса Галушкина. Героя Советского Союза, десантника-партизана, нашего однополчанина-омсбоновца.

В этой бане с друзьями студентами мне неоднократно приходилось бывать. Первым знакомым, встретившимся мне в родном городе, оказался... банщик! Старик обнял меня и даже прослезился. Приезжавших домой фронтовиков даже малознакомые люди встречали, как родных, приглашали в гости, хотя с продуктами было туговато. В тяжёлую годину особо проявилась любовь людей к своей Армии.

Банщик дядя Вася принёс берёзовые веники, извлечённые из какого-то музейного запасника.

– Ну, теперь наконец поверили, что ты москвич, – заулы-

бались парни, расхватывая метёлки, – теперь остаётся только познакомить нас с твоими красавицами студентками!

Прошёл год, и снова встреча с полковником Лебедевым. Этот внезапный вызов связан с ним: чем-то я ему приглянулся.

Автомобиль с Гоголевского бульвара свернул на улицу Фрунзе, старые москвичи называли её по старинке Знаменкой. Арбат, по которому я ходил в школу, остался позади. Проехали по Моховой, поднимаемся на Красную площадь по проезду, где в дни праздников идут колонны демонстрантов, справа – стены и башни Кремля, слева – Исторический музей.

И вот дорогая, не только каждому москвичу, Красная площадь. Подумалось, что шофёр не впервые без указания едет по этому маршруту. Вернусь ли сюда неизвестно...

Полковник словно прочитал мои мысли, слегка дотронулся до моего плеча и кивнул на оконце машины:

– Смотри, тебе не скоро удастся здесь побывать.

Мавзолей Ленина был замаскирован под домик с колоннами и портиком. Таких домиков в то время ещё много ютилось в старых московских переулках. Стены Кремля были расписаны зелёными пятнами, чёрными и белыми широкими полосами – сверху, с самолёта, они казались домами, садами, переулками.

Сбитые под Москвой фашистские асы на допросах показывали, что им очень трудно было ориентироваться из-за ар-

тистически выполненной маскировки зданий, улиц, обводного канала. Только «Кремлей» на излучинах Москвы-реки они насчитывали семь.

Медленно проехали мимо памятника Минину и Пожарскому, он стоял в те годы напротив ГУМа, не доезжая лобного места, мимо храма Василия Блаженного, разукрашенного маскировкой и потерявшего свой неповторимый облик. Красная площадь осталась позади.

...Спустя десятилетия сюда будут приходить первые космонавты перед полётом в космос, заслуженные спортсмены, отправляющиеся на Олимпийские игры. Придут не ведая, что эта традиция рождалась в суровые военные годы у улетающих на боевые задания во вражеский тыл...

Лимузин за мостом через Москву-реку, изредка включая резкий сигнал, стал быстро набирать скорость. Полковник поднял стекло, отделяющее сидение шофёра от салона пассажиров. Стало глуше, хотя и без этого мотор работал почти без шума.

– Слушай внимательно и запоминай. С этой минуты отрешись от всего прошлого. Забудь, что родился в Москве и как тебя зовут. Твоё новое имя теперь – Марат. Так тебя должны звать в партизанском отряде. Этим кодовым именем, если будет нужно, имеешь право подписать и отправить радиogramму в Центр. Радисты зашифруют и передадут на известные им позывные. Полетишь на границу Украины и Белоруссии. В район древнего русского города Овруч «откуда Рус-

ская земля стала есть». Там находится наш омсбоновский спецотряд «Олимп». Они зимой на лыжах перешли линию фронта и прошли по тылам свыше тысячи километров.

Командир отряда – Карасёв Виктор Александрович, капитан, пограничник. Войну начал с самой границы, с реки Прут. Герой партизанской борьбы под Москвой в сорок первом. Он руководил партизанской операцией в райцентре Угодский Завод, которая войдёт в анналы Отечественной войны. Они разгромили штаб 12-го армейского корпуса фашистов, уничтожили свыше шестисот немцев.

Комиссар – Филоненко Михаил Иванович, чекист, бывший шахтёр, тоже опытный партизанский командир, в лесах Подмосковья руководил неуловимым диверсионным спецотрядом «Москва». Также в то время, когда фашисты подошли к Москве.

Полковник говорил тихо, иногда внимательно поглядывая на меня как бы изучая.

– Полетишь подрывником-инструктором, научишь ребят всему, что постиг сам, могут тебя послать и на другие задания, поэтому тебя засекретили. Я весьма много слышан о действиях отряда капитана Скоробогатько в предгорьях Кавказа. Как же не уберегли своего командира? Он на твоих глазах погиб?

– Я рядом был. Когда раздался взрыв мины, кинулся к нему. Он лежал ничком. Повернул на спину – вся грудь разорвана. Ничего нельзя было сделать. Он сразу затих. Капитан

любил нас, минёров. Был добр, поэтому и ругал за каждый промах. Мы за не-го пошли бы в огонь и воду, любили его. Дети у него остались, маленькие...

Грустно помолчали. Потом ПОЛКОВНИК вынул из кармана листок бумаги с нарисованными на нём кружочками и звёздочками:

– Это я для штурмана нарисовал, чтобы случайно не спутал на какие костры тебя сажать, тут есть одна тонкость. Лётчики народ увлекающийся, романтики, под небом вместе с птицами летают, песни под облаками поют, когда в бой идут. А в нашем деле ошибаться нельзя, как и вам минёрам.

Он очевидно имел в виду работу в разведке, за кордоном, во вражеском тылу.

– Прыгать будешь на пять костров, расположенных «конвертом», но тут особенность, костёр в центре сдвинут к короткой стороне «конверта», получается вроде треугольник и два костра немного в стороне – смотри, как это выглядит на рисунке. Когда появитесь над кострами внизу должны выпустить две стелющиеся красные ракеты, если ракет не будет, то две кассирующие очереди из пулемёта или автомата. Только после них можешь прыгать. Предосторожность крайне необходима. Лётчики рассказывают, что «гансы» очень разволновались, стали активными, каждую ночь жгут множество костров, обозначающих ложные площадки-ловушки и пытаются перехватывать наши самолёты ночными «мессерами».

Полковник почему-то «фрицев» называл «гансами» – это то-же собачье название – и зло кривил при этом губы, что не шло к нему: человек он был мягкий.

– Местные партизаны тоже палят костры, надеясь на случайный сброс мешков с вооружением или что ещё лучше. на спуск долгожданного радиста, за которым многие отряды посылают лю-дей в рискованный путь через линию фронта. Иногда на эти партизанские костры сыплются фашистские бомбы с «юнкерсов» и «хейнкелей». Если тебя при прыжке ветром отнесёт в сторону или придётся прыгать по случайным обстоятельствам в другом месте, то запомни, что отряд Карасёва базируется в лесном квадрате Ситовецкого леса, где с севера деревня Малыш, к югу – Желонь, с востока – Мухоеды и к западу село Выступовичи. Километрах в сорока на северо-восток от города Овруч. Всё это немножко приблизительно. Точнее на пальцах сказать просто нельзя – они ведь в лесу находятся...

Полковник чуть ли не виновато улыбнулся. Может потому, что не мог дать мне карту, не имел права. Он смотрел на меня и говорил тихо и медленно, но по-военному кратко и чётко, как бы вдалбливая в меня названия населённых пунктов, расстояния, имена... Всё это легко адсорбировалось в моей памяти. По его просьбе я повторил почти слово в слово. Он не сделал ни од-ной поправки.

Машина быстро отбрасывала назад километры, мелькнули до-мики на окраине Москвы. Полковник взглянул на ча-

сы. Достал из внутреннего кармана небольшой плоский пакет, обшитый белой шёлковой материей. К нему петлёй была пришита тесьма.

– Теперь твоё особое задание. Расстегни пуговицы, – он посмотрел на мой воротничок, потом накинул мне шнурок на шею и опустил пакет под комбинезон, сам застегнул верхнюю пуговицу и аккуратно пригладил рукой, – этот пакет ни при каких условиях не должен попасть в руки врага. Ни при каких, повторил он громче и очень серьёзно. В нём документы для разведчиков, от этих бумаг зависит их жизнь и выполнение важного задания. Некоторые наши люди из отряда Карасёва уже ведут работу в Киеве. Пакет передашь лично капитану Карасёву после пароля из рук в руки, применительно к обстановке.

Он не стал говорить, что я должен буду сделать, чтобы в опасный момент пакет не попал в руки фашистов, он доверил мне жизнь товарищей и надеялся на меня.

Полковник откинулся назад на спинку сидения. Немного погодя повернулся ко мне и вздохнул:

– Полетишь один. Вопросы есть?

Вопросов у меня не было. Одному, конечно, лететь хуже, между нами говоря, даже просто плохо. Особенно, если придётся прыгать не на костры, а «по случайным обстоятельствам в другом месте». Пока не найдёшь отряд, замучаешься, не поспишь и не отдохнёшь.

Рассказывали, что враги захватывали одиночек партизан,

разведчиков именно тогда, когда они обессиленные засыпали, не приняв мер предосторожности.

Но раз решено лететь одному – полечу один.

Лётное поле

На аэродроме наступила обычная суета перед ночными полётами. Механики копошились возле моторов. На взлётные дорожки выруливали готовые к вылету двухмоторные транспортные самолёты ЛИ-2. Это были чудесные воздушные работяги войны.

Домой из вражьего тыла на аэродром полка ЛИ-2 или как их обычно называли «дугласы», прилетали иссеченные осколками и пулями, с оборванной обшивкой, покалеченные, но не побеждённые. К ним полностью относилась шуточная песенка английских лётчиков времён войны:

«...бак пробит, хвост отбит
и летим мы ...
на честном слове
и на одном крыле...».

За линией фронта в партизанских зонах и краях они садились на любую мало-мальски пригодную площадку где-нибудь в лесу, на поле или зимой на лёд озера. Не раз взлетали под самым носом растерявшихся, озлобленных фрицев.

...После войны «дугласы» ещё свыше тридцати лет доблестно служили в гражданской авиации, и последний ЛИ-2 вознёсся на вечный постамент на острове Диксон, как па-

мятник покорителям Арктики. Другие самолёты тех огненных лет давно отслужили свой машинный век. К сожалению, некоторые из боевых машин не остались даже в музеях...

Группы десантников в ожидании вылета бродили возле своих тюков с боеприпасами и посматривали, чтобы кто-нибудь «случайно» не погрузил их в другой самолёт. То тут, то там неожиданно вспыхивал громкий смех. Где-то запевали песню. Если бы не зелёное поле аэродрома и не рокот двигателей самолётов, можно было подумать, что молодёжь собралась на воскресную прогулку. Тем более, что среди рослых ребят мелькали девичьи фигурки с тонкими талиями, которые не скрывали неуклюжие комбинезоны, из-под лётных шлемов выбивались локоны волос. Все они через несколько часов окажутся в глубоком вражеском тылу.

Полковник ушёл на КП – командный пункт – и велел ждать его. Подхожу к одной из групп и слышу, как знакомый сержант из второго батальона нашего полка, ротный «Вася Тёркин», рассказывает что-то смешное.

– ... и вот полетели они на задание: взорвать мост на рокадной железной дороге под Великими Луками. Рокадная – кто не знает – это дорога вдоль линии фронта. Сбросить десант должны были в Калининской (сейчас называется Тверская) области у речки с ребячьим именем Серёжа. Поднялись они на «дугласе» с этого аэродрома, сделали традиционный круг над полем, штурман нанёс курс на планшет, каким-то образом перепутал азимут ровно на сто восемьдесят

градусов и сказал пилоту:

– Давай жми ровно триста пятьдесят километров!

Погода стояла туманная, облачная, ориентиров никаких не видно, и полетел аэроплан на восток вместо запада, штурман через пару часов лёту вышел к десантникам и крикнул в ухо командиру:

– Подходим по времени к цели, внизу сплошной лес, приготовитесь к прыжку, как зажжётся лампочка, шлёпайте вниз!

Через несколько минут по сигналу мигающей лампочки все «пошлёпали вниз». Спустя некоторое время штурман посмотрел на компас – самолёт летел на северо-запад – и спрашивает небрежно у лётчика:

– Почему не разворачиваемся, что в Швецию летим?

Лётчик подозрительно посмотрел на штурмана, приняюхиваясь повёл носом и сказал:

– Скоро дома в Москве будем. Ты что пьёшь, жидкость от обледенения или ещё что покрепче?

Весёлый сержант сделал значительную паузу и продолжал с надрывом в голосе:

– Говорят, что штурман подёргал левой рукой за своё правое ухо, ещё раз посмотрел на компас и карту и отрешённым шёпотом произнёс:

– Други, мы сбросили десант в Горьковской (сейчас Нижегородская) области.

А Это за сотни километров от линии Фронта в нашем глу-

боком тылу. Штурман парень был лихой, летал без парашюта. В открытых дверях самолёта его за куртку поймал стрелок-радист и вместе с бортмехаником привязал ремнём к сидению. Тот всё порывался объяснить, что надо предупредить хлопцев, чтобы они не подрывали мост, что не тот это мост. После возвращения домой, когда об этом стало известно в штабе, там возник циклон – начальство гремело и метало молнии! Штурмана для начала посадили на губу. Район, где высадилась группа, объявили на чрезвычайном положении. А ребята благополучно приземлились, ночью собрались вместе и под утро вышли к небольшой речке. На берегу увидели старика с удочкой. По-тихому окружили его, подошли поближе и спрашивают:

– Дед, здорово, как называется эта речка?

Дед оказался глуховатым и начал переспрашивать, что им надо, откуда они, разве не тутошние, зачем бродят здесь, но сказал, что речка прозывается Серёжей. Ребята, не отвечая, переглянулись: «порядок, приземлились точно, на берег Серёжи.» И для верности решили ещё старика поспросить.

– Дед, ты из какой деревни будешь? Отсюда до Волги далеко? А в том селе за рекой гарнизон есть?

Старика, конечно, покорило обращение на «ты», но что поделаешь, такая нынче молодёжь пошла, – сержант строго, но со смешинкой в глазах, оглядел всех слушающих его и продолжил, – старик-рыбак ответил, что сам он сосновский, до Волги вёрст с полсотни, а про гарнизон пусть сами

узнают, не его мол дело, он старый солдат и военную тайну знает. Про себя он подумал, что ребята курсанты из горьковского военного училища приехали видно по грибы, известно какой сейчас харч, да и заблудились, а сознаться стесняются, молодо-зелено. Командир десантников на карте быстро нашёл деревню Сосницы, отмерил от истоков Волги до реки Серёжи около шестидесяти километров – всё сходится: река Серёжа, Сосницы и Волга. А в этом была самая трагикомическая ситуация!

Весёлый сержант рассказывал артистически, с интонациями, жестами и мимикой, иногда вскакивал с мешка, на котором сидел, размахивал руками. Парни слушали его с недоверчивой усмешкой – травы, мол, дальше, знаем тебя, а девчата пооткрывали рты.

– Никто из десантников не мог и предположить, – продолжал сержант, – что они сидят на берегу реки Серёжа, которая впадает в реку Тешу в Горьковской области, а не реку Кунью Калининской (сейчас Тверской) области, что между этими двумя речками семьсот километров и ... линия фронта. Сёл же «сосновских», всякие Сосенки, Сосницы, просто Сосны, полно разбросано испокон веков на нашей русской лесной земле. Что касается Волги-матушки – запомните это – то она протекает через десять областей и четыре автономных республики, до неё всюду рукой подать.

Сержант силён был в географии и «штурманском деле». Как-то на досуге уже в партизанском лагере я проверил ази-

мутную линию, названную сержантом, удивительно всё совпало: две реки по имени Серёжа, две деревни Сосницы и Волга невдалеке, а расстояние между ними действительно семьсот километров.

– Ну, а дальше что? – спросил кто-то нетерпеливо, – чем всё кончилось?

– Не волнуйтесь, сейчас доскажу, ещё светло и спешить нам некуда. Послали местных жителей под видом сбора грибов и ягод на розыски неудачливых «диверсантов». Через три дня ребяташки в красных галстуках нашли их в глухой чащобе и вывели к районному центру. Десантники пионерам поверили, что находятся в Горьковской области, а старика-рыбака так и водили с собой, посчитали за фашистского прихвостня – он им про гарнизоны ничего не говорил, вот и подыскивали ему осину покрепче, приказ знаете, что предателей подвергать смертной казни через повешение? Потом дед уже без конвоя шёл сзади и костил всех святителей, курсантских архангелов и какую-то незнакомую десантную богородицу. Конечно, рыбалку ему сорвали, и старуха, наверное, три дня ищет его по всем вдовушкам, как не ругаться...

Народ рассмеялся, но чей-то нежный, но обеспокоенный девичий голос спросил:

– Это правду сержант рассказывал?

– Истинная правда, – сразу откликнулся весельчак, очевидно ожидая такой вопрос, – но это военная тайна, кроме

вас и меня об этом никто не знает! – и он приложил палец к толстым смеющимся губам.

Из приземистого камуфлированного строения то и дело выскакивали лётчики или штурманы с планшетами на тонких и длинных ремнях. Казалось ещё немного – и планшет поволочится по земле или оторвётся.

Они оживлённо размахивали руками и выкрикивали:

– Петя! Коля! Даёшь за мной, летим!

Петя или Коля бегом устремляются за вышедшими. Они несутся куда-то на другой конец поля. Иногда за ними бросается группа десантников со своими сумками и ранцами. Чудаки, что им бежать? Ведь самолёт без них не полетит и места всем хватит, он специально для них предназначен!

Наконец, появляется полковник с крепко сложенным лётчиком в кожаной куртке и с планшетом на таком же, как у всех, длинном ремне. Срываюсь бегом к ним навстречу, ментально позабыв, что торопиться совсем не следует.

– Вот наш «ценный груз», – кивнул на меня полковник, обращаясь к пилоту.

– Не беспокойтесь, доставим в целой упаковочке и скинем прямо на костры, – твёрдо произносит лётчик, видимо продолжая ранее начатый разговор.

Мне такая самоуверенность лётчика понравилась.

Он поворачивается ко мне и легко вскидывает руку к шлему:

– Старший лейтенант Асавин, – и не дожидаясь ответа –

очевидно, ему не впервой перебрасывать через линию фронта людей без знаков различия и имени – сразу продолжает, – скоро полетим, ночи короткие, и только в один конец свыше тысячи километров.

Он произносит это спокойным обыденным тоном, тысяча километров! Из них две трети в тылу противника, где как говорил полковник, рыщут «мессершмитты» ночного действия.

Мы направляемся вслед за старшим лейтенантом в сторону стоящего в отдалении «Дугласа». Возле самолёта лежат четыре длинные двухметровые упаковки цилиндрической формы, толстые, как свиньи. Поверх зелёного брезента этих мешков белеют деревянные рейки жёсткости, стянутые матерчатыми ремнями. Груз полетит со мной к партизанам. Они ждут патроны к автоматам и пулемётам, ждут взрывчатку. Ещё они ожидают писем от родных, которые находятся не на оккупированной территории. Полевая почта работала изо всех возможных сил, письма порой шли долго, не заставляли адресата, если он был за линией фронта, тогда они ждали в штабе или воздушной оказии для доставки.

Солдаты из БАО – батальона аэродромного обслуживания – быстро, но осторожно погрузили мешки в самолёт. В прошлом году здесь на аэродроме при погрузке тюков для партизан взорвались боеприпасы, погибли люди и самолёт. Это произошло потому, что по неопытности не были приняты должные меры предосторожности при совместной транспор-

тировке взрывчатых веществ и капсулей-детонаторов.

Моторы «Дугласа» работали на малом форсаже. Сопровождающий меня парашютный инструктор помог закрепить лямки подвесной системы парашюта и вертел меня во все стороны, проверяя пряжки и карабины. Вслед за пилотом он поднялся по стремянке в самолёт.

Полковник Лебедев задержал мою руку, мы стояли одни:

– Прощай, Марат, счастливого тебе пути. Всё будет в полном порядке, наши тебя встретят, прыгай спокойно.

– Постараюсь, товарищ полковник, прощайте, – наверное, я ответил без должного металла в голосе, потому что полковник ещё раз дружески похлопал меня по плечу.

О том, что прежде, чем прыгать надо ещё долететь, пересечь линию фронта, избежать рысущие ночные истребители «мессершмитты», найти «конверт» из костров не было произнесено ни слова – наверное, это считалось несущественным, простым делом. Мне почему-то в тот момент, именно, это казалось самым главным, самым важным, а прыжок – это раз чихнуть.

В дверцах «Дугласа» я оглянулся назад: полковник поднял руки над головой, сжал ладони в символическом рукопожатии и помахал ими в прощальном привете. Весь день меня провожали – такая уж получилась счастливая солдатская планида – сначала на «точках», а теперь на аэродроме.

«Дуглас» набирает высоту

Солнце почти село за горизонт. Над полем аэродрома стелилась слабая вечерняя дымка. В стороне Москвы поднимались аэростаты воздушного заграждения, похожие на серые туши африканских слонов с торчащими в стороны большими ушами – стабилизаторами.

Борттехник втащил трап-стремянку и захлопнул дверь. Двигатели заревели в полную мощь. «Дуглас» приспособили для дальних полётов. Всю внутреннюю декоративную обшивку и полы содрали для облегчения веса. Кресла для пассажиров тоже выкинули. Ничего «лишнего» не оставили. В крылья самолёта вмонтировали дополнительные баки с горючим, внутри исполинскими рёбрами торчат дюралевые шпангоуты фюзеляжа. Впечатление такое, как будто залез в большую металлическую бочку.

В прямоугольном иллюминаторе быстро бежала назад земля, трава сливалась в сплошные зелёные полосы. Трясло словно в кузове грузовой машины на просёлочной дороге. Ещё один-два подскока – и самолёт оторвался от взлётной дорожки и начал медленно набирать высоту. Загружен он был до предела. Тряска мгновенно прекратилась, воздушный корабль плыл в своей стихии.

Никакого прощального круга над аэродромом, как рассказывал весёлый сержант, он не делал, маршрут был далёким,

и самолёт сразу взял намеченный курс. На высоте стало светлее, над темнеющими в ночи силуэтами домов и затемнёнными куполами церквей видно множество аэростатов, привязанных стальной паутинкой тросов к земле. Москву с января сорок второго года фашистам бомбить почти не удавалось.

«... Москва, как много в этом звуке
для сердца русского слилось,
как много в нём отозвалось...»

О том, что могу не вернуться, не думалось, об этом было подумано в начале войны, когда было страшно трудно. Сейчас уже теплилась маленькая надежда на возвращение, маленькая, но теплилась. Все смотрели смерти в глаза, но каждый надеялся, что может быть пуля или мина пролетит мимо, ведь не всех убивают на фронте, а уже столько пройдено и пережито...

Сидеть на грузовом мешке не совсем удобно. Мешают деревянные рейки и ещё что-то твёрдое, ощутимое даже через плотную ватную упаковку. Наверное, там ящики с толом или с патронами. Выбираю тюк помягче: лететь часов пять, натрёшь мозоли на интимном месте. Для удобства плечом прислоняюсь к шпангоуту, так как листы обшивки фюзеляжа кажутся подозрительно непрочными – надавишь сильнее локтем, порвёшь тонкий металл и вывалишься наружу.

Конечно, это так казалось, но кто пробовал нажать?

Моторы монотонно тянут свою непрерывную, ритмичную песню. Немецкие самолёты летят с завыванием, как стая волков. Вспоминается побасенка, услышанная на аэродроме – расскажет же такое – но непроизвольно смотрю в иллюминатор: солнце заходит впереди, чуть справа по курсу. Самолёт летит на запад!

Воздушный стрелок забрался на тумбу под прозрачным плексиглазовым фонарём и завертел турельным пулемётом. «Ну, сейчас начнётся катавасия!» – подумал я не совсем спокойно. Лётчики на транспортных самолётах были такие же отчаянно смелые люди, как и на истребителях. Под Серпуховом в сорок первом, мне самому пришлось наблюдать, как такой пассажирский тихоход сбрил пулемётным огнём нападавший на него «мессер».

Но стрелок соскочил вниз и присел ко мне.

– Когда налетают фрицы, ваш инструктор здорово работает на ХВОСТОВОМ пулемёте. Для них это неожиданность – они про хвостовой пулемёт не знают, на наших дредноутах мы их сами недавно установили, здорово помогает. Вашего инструктора соблазняем перейти к нам в полк Гризодубовой, но он отнекивается, считает себя коренным омсбонцем.

– И часто ему приходится работать на «хвостовом»? – спрашиваю равнодушным тоном, без всякой личной заинтересованности, просто чтобы поддержать разговор.

– Часто, почти каждый вылет! – радостно «успокаивает» он меня, – вот там у нас батальонные мины, – он показывает на открытый тесовый ящик со стружками, в котором обычно перевозят яйца, – мы их сбрасываем над фрицевскими окопами на передовой, когда летим обратно пустыми. Нам самим тоже хочется ухлопать фашистов. Внести свой личный вклад в разгром врага. Понятно, когда летим обратно с ранеными партизанами и вывозим детишек, то ЛИНУЮ фронта обратно перелетаем осторожно, почти крадёмся по оврагам, над лесом или в облаках.

Этот весёлый, приветливый парень в расстегнутой лётной куртке воздушный стрелок, свои, каждый раз смертельно опасные, рискованные полёты за линию фронта и обратно, доставку партизанам боеприпасов, высадку десантников, не считает боевым делом, ему лично самому надо «ухлопать фашистов».

Небо окончательно стемнело. Самолёт набрал высоту выше четырёх тысяч метров. Земля почти не видна, только изредка медленно уползают назад змейки рек. Монотонный гул двигателей навевает дремоту. Не мешало бы вздремнуть минут двести. Иногда самолёт проваливается в воздушную яму, и мы падаем вниз, неизвестно на сколько метров. Захватывает дух, и спине становится холодно, как на гигантских шагах или на качелях. Боязно, лишь бы он не стукнулся об землю.

Вдруг внутри «Дугласа» всё озаряется красными споло-

хами. Через иллюминаторы ясно видно, как внизу слева вырастают огромные кратеры вулканов и разливается огненная лава, сначала без звука, как в немом кино, потом самолёт начинает вздрагивать и сквозь шум моторов доносятся взрывы.

– Наши бомбят станцию Брянск, горят цистерны с горячим. Под шумок – бомбёжку – незаметно проскочим линию фронта, – кричит мне в ухо подсевший к нам инструктор.

Летим на большой высоте в стороне от зенитного огня. Фашистские эрликаны – зенитки – бьют по нашим бомбардировщикам, но как-то выше и неорганизованно. Линия фронта и горящие эшелоны остаются позади.

Вскоре наступает сплошная темнота, внизу чёрная оккупированная земля. Не видно ни одного огонька, А есть ли вообще там в городах и весях живые люди?

– На, погрызи! – стрелок-радист суёт что-то мне в руку, – это кусковой шоколад, нам его дают россыпью, как кусковой сахар, хорошо помогает от высоты и болтанки. Тебя не качивает? Нет? Это хорошо, а то некоторые ваши здорово страдают, особенно от воздушных ям. Самолёт резко падает, а желудок у них в это время пытается вверх вылезти, навыворот. Недавно один из ваших не выдержал и пытался открыть дверь: «не могу больше, хлопцы, лучше сигану вниз, а там вас пешим догоню!» Все вместе еле удержали его, здоровый медведь, вроде тебя, а простой болтанки не мог вынести.

С таким собеседником не соскучишься, и сон не так одолевает. Сидим, жуём шоколад. В августе сорок второго, когда

нас бросили на Кавказ, то из Астрахани в Махачкалу по Каспию шли на старой грузовой посудине водоизмещением не больше тысячи тонн. Поднялся шторм баллов семь. Многие с непривычки полегли, лица сделались зелёными, как плащ-палатки. Моряки по своему радушию и гостеприимству наварили на весь отряд флотского борща и плов с мясом – давно такого не едали, моряков обижать нельзя, они к нам со всей душой. Пришлось с едой управляться тем, кто держался вертикально. Федя Зайцев потом лежал на нарах, наспех сколоченных в трюмном отсеке, и для него непривычно, весело и мечтательно лепетал: «вот благодать наступила... всё плыть и плыть бы по волнам, только иногда зайти на полчасика на камбуз – и снова лечь, и никакой войны...»

Сквозь дремоту и шум слышу, как стрелок-радист продолжает рассказывать:

– Передали, что под Овручем идёт дождь, нулевая видимость. С одной стороны, хорошо: ночные истребители-перехватчики не летают, а с другой – плохо: как твои костры найдём? Бывали случаи, когда приходилось возвращаться назад. Одна надежда на умение и опытность штурмана.

Кто передал, откуда он знает какая погода в районе города Овруч? Там находятся немцы. Откуда у лётчиков такие сведения? Что у них там в подполье метеостанция или наблюдатели-метеорологи? Тогда об этом я НИчего не знал.

– Вставай, приехали! – слышу голос инструктора, – сейчас на втором заходе прыгаешь! На первом мы сбросили

три мешка, хорошо пошли вниз, точно на костры. Командир приходил прощаться, да не добудился до тебя, сказал: «пусть поспит до конца, может ему даже прилечь не удастся в эту ночь». Смотри, вон горят костры, точно красные светофоры! На тучах отблески, дождь перестал – не промокнешь. Молодцы лётчики: летели, как по линейке, костры обнаружил сразу, не рыскали по квадратам леса.

Встряхиваю головой и окончательно просыпаюсь. Громко ре-вут моторы, дверь самолёта открыта настежь. Через неё виден длинный язык голубого пламени выбиваемого из коллектора патрубков мотора.

– Ракеты были? – спрашиваю инструктора, помня строгий наказ полковника.

– Две трассирующие очереди из пулемёта, вместо ракет, как обговорено. Иначе не сбрасывали бы груз, – еле разбираю ответ из-за рокота рвущегося внутрь самолёта.

«Дуглас» выходит из крутого виража. Видно, как дым от костров поднимается прямо вверх. Это хорошо, значит внизу ветра нет, парашют не будет тащить по земле, высота метров пятьсот, не более. Поляна с кострами проглядывается овальным тёмно-серым пятном. Очень похоже на футбольное поле стадиона с беговыми дорожками. Кругом непроглядная чернота – это сплошной лес. Нет ничего худшего, как зависнуть парашютом на дереве и чувствовать себя беспомощным котёнком, поднятым за шкурку.

Инструктор снова ощупывает лямки и карабины под-

весной системы моего парашюта, наверное, для обоюдного успокоения. В самолёте темно, только чуть видно под потолком мигает маленький светильничек. Вдруг замечаю, что у меня на груди что-то болтается. Ощупываю рукой и о, ужас! Выскочило из своего кармана вытяжное кольцо парашюта и часть тросика! Неужели парашютом нельзя пользоваться? Запасного у меня нет, что делать?

Мой десантный парашют ПД-41 квадратной формы, перкалевый, без вытяжного фала для принудительного раскрытия, поэтому надо самому дёргать за это «злополучное» выскочившее вытяжное кольцо после оставления самолёта.

Хватаю инструктора за руку и пальцем показываю на болтающееся на тросике кольцо. Он совершенно спокойно посылает кольцо толчком ладони обратно, и оно ложится на своё место.

– Ничего, – выдыхает он всеобъемлющее русское слово, и ещё добавляет уже совсем радостное, – порядок! Если бы, что опасное, то я бы отдал тебе свой парашют, да и любой член экипажа сделал бы то же самое, не пропадать же вылету!

Он говорит, не задумываясь о том, что запасных парашютов ни у кого нет, а им перелетать линию фронта на рассвете... Смелые и мужественные парни летали на наших самолётах. Выполнение задания – доставка десантника на место – ценилось выше собственной жизни. А выскочившее вытяжное кольцо – это, конечно, не предохранительная чека мины.

Бортовой стрелок и борттехник жмут мне руки, дружески похлопывают по плечам, кричат что-то доброе, улыбочливое. Из-за рокота моторов, несущегося в открытую дверь, почти ничего не слышно, но мы понимаем друг друга, они всей душой стараются поддержать меня. Ещё этим вечером мы ходили по Москве: там налаживается почти мирная жизнь, работают театры и кино, люди читают свежие газеты, назначают свидания... а тут, спустя всего несколько часов, предстоит прыгнуть в неизвестное, но остающимся всегда тяжелее.

Самолёт выровнялся и летит по прямой. Огни: костров внизу стали на своё место – на вираже они торчали где-то сбоку на уровне иллюминаторов. Рука инструктора тянется ко мне: правильно ли я правой рукой держу вытяжное кольцо, на тренировке был случай, когда парашютист впопыхах схватил вместо кольца лямку подвесной системы и с закамевшими на ней пальцами безрезультатно дергал до самой земли...

– Нагнись в дверях пониже и согни колени, а то зацепишься ранцем! – кричит мне в ухо инструктор.

Замигала лампочка сигнальная у кабины лётчиков – предупреждение штурмана.

– Приготовиться!

Две тёмные фигуры, бесшумно, как призраки, скользят к дверям и быстро выкидывают последний оставшийся мешок, на котором я сидя спал. Наступает моя очередь. Подхожу к дверям и наклоняюсь. За открытым проёмом темнота. Рёв

двигателей и режущий свист ветра. Через считанные секунды я брошусь в эту мрачную воющую бездну.

– Пошёл!

Резко набираю в грудь воздух, непроизвольно затаиваю дыхание, наклоняюсь и ... застреваю в дверях самолёта... чьи-то услужливые руки сильно и дружно прижимают меня книзу – и я вываливаюсь в темноту ночи.

Задержка при прыжке даже на пару секунд влечёт за собой трудно поправимое: самолёт пронесёт тебя на сотню метров дальше от намеченной штурманом точки, что особенно плохо, когда прыгаешь на маленькую площадку или с большой высоты.

«Тысяча триста один, тысяча триста два, тысяча триста три...» быстро отсчитываю в уме секунды, как учил ещё первый наш инструктор – мастер парашютного спорта. На произношение этих трёх цифр уходило ровно три секунды. С силой дёргаю за вытяжное кольцо! Все так дёргают, хотя нужно применить усилие не больше двух килограммов. Резкий толчок, громкий, как удар хлыста пастуха, хлопок раскрывшегося парашюта – и я зависаю в воздухе.

Подтягиваюсь, руками уцепившись за стропы, и удобно усаживаюсь на круговую ляжку парашютной системы. Теперь можно и оглядеться. Сапоги на ногах и автомат пристёгнут, жить можно. Бывает, что сапоги или валенки при толчке соскакивают. После шума в самолёте поражает непривычная глухая тишина. Лишь где-то вдали затихает шум мото-

ров улетающего домой «дугласа». Они не могли дожидаться моего приземления, делать круги над кострами, им надо успеть в предрассветной темноте пересечь линию фронта.

Один, совсем один... Но эта мысль исчезает. Всегда увлекает полёт на парашюте. Ни с чем не сравнимые чудесные минуты! Хочется петь во весь голос. Но это не тренировочный прыжок. Чёрт знает, что там ждет внизу. Конечно, пять костров конвертом, две трассирующие очереди, отсутствие стрельбы – предполагает своих. А может всё-таки запеть? Нет, там внизу услышат, подумают психа сбросили: поёт! Или рехнулся парашютист со страха? А страха-то не было, наверное, не хватило времени на него.

По моим соображениям через минуту-другую я уже буду на земле. Разворачиваюсь при помощи строп по ветру, чтобы земля надвигалась под ноги, уходила назад. Она на глаз стремительно приближается. Костры начинают уплзать в сторону. Сносит на чёрный лес. Подтягиваю с одной стороны стропы, полёт ускоряется. Лицо обдувает несущийся навстречу тёплый ветерок.

Быстро скольжу прямо на крайний костёр. Опускаюсь на «овал стадиона»! Чёрный лес меня не проглотит. Отпускаю стропы. Последние метры полёта... Снижаюсь рядом с огнём костра. Удар! Врастаю в землю. Даже не падаю, под ногами трава или мох.

Здесь внизу рядом со стеною деревьев полное затишье, ни дуновения. Парашют, словно плавающая медуза, медленно

ложится, подбирая щупальца – стропы. Успеваю отскочить в сторону, а то выпутывайся потом из полотнища. Быстро отстёгиваю автомат. Раскрываю карабины ножных обхватов и грудной перемычки и сбрасываю подвесную систему парашюта. Скидываю вещевой ранец. Вот я и на месте. Ощупываю под комбинезоном пакет: всё в порядке.

Уши заложило, как ватой, во рту пересохло, хочется пить. Это скоро пройдёт. После прыжка, смены давления так бывает. Во фляге у меня полученный спирт, не знаю для чего. Наша спецбригада отказалась даже от положенных «фронтowych сто грамм».

Возле костра никого не видно, языки пламени начинают расползаться и спадать. Наверное, все разбрелись искать парашюты с грузами. Обычно заранее на каждый выброшенный груз – первый, второй, третий... – намечаются наблюдатели, они следят за парашютом, засекают направление спуска и сразу же направляются на поиски. Кто-то ищет и меня, но моё скольжение изменило направление спуска и спутало их, хотя парашют снизу в отблесках костра отовсюду хорошо виден. Надеюсь, что подойдут свои...

Глава II. В партизанском отряде

«Мы шли на дело ночью тёмной –

Громить коварного врага.

Кипела злоба в партизанах,

Нам жизнь была недорога...»

/слова народные/

Урочище Лысая гора

В одной руке у меня автомат, другой подхватываю вещевой ранец и отхожу к деревьям. Со сборкой парашюта возиться не к чему, успеется потом, когда подойдут встречающие. Слышу треск сучьев и приближающийся разговор. На всякий случай захожу за толстое дерево. «Бережёного бог бережёт», как говорится в русской пословице.

– Куда этот прыгун подевался? – гудит глухой бас.

– Василий Иванович, парашют здесь лежит, может он в костёр попал? – отзывается другой голос, потоньше и моложе.

– Не пори чепуху, Василёк, кто же станет сидеть в костре? Разве только леший? Надо ему покричать, должен он отозваться нам.

Тёзки, оба Василия, прикладывают ко рту ладони рупором – автоматы ШШ висят у них за спиной – и вместе кричат:

– Ей, Москва, иди сюда! – бас шутливо добавляет, – не бойся, мы свои!

«Москва» – это пароль. Они кричат громко и весело, как у себя дома. Мне хорошо их видно. Один высокий, постарше, у него широченные плечи с косую сажень, копна русых волос и большие удивительные красно-рыжие усы. В отблесках затухающего огня он похож на богатыря, пришедшего из

сказки.

Другой – тонкий с льняными волосами, гладко зачёсанными и опускающимися до самого воротничка, с густыми бровями врзлёт, очень молодой! Оба они в гимнастёрках, перетянутых ремнями, без пилоток, но чувствуется военная выправка. Замечаю у старшего на ремне висит ещё маузер в деревянной кобуре.

Выхожу к ним из-за дерева и сразу попадаю в дружеские объятия сказочного богатыря. Ну и силища – трещат кости! Ответ на пароль они не спрашивают. Они видели моё приземление на парашюте, и этого им оказалось вполне достаточно.

Младший, Василёк, смеясь тянет своего друга за рукав:

– Василий Иванович! Отпусти его, он нам живой нужен, дай и мне поздороваться!

Богатырь оказывается может смущаться и ласково проводит громадной ладонью мне по спине. Снова объятия, дружеское похлопывание по плечу, общие улыбки и смех. Они мне рады. Ещё больше радуюсь им я.

Василёк срывается с места и кричит во тьму:

– Хлопцы, сюда! Мы нашли его, он здесь!

Это нашли меня. Теперь всё в полном порядке.

При случае надо будет рассказать, как немцы сбросили в один местный отряд своего агента под видом радиста. Порусски он изъяснялся правильно, фамилии командиров знал, доложил, что послан для связи отряда с Центром. Тут же свя-

зался с абвером и получил ранее согласованный ответ. Прошли недели, пока его разоблачили. А всё потому, что сразу не проверили. Например, попросили бы дать запрос о здоровье несуществующего родственника командира, и абвер погорел бы с радистом.

Отовсюду сходятся партизаны. Снова хлопанье по плечам, крепкие рукопожатия и вопросы, тысячи вопросов... о Москве, об однополчанах, о кинофильмах, о театре, обо всём...

Подходят ещё двое. Перед ними кольцо окружающих меня партизан размыкается. Несколько впереди коренастый военный. На гимнастёрке у него при всполохах гаснущего костра блестит золотом орден Ленина. Прядь густых тёмных волос спадает на высокий лоб. В руке кожаный лётный шлем, сбоку висит маузер.

Василек, стоящий рядом, с теплотой в голосе шепчет:

– Наш командир капитан Карасёв.

Он энергично протягивает руку и смотрит прямо в глаза:

– Здравствуйте, с благополучным приземлением, я Виктор! Как горели сигнальные костры?

– Здравствуйте, прибыл в ваше распоряжение, привет от общих наших друзей!

На вопрос о кострах я не должен отвечать, только передать привет от друзей. Обмен этими парольными фразами тщательно обговорен в Москве с осмотрительным полковником Лебедевым. После этого пароля я могу спокойно передать

пакет. И командир знает, что я действительно из Москвы.

– Ну и отлично, «джентльменский этикет» соблюден, – весело произносит Карасёв, освобождает от крепкого рукопожатия мою руку и пропускает вперёд подошедшего вместе с ним, – знакомьтесь, Михаил Иванович Филоненко, наш комиссар.

Чувствовал, когда здоровались с командиром, что, если бы я не ответил на пароль, он бы моей руки не выпустил.

Комиссар высок ростом, худощав, по-военному подтянут, чёрные усы придают ему сходство с Чапаевым. На нём тёмная тужурка или китель с перекрещенными ремнями, на груди сияет орден боевого Красного Знамени, рукой он придерживает ремень. Такими, нам мальчишкам, с восторгом мерещились комиссары гражданской войны.

– Рады встретить первого посланца из Москвы, соскучились. О живой весточке, расскажешь нам всё о Москве, давно мы ушли оттуда. Вскоре будем принимать целые группы десантников.

Командир и комиссар сразу пришлись мне по душе. Немногословны и боевые ордена запросто не дают. По вниманию к ним окруживших партизан чувствуется, что их уважают и любят. С такими спокойно можно идти в бой.

Возвращается мой первый знакомый. За плечами он несёт огромный узел, завёрнутый в парашют.

– Василий Иванович, груз весь подобрали, четыре места? – спрашивает командир.

– Так точно, Виктор Александрович, даже пять, – он показывает на меня, – его первого нашли, хотел от нас с Васей Божком в костёр прыгнуть, но мы его удержали с трудом.

Партизаны смеются, видно сила Василия Ивановича здесь в почёте, большинство из них одеты в летнюю армейскую форму, почти все имеют автоматы, на ремнях висят запасные диски.

– Василий Иванович, играй отбой, гасите костры. Проследите за маскировкой кострищ, а мы отправляемся домой, догоняйте, – закончил своё указание командир.

Первые же минуты общения с встречающими мне понравились. Много шуток и смеха. Царила атмосфера дружбы и общей доброжелательности. Сразу нашлись желающие нести мой парашют и ранец. Хотели понести даже и мой автомат, но я вовремя прижал его локтем к боку и вежливо поблагодарил за услугу. Партизанам палец в рот не клади, потом автомат не найдёшь: приклад заменят на самодельный и кожух покрасят.

Комиссар это заметил и одобрительно засмеялся:

– Правильно сделал, это они шуткуют, проверяют на бдительность, первая партизанская заповедь – не выпускать из рук личное оружие. Оно всегда, во всех случаях должно быть при себе, под рукой, должно быть всегда готово к бою.

Так тактично мне был преподан первый партизанский урок.

Вася Божок – фамилию его назвал Василий Иванович с

огненными усами – спросил:

– Как будем называть-величать нашего нового товарища?

Тут я, не подумав, невольно оглянулся помня конспирацию, хотя посторонних никого не было, тихо выдал фразу:

– Зовите меня просто Марат.

Этот словесный оборот всем чем-то понравился, и они долго ещё, когда кого-нибудь знакомили со мной в других партизанских отрядах, вкрадчиво оглядывались и сверхсерьёзно шептали:

– Зовите его просто Марат.

...Пройдут года, а этим именем по-прежнему будут называть меня друзья-партизаны и однополчане.

Путь на базу оказался длинным. Шли по еле заметной в темноте тропинке между густым кустарником и высокими деревьями. Дорожка почти всё время немного поднималась в гору. Впереди меня идущего командира можно было определить только по еле слышным шагам. Глаза скоро привыкли, и стал проглядываться его ши-рокоплечий силуэт. На ходу никто не курил, разговоры велись тихо, вполголоса.

Карасёв на ходу иногда задавал вопросы о нашей бригаде, интересовался, где мне приходилось воевать, не встречались ли мне его товарищи по боевым походам. Мне показалось по этой отрывочной беседе, что командир много говорить не любит, что он человек действия.

Откуда-то сбоку, из чащи леса, негромко донеслось:

– Четыре.

– Пять. – сразу также тихо прозвучал впереди ответ.

Такие цифровые пароли практиковались у пограничников. Любая комбинация цифр: три и шесть, два и семь, четыре и пять... должна в сумме дать число пароля. Сегодня в отряде паролем было «девять». Армейские пароли обычно состояли из названия какого-нибудь города и наименования детали винтовки: Загорск- затвор, Минск-мушка, Шахты-штык...

Мне показалось, что сейчас самый удобный момент передать командиру пакет. Темно, никто не видит, идём почти рядом.

– Виктор Александрович, у меня для вас личный пакет.

– Знаю, мы ждём эти документы. Отдашь их на месте, в лагере. Только не вырони по дороге.

Я так торопился передать пакет, а тут ответ командира даже обескуражил меня.

– Он у меня за шею привязан, потерю только с головой вместе, – отозвался я, наверное, не совсем удачно.

Командир замедлил шаг и оглянулся, может он проверял крепко ли держится моя голова? Впрочем, зачем ему в темноте, на ходу нужен пакет?

Штабная землянка имела шикарный вид. Двухскатный потолок, стены и примыкающие к ним лежанки были обтянуты парашютным полотном. В окно-амбразуру, как и в дверь, завешанную плащ-палаткой, выглядывал в темноту ствол ручного пулемёта. Посередине землянки врытый в землю

толстыми брёвнами-опорами стоял длинный стол из расколотых осиновых колод. На нём ярко светила трофейная карбидная лампа. На стенах висели сумки с патронами и ручными гранатами. Обосновались здесь надолго.

Лица командира и комиссара мужественные и добрые при свете лампы казались бледными, но молодыми, только глаза и морщинки возле них выдавали людей много видевших и переживших. Фронтовики отличаются по глазам, по какой-то неземной отрешённости и глубокой печали во взгляде, даже когда улыбаются.

Хозяева были радушны. Появился горячий чай, заваренный прошлогодней сушёной черникой, круглая буханка чёрного хлеба диаметром больше полуметра – наверное пекли в деревне. Куски варёного мяса. Я опрокинул на стол свой вещевой ра-нец. Радостно был встречен пилёный кубиками сахар, галеты из пшеничной муки, московская копчёная колбаса. Особенный восторг вызвали пачки махорки, которые во все свободные места напихали догадливые ребята из особняка на Гоголевском бульваре.

Скромно предложенную мной фляжку со спиртом командир небрежно передал своему адъютанту Ясону Тодееву, широкоплечему богатырю выше среднего роста, с тёмными прямыми волосами, спадающими на лоб и глазами, как кусочки чёрного антрацита.

– Это отнеси Рогачёвой в санчасть и скажи Нине Николаевне, чтобы опорожненную фляжку завтра, вернее уже сего-

дня утром, вернула Марату для воды.

Так я заочно познакомился с врачом отряда и сухим законом. На Кавказе нам минёрам тоже не давали ни водки, ни спирту. Говорили, чтобы руки не дрожали, что минёры ошибаются только раз в жизни. После такой поговорки выступал один минёр и убеждал всех, что ошибался в жизни три раза. Никто не верил. Но потом узнали, что ему «ошибочно» неудачные жёны попадались, а он все-таки оставался цел.

Вскоре землянка наполняется народом. Разговор становится общим. Москвичей особенно интересует родной город, много ли на улицах людей, всё ли отоваривают – выдают – по продуктовым карточкам, какие поют новые песни и многое другое.

Поворачивая голову направо и налево, стараюсь ответить на всё, что знаю сам – мне пришлось пробыть под Москвой меньше месяца. Со снабжением стало получше, не то, что весной сорок второго. Почти у всех москвичей – через работу – имеются за городом огородные участки, на которых выращивают картофель, морковь; обычная картина – москвичи с лопатами спешат на пригородный поезд. В кинотеатрах идёт фильм, где Чарли Чаплин играет диктатора-Гитлера, представляете какая умора! Песни поют разные – про разлуку, про любовь, про войну, но тут я вас не порадуя, певец из меня плохой, как говорят, бутсой на ухо мне в детстве наступили.

Партизаны постепенно разошлись по своим землянкам

спать. Командир Карасёв, комиссар Филоненко и пришедший начальник разведки Пётр Романович Перминов, небольшого роста сухощавый и пожилой на вид, но подвижный, внимательно просматривали документы из переданного мною пакета. Их оживлённые лица и высказывания показывали, что именно эти бумаги они ждали.

Шёл четвёртый час ночи. Где-то в километрах пяти-шести раздалась короткая пулемётная очередь. Для меня она прозвучала незаметно, на фронте всё время где-то, кто-то стрелял. Я ещё не почувствовал себя во вражьем тылу. Меня удивило, как вскочил Ясон Тодеев, и командир что-то быстро сказал ему. Он бесшумно, как барс, выскользнул мимо плащ-палатки в дверь землянки с автоматом в руке.

Засыпая слышал, как адъютант Тодеев докладывал Карасёву о стрельбе полицаев возле деревни Желонь. Потом чей-то незнакомый голос произнёс:

– Смотрите, наш парашютист снял сапоги и повесил на них портянки! Заночевал как у кумы! Правда, автомат засунул под голову и похоже лимонка в кармане.

Я понял, что допустил оплошность сняв сапоги, но просыпаться уже не хотелось. Надо повнимательней приглядываться к обстановке и жизни в отряде.

Голос комиссара Филоненко ласковым тоном прошептал:

– Пусть эту ночь поспит нормально – устал парень. Вы представьте себе: вечером быть в столице, пролететь тысячу километров, ночью прыгнуть в неизвестность и, сняв сапоги,

запросто заснуть. Это ещё не каждый способен сделать.

Я почувствовал, что попал в боевую семью товарищей, с которыми и радости, и огорчения будут общими.

Знакомство с лагерем

Утро выдалось пасмурным. Небо заложило низкими тучами. Моросил мелкий весенний тёплый дождик. Кругом в тумане стоял лес, как на картине Шишкина «В сосновом бору». Пахло болотом, горелым деревом и сосновой хвоей. Стояла тишина. Партизан не было видно – глухой лес. Ночью здесь было полно людей. Очевидно такой порядок. Шёл месяц май сорок третьего года, ещё два года продлится война, но мы об этом не знали.

Местность напоминала гороховецкие военные лагеря под городом Горьким, через которые прошли тысячи солдат после госпиталей, после ранений.

На длинной гряде песчаных холмов, поросших соснами, тянувшихся с юга на север, вырыты добротные землянки по единому образцу со штабной, только чуть побольше и нары в них устроены в два яруса. Каждую землянку в случае боя можно использовать как блиндаж: в низкое широкое оконце-амбразуру высунуть ствол пулемёта или автомата. Разглядеть землянки среди высоких сосен и дополнительно воткнутых в землю молодых елей не только с самолёта, но и вблизи можно было увидеть только, наткнувшись на них.

Вдоль западного подножия невысоких холмов протекала с заболоченными берегами лесная речушка. Вода в ней была чистая и прозрачная, но светло-коричневого цвета и пахучая

мхами.

Если смотреть в сторону речки, то слева от штаба находилась медчасть Нины Рогачёвой, куда уплыло содержимое моей фляги. За ней ещё левее землянка группы минёров-подрывников и уже на самом склоне, на отшибе, обитель глубокой оперативной разведки майора Петра Романовича Перминова.

– На полянке за последней землянкой могила нашего однопольчанина комсомольца Георгия Боброва, – останавливаясь, с глубокой печалью произнёс комиссар Михаил Иванович, – погиб он в ночном бою, в разведке под деревней Желонь пятого мая.

– Дальше холмы снижаются, – продолжил после минуты молчания командир Виктор Александрович, – там через речку есть скрытая под водой кладка из жердин, по ней можно пройти к партизанскому отряду «Дяди Кости», – командир улыбнулся, – всякие наименования придумывают романтики-партизаны, а этот отряд действует по заданию фронта. На этом берегу километрах в двух наш «аэродром», где получаем посылки на самолётах с Большой земли. Посадочной площадки нет, поблизости нигде не оборудуешь, кругом леса и болота, поэтому всё принимаем на парашютах. Из десантников ты первый проторил дорогу – теперь начнём принимать регулярно. Недалеко от кладки боевой секрет – днём туда мы не ходим, в целях маскировки.

К северу вправо от штабной, если опять обратиться лицом

к речке, рядом с кухней, находилась небольшая землянка радистов. Оттуда доносился весёлый смех. Таиться нет необходимости, на десяток километров не было НИ одного немца. Когда мы вошли в неё, стало совсем тесно. Подумалось, что сидят гости, хотя вход к радистам посторонним всегда и всюду строжайше запрещён. Но оказалось, что это только радисты: на одной половине на лежанке сидели, как меня познакомили, Коля Тернюк, Вася Вернигоров и Коля Новаторов. Потом я узнаю, что им не исполнилось ещё и по восемнадцати лет, а они уже полгода находятся в тылу у немцев, прошли на лыжах и пешком с тяжёлыми рюкзаками за плечами – с рацией, с питанием для нее – свыше тысячи километров по оккупированной территории.

По другую сторону расположились: командир радио-группы Семён Будницкий. Он несколько старше других и для солидности и «авторитета», как он говорит, отпустил окладистую курчавую бороду и не выпускает изо рта короткую, изогнутую – штурманскую – трубку, и кругленькая симпатичная девушка с ямочками на щеках – опытная радистка Пана Безух.

– Трое наших радистов, – сказал комиссар, – сейчас находятся на заданиях в разведгруппах, с ними познакомишься позже.

Идём дальше, на северную часть песчаных холмов. Две землянки занимают взвод Ивана Таранченко и взвод конной разведки Ивана Дыбаня, плотного коренастого кавалериста

с чёрными густыми усами, и такими же бровями.

Ближе к речке под развесистыми осинами устроены навесы из жердей, замаскированные лапником и ветвями, под которыми стояли верховые кони, висели сёдла.

Из-за нескольких рядов молодых елей вырос бревенчатый сруб настоящей деревенской бани, внутри в печь был вмазан котёл и высилась горка камней для поддания пара, на трёхэтажных нарах-палатях любители могли найти место по вкусу.

Окончательно поразил меня самодельный колодец, рубленный из половинок осиновых кряжей с крышкой и висющим на гвозде ведром с верёвкой. Вода была холодной, прозрачной, как льдинка, и вкусной, как может быть только колодезная вода.

Закончили мы обход лагеря на кухне, где аппетитно пахло жареным мясом. Дым из трубы не вился, видно готовили на зара-нее заготовленном древесном угле или сушняке – маскировка соблюдалась во всем от засаженной елями бани до печной трубы на кухне. Главный повар-альпинист Васо Чхaidзе с приятным кавказским говором, и его помощница из местных жительниц Мариула, были на высоте кулинарного искусства. Знакомство с ними я счёл весьма полезным.

...Спустя много лет после войны, Пана Безух – Акимова – расскажет мне, как за моей спиной хохотал весь партизанский лагерь, когда я на другой день бродил по землянкам и спрашивал:

– Братцы, где бы тут найти портного?

Наверное, такая постановка вопроса партизанам действительно тогда показалась забавной. С другой стороны, только что прилетевшему человеку и увидевшему лагерь с кухней и баней, медчастью и радиоузлом, почему бы не спросить о парикмахере или портном? Ведь были же у нас на заданиях любители брадобрееи и мастера сапожники. Я же не спросил, где газетный киоск или будет ли в субботу кинофильм? Что я, дурной?

Пройдут месяцы и в дополнвившимся людьми отряде появятся портные с швейными машинками и даже часовых дел мастера, и все сочтут это вполне естественным.

Портной мне был нужен по крайне деликатному вопросу, и история та скорее трагическая, чем смешная, но никто о ней не ведал. От резкой перемены климата или от жаренного мяса Мариулы без малейших следов соли мне понадобилось срочно проверить кусты с подветренной стороны косогора. Об отведённом месте «уединения», огороженным плетнём мне ещё никто не успел сказать. И тут чуть не произошёл казус, мой комбинезон оказался цельно-сшитым от шейных позвонков до самых пят, вроде лёгкого водолазного костюма. Не помню как – видно с чужой помощью – я смог влезть в него накануне в Москве. Тот, кто выдумал такой мешок с рукавами и штанинами без прорезей, очевидно, предполагал, что он разового пользования, вместо савана, но я то, оказался живым. Помимо того я поверх комбинезона был опоясан

ремнями, на которых висели пистолет, десантный нож, запасные диски, гранаты и прочее, так что из комбинезона вылезти было крайне мудрёно.

Помог в этом деле Ясон Тодеев, он предложил разрезать комбинезон пополам, на две части: верхнюю и нижнюю по поясу. И скрепить обе части пуговицами, срезанными от чьей-то командирской шинели. Жизненная проблема была элементарно решена без вмешательства портного, всегда можно найти выход.

Дня за три я совсем освоился на новом месте. Знал почти всех в лицо и по именам. Звания и фамилии здесь произносились редко, мне казалось, что я тут уже давно. Люди были спокойными и весёлыми, споров или ссор абсолютно не слышно. Каждый выполнял своё дело.

В свободное время играли в самодельные шахматы или шашки – карты были категорично запрещены, если кто из новеньких приносил их, они бросались в костёр. По очереди читали где-то раздобытую разведчиками обтрёпанную книжку или журнал. Но больше занимались сборкой и разборкой оружия, чисткой его, протиркой патронов и запалов, изучали тонкости минно-подрывного дела.

Каждый взвод по очереди нёс караульную службу – охрану лагеря. Расположение постов и секретов гарантировали безопасность отряда, проникновение вражеских лазутчиков. Кавзвод всё время находился в ближней и дальней разведке, налаживал связь с местным населением – важным источ-

ником сведений о замыслах фашистов.

Одни группы возвращались с заданий, отдыхали, залечивали раны. Другие готовились к новым походам. Партизанский лагерь был единственным родным домом, местом отдыха и безопасности. Приходивших не спрашивали, где они были и что делали, так было негласно заведено. Иногда они рассказывали сами, что делали, что видели и слышали, иные рассказы были страшными. Они смело и мужественно шли на задание по разведке или на диверсию на захваченной врагами родной земле. Видели много зла и горя. Им попадались спалённые дотла деревни с торчащими на пепелищах чёрными от копоти трубами и распластанные в бурьяне расстрелянные жители. Они встречали изнасилованных и сошедших с ума девушек, молодых женщин с седыми прядями волос, голодных, опухших детей-сирот. В их памяти навсегда остались силуэты повешенных на перекладинах мужчин и женщин с таб-лицами на груди: «они помогали партизанам», остались в памяти, чтобы донести это до будущих поколений, чтобы никогда это не повторилось.

Новые спецгруппы уходили в неизвестность, тихо и незаметно исчезали в предутреннем тумане, растворялись в дали. Не было случая невыполнения задания, только смерть могла этому помешать.

Иногда уходила большая группа и на длительным срок, тогда их провожали все находящиеся в лагере. Партизаны от штаба, где были произнесены тёплые слова напутствия, шли

колонной по одному – гуськом друг за другом – с тяжёлыми солдатскими сидо-трами за плечами, с автоматами, висящими на груди, смущённо улыбаясь от общего внимания и заботы. В вещмешках на спине лежали толовые шашки и патроны, сухари и самодельная колбаса. Порой на всём пути до места задания им нельзя будет заходить в селения, попросить хлеба или картошки, чтобы не обнаружить себя.

Провожающие партизаны стояли вдоль тропинки, жали друзьям руки и говорили добрые, тёплые слова, желали всего хорошего, удачи в выполнении задания и благополучного возвращения в отряд домой.

Бывало и так, что разведчики приносили печальные вести: спецгруппа выполнила свой долг до конца и никто из них не вернётся. В памяти ярко вспыхивало последнее рукопожатие и улыбка друга-товарища, болью сжимало сердце. Другие воспоминания приходили потом, приходят они вечно.

Жизнь моя входила в свою новую колею. Дополнительное обучение и инструктаж уходивших на задание минёров тонкостям подрывного дела казалось мне слишком обыденным и естественно недостаточным для меня в партизанах делом. Подрывники-омсбоновцы знали своё дело тонко. Им оставалось только набить руку на практике. Был в лагерь притащен и кусок рельса и две шпалы, но «практикой» считали подрывы фашистских эшелонов и взрывы мостов, как в нашей бригадной строевой песне:

«Горят мосты и мчатся эшелоны
под грохот взрывов прямо под откос...»

Командование отряда посылать меня на настоящую работу по минированию или в разведку что-то не торопилось. Ночевал я по-прежнему в штабной землянке, где кроме командира и комиссара, адъютанта Ясона Годеева жили Вася Куликов – знаменосец отряда, скромный молчаливый парень, фронтовик-разведчик со «Звёздочкой» на груди и весёлый смешливый Паша Калганов с Плющихи в Москве. Арбат и Плющиха совсем рядом. Мы вспоминали, как вероятно вместе участвовали в ребячьих потасовках у билетной кассы в кинотеатр «Кадр», и арбатские всегда побеждали.

Надо было придумывать выход из моего «сидения». Командир Карасёв любил в одиночку ходить по косогору, заглядывать в землянки и поговорить с людьми. Порой он останавливался и о чём-то думал. Может вспоминал свою пограничную заставу и первый бой с фашистами двадцать второго июня сорок первого года...

Решил воспользоваться его уединением.

– Виктор Александрович, можно к вам обратиться? С просьбой?

– Слушаю тебя, друг народа! – отозвался командир.

Начало было обнадеживающим. «Друг народа» – это Жан-Поль Марат – герой французской Революции 1789 года, его называли другом народа. Значит настроение у командира хорошее, раз он возвысил меня до именитого тёзки револю-

ционера. Если бы он сказал свою любимую присказку «друг ситцевый», то все зависело бы от интонации – от дружки-иронической до жестоко-суровой, после которой собеседник бледнел и был готов провалиться сквозь землю.

– Можно мне перейти в группу минёров-подрывников?

– А что, в нашей землянке стало тесно? – улыбнулся командир, – хочешь быть поближе к своим друзьям минёрам? Думаешь скорее пойти на задание?

Опытный пограничник-чекист сразу разгадал мою наивную уловку о переходе в другую землянку.

– Не спеши, – продолжал он, – настанет и твой черёд и скоро настанет. Пока познакомься ближе с лесом, ведь ты горожанин, лес здесь дремучий, бескрайний, прямо партизанский. Прислушивайся к ребятам, есть у нас настоящие знатоки леса, таёжники, такие как Саша Матвеев. Больше узнай о повадках немцев и предателей-полицаев, тут своя специфика, несколько иная, чем на фронте.

Оговорился командир или нарочно употребил относящееся к диким зверям слово «повадки», говоря о врагах, скорее всего он так и хотел сказать о фашистах.

– В группу минёров переходи, скажешь командиру, что я разрешил. Вместе с ними пойдёшь на задания, вместе воевать будете, плечо друга надо знать.

Возле землянки минёров, под густой сосной на земле сидели человек восемь ребят, автоматы у них лежали рядом, или были заброшены за спины. Некоторые курили. Перед ни-

ми стоял стройный светловолосый Вася Божок и что-то рассказывал.

– Стоило нам выйти из села Гуты, как вскоре нас начинали преследовать полицаи, стреляли вслед, и так повторялось каждый раз. Провели мы тщательную разведку и выяснили, что одна местная тётка наблюдала за нами. Только мы выходили из деревни – она бежала в соседнее сало, где стояла полиция, и докладывала про нас. И вот командование отряда приняло решение расстрелять её, как продавшуюся фашистам, и за гибель связного-проводника выдали одному нашему командиру маузер с «брамиткой» для бесшумного боя, и направили группу для приведения приговора в исполнение. Приезжают они на конях под вечер в Гуту, заходят к тётке в хату – жила она одна – и учиняют ей допрос:

– Ты почему продаёшь нас фашистам?

А она злобно, как ведьма, исподлобья смотрит и рычит:

– Пропадите вы пропадом, москали поганые!

Вот холера, узнала даже откуда мы прибыли! И больше ни слова. Зачитал наш старшой приговор ей, повернул к стенке и почти не целясь выстрелил. Она шлёпнулась на пол и замерла. Теперь самое интересное: проходит какое-то время, возвращается из дальней разведки одна наша группа и, между прочим, повествует, что всем известная стерва из Гуты жива и в полном здравии, и даже улыбается нашим. Доходят эти рассказы до штаба – подымается тарарам! Приказ о казни не выполнен, предательница оказывается здравствует.

– А как же она живой осталась? – не терпится узнать молодому партизану Петру Цалко, смышлёному пареньку, одному из первых пришедших в отряд из местных жителей.

– Случилось вот что, – продолжает Божок, – пуля попала в металлический гребешок и срикошетировала, тётке только кожу на голове ободрало, с переляку – перепугу – она бухнулась на пол. Ночью пришла в себя и думает: «что ж она делает, против своих идёт, а её только поугадили...». Пошла к местным партизанам, всё рассказала и на коленях покаялась, и вроде как в штрафной роте побывала – кровью искупила свою вину, говорят, связной у них стала, – смеясь заканчивает Вася Божок.

Партизаны-минёры внимательно слушали Василька, иногда посмеиваясь или хмурясь. Некоторые отрастили неопищаемых фасонов бакенбарды или усы – это не возбранялось, запрещалась небритость. Со всеми я уже был знаком. Моё сообщение, что перехожу к ним в группу было встречено доброжелательно, сразу отвели мне место на лежанке.

В этом подразделении были почти одни омсбоновцы. Борис Салеймонов, Пётр Ярославцев, Саша Матвеев – бывалые партизаны, воевали на Смоленщине в начале войны в отряде Шпилевого – «Бати», отражали натиск фашистской дивизии «Жёлтый слон».

Пётр Туринок, Николай Пасько, Вася Божок – кадровые пограничники, отходившие с боями на восток, не отступавшие без приказа ни шагу назад.

Миша Журко – из внутренних войск, в первые дни войны выполнял спецзадание: вывозил из Прибалтики на эшелоне, под непрерывной бомбёжкой немецких самолётов, золотой фонд республики.

Из местных – только двое семнадцатилетних пареньков, проявивших себя смелыми, бесстрашными разведчиками: Коля Гапинко из-под Довлядов, «направленный» в отряд своим дедом-подпольщиком, партизаном гражданской войны, и Петро Цалко из деревни Лубень, откуда все способные носить оружие ушли в партизаны.

Всех их – русских, украинцев, белорусов – объединяла ненависть к фашистам. Все они решили уничтожать врага в самых сложных и тяжёлых условиях военных действий – в тылу противника.

Первое задание

Прошло несколько дней. Адыютант командира Ясон Годеев, широкоплечий спортсмен-борец, вызвал меня в штаб. Два врытых в землю столба обозначали дверь, на такой же толстой перемышке висела плащ-палатка. Двухскатный потолок сделан из подтоварника – жердин – и проконопачен мхом, сверху засыпан глиной и песком. Стены из врытых в землю брёвен – всё сделано без единого гвоздя умелыми руками партизан. Обтянутое всё парашютами делало землянку нарядной и строгой.

Над разложенной на столе картой склонились Карасёв и Филоненко. В отглаженных белых подворотничках, в портупях, подтянутые, с орденами на груди, они походили на обычных армейских командиров. Ничего «партизанского» в их облике не было. Этот пример командиров мобилизовывал, дисциплинировал других. Отряд по сути дела был воинским подразделением, выполнявшим особые задания за линией фронта.

Пробивавшийся через оконце-амбразуру луч солнца играл на карте. Вслед за мной в землянку штаба вошёл парт-орг отряда Евгений Ивлиев. Он был старше нас, большинства ребят, но его стройную, спортивную фигуру, узкое лицо ничуть не старила широкая окладистая борода и усы. Разведчики говорили, что в городе на бородачей немцы обра-

щают меньше внимания.

Карасёв окинул нас своими пронизывающими синими глазами, гостеприимно и энергично указал рукой на скамью, предложил сесть.

– Буду краток. По сообщению Центра через двое суток из Ельска в южном направлении отправится автоколонна эсэсовцев. Есть данные, что их цель – район Глушковичей, где перед очередным рейдом сосредоточилось партизанское соединение Сидора Артёмовича Ковпака. Немцы надеются, если не разгромить ковпаковцев, то по крайней мере сорвать сроки начала рейда. Таковы оперативные сведения. Принято решение заминировать единственную шоссеиную дорогу под Ельском, по которой могут следовать каратели.

Командир остро отточенным карандашом резко подчеркнул на карте ниточку дороги под Ельском и встал.

– Слушайте боевую задачу, – мы вскочили и вытянулись, – завтра ночью до трёх ноль-ноль произвести минирование дороги, чтобы ни одна фашистская сволочь не прошла! Командиром конной диверсионной группы назначается парторг старшина Ивлиев, – он подчеркнул слово «парторг», усиливая ответственность задания, – Марату поручается обеспечить минирование шоссе. Возьмите сколько нужно минёров и взрывчатки, через два часа выступать! И никому ни гугу! Если вопросов нет, действуйте.

– Будет возможность и условия пусть Евгений проведёт беседу с крестьянами на последнем этапе пути, там редко

бывают партизаны, – добавил комиссар Филоненко.

ВОТ и получено первое задание. Всё было понятно – перекрыть шоссе. Радостно и чуть-чуть тревожно. Немного смущало – «конная группа» – это, наверное, ехать на повозках, чтобы не тащить на себе взрывчатку на семьдесят с лишком километров. Мы пошли готовиться в дорогу. Сборы нас не задержали. Посоветовавшись с Евгением – он тоже был минёром – решили взять двадцать килограммов толовых шашек и шесть мин для детонации зарядов. Группу подобрали из пятнадцати человек. Получили у Василия Румака – помощника командира хоззвода Исаева – полсотни четырёхсотграммовых толовых шашек и противопехотные мины ПДМ-7 и были готовы к отъезду.

Что-то повозок нигде не было видно и в помине. Оказалось, что всем надо ехать верхом на конях. Мне досталась обычная деревенская лошадь сероватого цвета с белыми пятнами под самодельным седлом. Мастером по их изготовлению был потомственный казак старшина Василий Иванович Исаев, встречавший меня. Луки – железные дуги спереди и сзади седла – выковывал кузнец в ближайшей деревне, две выгнутые деревянные планки, похожие на клёпку от бочек, там же в деревне заготавливал бондарь. Сборку и обшивку сёдел рядом – самодельной деревенской тканью – производили непосредственно в лагере, чтобы не девуалировать перед немцами местных мастеров.

Почему-то никто не спросил меня: «Умею ли я ездить вер-

хом?» и вообще: «Видел ли я лошадь вблизи?». Может быть думали, что парашютистов обучают и верховой езде тоже? Хотя большинство из них готовилось к десанту, и кое-что они должны были знать?

... У меня ещё свежи кавказские воспоминания. Как-то наш взводный лейтенант Дмитрий Кузнецов отправился с горного перевала в тыловой город и прихватил зачем-то меня. Ехали мы на армейской двуколке – это одноосная повозка с двумя огромными колесами и двумя толстыми палками, за которые тянет лошадь.

Едем тихо и спокойно, кругом кавказские горы. Вражьи самолёты над нами не летают, это позже развернутся воздушные бои с сотнями самолётов. Въезжаем в прифронтной чеченский аул, народу ни души, все эвакуированы. Уличка узенькая, со встречной повозкой не разминуться.

Лейтенант сидит рядом на козлах, спина, как доска, выставил мощную грудь, натянул вожжи и правит, как рычагами танка. Жаль нет встречающих чеченок, и вообще никто не видит какая величественная картина пропадает, я ни в чём не уступаю Дмитрию. Вдруг на повороте улочки оглобля цепляется за угол сакли – это каменный дом у горцев – конь неожиданно распрягается и уходит вперёд, стаскивая лейтенанта на дорогу. Он продолжает крепко держаться за натянутые вожжи, наверное, чтобы не ушла лошадь. Двуколка опрокидывается назад вместе со мной. Толстые палки – похоже их зовут оглоблями – задираются к небу, как зенитки.

Лежу на спине, мною овладевает безудержный хохот, отсмеявшись вдоволь, протираю слёзы на глазах. Надо мной стоит весь в пыли лейтенант и сумрачно молчит.

Потом мы оба подкатываем повозку к лошади. Сама она почему-то назад не пятится. Высказываю мысль, что лошадь чеченская и по-русски не понимает. Дмитрий сквозь зубы бурчит в мой адрес что-то не совсем поэтическое, притворяюсь, что, как и лошадь, не понимаю его по-русски.

Через полчаса лошадь у нас запряжена. Смущают кожаные петли, которыми скрепляется дуга и оглобли, они что-то смотрят в другую сторону, не очень подходят к месту. Но лейтенант не подаёт вида и спокоен, как всегда. Он тоже москвич, и я начинаю сомневаться в его способностях управлять лошадью.

Наконец, залезаем с опасением на козлы. Лейтенант по-прежнему вожжи мне не доверяет. Закуриваем не торопясь. Можно и трогаться в путь.

– Н-но, милая! – лейтенант хлопает длинной хвостотиной по крупу лошади.

Через секунду мы снова на земле. Повозка и лошадь снова стоят отдельно ничем не соединенные, только Дима намертво связан с лошадью кожаными ремнями, за которые уцепился, как утопающий за соломинку. Мне показалось, что лошадь подмигнула ему.

Всё начинается сначала. Подталкиваем повозку к лошади – она упрямо не хочет ступить назад ни шагу. Неоднократно

испробовав разные способы соединения хомута, дуги и оглоблей мы с лейтенантом в мыле. Лошадь явно ехидно улыбается, видно по её морщинкам у глаз.

После моего дельного совета самим впрячься в повозку, а лошадь привязать сзади, Дмитрий почему-то обижается и посылает меня искать местных жителей для помощи. Я знаю, что в этом ауле никого нет, всех эвакуировали из прифронтовой зоны, остались только одичавшие кошки, но с лейтенантом Кузнецовым спорить бесполезно, хотя командир он справедливый и добрый.

Захожу поодаль за каменную саклю и усаживаюсь в тени на отполированный веками валун. На светло-голубом небе ни облачка. В ауле ни дуновения, всё мёртво, жара градусов за сорок в тени. Не спеша, покурив, возвращаюсь. Лейтенанта нет. На торчащей, как зенитка, оглобле висит записка: «Как насидишься за углом, отдохни и карауль двуколку и эту проклятую скотину, пока не вернусь!».

Так окончилось моё первое знакомство с лошадьёу.

Теперь второе, посерьёзнее. Я ходил вокруг предназначенной мне лошади, похлопывал её по шее, поглаживал по спине, вспоминая своего лейтенанта и делал вид, что чем-то недоволен.

Подошёл улыбочивый весёлый Вася Божок, который «нашёл» меня у костра после благополучного приземления, и по-дружески посоветовал:

– Подтяни подпругу – вот этот широкий ремень, – кото-

рый держит седло, его надо как следует подтянуть, чтобы седло на ходу не сползло. Стремена отпусти на длину руки до плеча – он показывает на ремни, на которых висят железные кольца, они называются стременами, – это только на ипподроме у жокеев коленки под подбородком.

Лошадь была спокойная и симпатичная. Я обошёл кругом её несколько раз. Она меня не лягнула и не укусила, даже приветЛИВО тыкалась губами мне в плечо. Мысленно, про себя, я назвал её «Серой» – эта кличка осталась за ней, потом, в боях она дважды спасала мою жизнь. Были лошади, которые кусались и брыкались, я об этом не знал и спокойно ходил вокруг своей «Серой».

Боковым взглядом я наблюдал за ребятами, как они подтягивают ремни, с какой стороны садятся. Если что со мной случится, то уж смеяться теперь буду не я, как на Кавказе. Времени потренироваться где-нибудь за конюшней, тайком от всех, как садиться на лошадь у меня не было. Кое-какие понятия я имел, ещё в детстве мы ходили на Даниловский плац, где с утра до вечера кавалеристы рубили шашками лозу.

Партизаны уже почти все были верхом. Уцепившись за гриву рукой и засунув левую ногу в стремя, как другие, я неожиданно для себя легко вскочил в седло. Занятие спортом сыграло свою роль. Никто не заметил, как я удержался в седле, едва по инерции не перелетев на другой бок лошади.

Группа ещё засветло выехала из лагеря. В том направле-

нии на север мне ещё не приходилось бывать. Ходил только в деревню Желонь, где погиб Георгий Бобров, и в лагерь отряда «Дяди Кости», расположившегося в густом лесу в шалашах, не идущих ни в какие сравнения с нашими землянками. Там ещё познакомился с одной девушкой Лелей, она одолела меня вопросами.

– Почему вы сидите и молчите? Почему у вас такой скучный вид? Вам что, не нравится у нас?

Ну и егоза-непоседа подумал я тогда, потом мы подружились, когда она перешла в наш отряд, где была медсестрой, и снабжала меня хиной в неограниченной дозе, тайком от врача Нины Рогачёвой. Хину я глотал по десять таблеток, чтобы перебить приступ малярии, приобретённой в Закавказье, наперекор всем предписаниям врачей.

Километрах в семи от лагеря, на пересечении двух глухих лесных дорог, головной дозор Николай Пасько и Николай Гапиенко подали руками сигнал «стой».

Пасько галопом подскакал к нам, осадил коня на дыбы и лихо вскинув ладонь к зелёной пограничной фуражке, доложил:

– Конная разведка мадьяр в составе полувзвода час назад проследовала до развилки, останавливалась и ускакала обратно в сторону Выступовичей. Развилку надо объехать – там подозрительно сглажены следы, можно двигаться дальше?

– Во даёт Пасько! – восторженно воскликнул Вася Божок.

– Разговорчики в строю, – нахмурился сибиряк Саша Матвеев, знатный охотник и следопыт, это он шёл на тысячекилометровом пути в головной разведке вместе со своими друзьями Борисом Салеймоновым и Петром Ярославцевым после перехода линии фронта, – мы с Маратом и Журко проверим дорогу, – он кинул взгляд на Женю Ивлиева.

Осмотрительный и осторожный Евгений утвердительно кивает головой, еле сдерживая своего горячего гнедого коня.

На развилке спешившийся Саша Матвеев долго ходит по обочинам чего-то разыскивая, потом говорит:

– Ничего страшного, если бы мадьяры минировали, то должны были куда-то выбросить лишнюю землю, а так, однако, они только разравнивали песок на дороге, чтобы потом проверить кто и куда проехал или прошёл.

– Правильно, – поддерживает Журко, – конечно, была бы «кошка» можно было бы без риска пробороновать это место, но для этого надо податься в ближайшую деревню и потерять время.

«Кошка» – это трёх или четырёхлапый крюк из железного прута похожий на морской якорь, для доставания из колодца оборвавшегося ведра. Минёры пользуются «кошкой» для извлечения мин.

Длинными ветками огораживаем подозрительное место на дороге. И местные жители и тем более партизаны догадуются объехать. Машем своими руками. Все снова в сборе. На всякий случай отправляем Петра Цалко, к его великому

неудовольствию, в лагерь с донесением командиру о появлении в непосредственной близости к отряду мадьярских конников. Молодой вихрастый среднего роста Цалко был отчаянным партизаном, этот лес он знал, как родимый дом.

– Саша, – негромко позвал Матвеева Вася Божок, когда все минули подозрительную развилку, – откуда Пасько узнал, что час тому назад тут проезжали мадьяры?

– Слушай Василёк, это просто. Следы подков везде одинаковые и крупные. Стало быть, кони подобраны одного роста – это может быть только в армии. Следы крупные – кони рослые. У них, у мадьяр порода такая, они любят больших коней. У немцев другая порода. Подковы наших партизанских лошадей разнокалиберные, потому что разного роста, и подкованы у разных кузнецов. Время можно определить по разным приметам: вода в лужах на дороге мутная, а пены и пузырей уже нет, примятая трава ещё не приподнялась, комки грязи из-под копыт не присохли, число верховых по следам подсчитать можно: ехали парами, испугались и повернули назад, кони протоптали поворот – вот и считай их. Учти, Коля Пасько пограничник, не хуже нас звероловов знает.

– Как всё это просто, – вырвалось у Васи Божка, – просто, когда пояснят, – добавил он в раздумье.

Вскоре объявили короткий привал. Оказывается, надо осмотреть сбрую, не натирают ли сёдла спины лошадей. Все спешили, бодро и весело соскочил и я. Но тут же превратился в обезьяну, которая ползает на четвереньках. Внутрен-

няя сторона ног у ко-лен и выше саднила, как ошпаренная, спина и ноги не разгибались.

– Хлопцы, на эту лошадь мне больше не влезть, дальше пойду пешком, не бойтесь, от вас не отстану, я здорово бегаю, у меня даже спортивный разряд есть, – уверял я ребят, вспоминая десантника, который хотел «слезть с самолёта» и идти дальше пешком по лесам и болотам.

Все обступили меня и засыпали десятками советов.

– Во-первых это не лошадь, а строевой конь, на лошадях только землю пахут! – авторитетно заявил Николай Пасько, – ты помогай ему немного подскакивая на стремянах и тебе будет легче в седле.

– Чепуха, держись за хвост коня и беги за ним, как делали древние римляне, устанешь – снова садись верхом! – посоветовал весёлый яхромчанин Пётр Ярославцев, – хочешь дам свою Горпыну, такого длинного хвоста как у неё нигде не сыщешь!

Глаза у Горпыны сверкали, ноздри расширились, и она нетерпеливо била копытом о землю. Только такой конь мне и нужен! Я твёрдо от него отказался.

Худошавый, подвижный Петро Туринок со светлыми курчавыми волосами, выбивающимся чубом из-под пилотки, как и у Петра Ярославцева, предложил:

– Возьми моё армейское седло, легче будет, чем на самоделке, да и ноги можно перекидывать на одну сторону для отдыха. Почаще меняй позу и спешивайся.

– Держись больше на стременах и подсакивай в такт с ходом коня, – подсказал застенчивый, немногословный Вася Баранов.

В пути я убедился, что наиболее ценными советами оказались те, которые давали ребята сами недавно севшие на коня. Они делились своим горьким опытом.

В лесу быстро темнело. За ночь предстояло преодолеть свыше полусотни километров и выбрать место для дневного отдыха. Когда я с трудом слезал с коня и шёл пешком, как-то получалось, что кто-нибудь тоже спрыгивал, а то и несколько человек спешивались и говорили, вроде не замечая моей муки, «правильно, надо дать коням отдохнуть». Это чувство локтя товарищей прошло через всю партизанскую эпопею.

Ночная тишина, темень, езда «стремя в стремя» навевали воспоминания. Рядом ехал Вася Божок, душевный, мечтательный, может несколько наивный паренёк, хотевший после войны развести у себя на родине в селе с лирическим названием Пятихатки большие яблоневые мичуринские сады.

За тихой беседой верхом на конях незаметно пролетела ночь. Небо сквозь вершины деревьев стало бледнеть. На землю садился густой молочно-белый туман, который бывает только в Полесье. Лесной просёлок, дорога, то поднималась на холмы, то спускалась в низины, где протекали ручьи, высокий лес зарос густым кустарником. Среди елей и сосен мелькали стволы белых берёз и серые осины. В таком лесу легко можно найти место для днёвки.

Свернули от лесной дороги вправо в кусты, проехали по густой чащобе метров сто назад, пересекли дорогу, по которой только что двигались. Следы, пересекавшие её, тщательно замели еловым лапником, оставили только следы, идущие вперёд по дороге.

Немного отойдя от неё, за низкими широко лаптистыми елями, оставили двоих часовых. Если появятся преследователи, то они пройдут мимо этого поста и пока повторят проделанную нами петлю по лесу, и тоже вернутся назад к пересечению дороги, мы по знаку часовых сумеем принять необходимые меры: или занять оборону или спокойно уйти дальше в лес.

Спустились в заросшую кустами лощину и там решили передневать. Сырой туман залезал за ворот, было неприятно, но хотелось спать. Саша Матвеев и Николай Пасько обошли впадину кругом по вершине и не обнаружили ни одной тропки. Белорусская таёжная глухомань.

Вторую заставу поставили на другой стороне лощины, на бугре. Посты ставили парные, чтобы часовые ненароком не уснули, могли иногда перекинуться словом или по одному покурить в рукав. Коней не рассёдывали, только ослабили подпруги и насыпали им в торбы овса из перемётных сумок.

Петро Туринок отыскал родник с прозрачной водой, можно напоить коней и самим вдоволь напиться. В наших фляжках булькала согретая вода, отдающая знакомым болотным запахом. Костёр не стали разжигать, даже слабо выющийся

над лесом дымок мог привести незваных «гостей». Поели колбасу собственного производства с лепёшками по-кавказски, заботливо напеченными на дорогу Васо Чхаидзе, запили родниковой водой и были сыты. Свободные от дежурства партизаны завалились спать на хвое под елями – это самое сухое место в лесу.

Первым дежурным по днёвке заступил Пётр Ярославцев, худой, перетянутый ремнём, с пистолетом на боку, с выбивающимся светлым чубом из-под армейской фуражки, спортсмен-лыжник. Эта смена после длинного пути самая трудная – усталость всех валит с ног, и очень хочется спать – на неё назначались самые крепкие, самые выносливые, на которых можно полностью рассчитывать. Через два часа Ярославцев сменит посты и ляжет отдыхать.

Саднили натёртые у колен ноги, ныли спина и плечи от непривычного сидения в течение многих часов в седле. Никогда не думал, что красивая скачка верхом такая утомительная и изнуряющая, тяжелее чем подъём в гору или гребля на лодке.

Прошёл день и солнце стало клониться к закату. Наша группа минёров отправилась дальше в путь. До конечного места следования оставалось несколько километров. По сведениям нашей дальней разведки в той деревне, куда мы направлялись, немцев и полицаев не было. Там мы дождёмся темноты, и на шоссе мы минировать пойдем пешими – вот отрада! Коней под охраной оставим на опушке леса. В целях

сохранения тайны места минирования шоссе возвращаться будем другой дорогой, минуя село.

Разведдозор проехал по главной улице до околицы и спокойно вернулся назад, ничего подозрительного не обнаружил. Всей группой мы вошли в село и остановились на площади возле ликвидированного немцами сельсовета. Со всех сторон сбегались жители: «Наши пришли! Родимые.»

Командир диверсионной группы, парторг отряда, Женя Ивлиев беседовал с собравшимися сельчанами о положении на фронте. Особо всех интересовали события под Сталинградом, жители слышали только о том, что гитлеровцы объявили по всей стране трёхдневный траур, а почему, ради чего, не знали точно. Женя подробно всё рассказал им. Хорошо, что мы ежедневно нашими радистами принимаем сводки совинформбюро и в курсе всех внутренних и внешних событий.

Жителям изредка доставалась местная газетка, где большая часть была заполнена объявлениями об открытии в Мозыре частных комиссионных магазинов и кафе, приёме на дому гадалок и хиромантов, продаже мороженого картофеля и с передовицами из немецких газет – гебельсовской брехнёй. Конечно, о пленении сотысячной армии на Волге и разгроме фашистов на Кавказе там не печаталось.

Откуда-то появилась гармонь, гармониста местного не было. Пётр Ярославцев, умевший не только рисовать, но и играть на баяне, сыграл несколько душевных песен, которые

славно спели деревенские девчата. Пели о могиле красного партизана под ракитой, о широких московских- просторах, про синий платочек, что падал с опущенных плеч и про холодную землянку, где бьётся в печурке огонь, песню неведомыми путями долетевшую из-за фронта в глухую белорусскую деревню.

После песен под гармонь начались танцы, как на гулянке в довоенное мирное время. Особенно всем понравилось, как плясали Миша Журко и Петро Туринок. Оба светловолосые, чубастые, весёлые и смешливые, девчата наперебой стремились с ними сплясать. Молодёжи собралось много: отсюда ещё не забирали на работу в Германию.

Наш кратковременный заход в это село был для здешних девчат и парней и всех жителей настоящим праздником, светлым днём в чёрной оккупации.

Надвигалась ночь. Небо сплошь заволкло низкими тёмными тучами. Стал чуть-чуть накрапывать дождь. Капли были большие, но редкие. Вдали засверкали сполохи молний. Нам пора идти. Трое наших парней уводят коней к опушке близкого к деревне леса, там мы встретимся после того, как заминируем шоссе.

С толом в вещмешках за плечами, с автоматами в руках мы покидаем село. Девчонки всхлипывают, провожая нас, машут платочками, кто-то кого-то даже целует, мы, партизаны, пробыли тут не больше трёх часов, а провожают нас, как родных и близких.

– Куда вы в дождь и непогоду? Оставайтесь ночевать!

Мы не можем остаться у этих родных, добрых людей.

В ночной темноте подошли к шоссе. Молнии уже сверкали над головой, после них мрак сгущался до бархатной черноты. Чуть не свалились в кювет и наконец вышли на дорогу.

– Чёрт возьми! Шоссе булыжное, – воскликнул Миша Журко, присев и ощупывая покрытие, – придётся повозиться!

– Сказали, что оно щёбёночное, а теперь пока финкой и топором выковыришь первый камень, ногти на пальцах в кровь пообломаешь, – пробурчал Пётр Туринок.

Вдруг при ярко сверкнувшей молнии под грохот грома Миша Журко показывает рукой на шоссе и кричит:

– Хлопцы, смотрите! Вон лысины из песка! Дорогу недавно ремонтировали.

При участившимся сверкании молний дорога секунды освещается ярче, чем днём. Хорошо видны большие жёлтые пятна.

– Правильно, в этих засыпанных колдобинах и заложим мины! – обрадовался Туринок, подхватив мысль Журко.

Фрицы вряд ли решатся ехать ночью. Договариваемся, на всякий случай, если появится одиночная машина, то пропускаем её, укрывшись в кустах. Если же это колонна, которая нам нужна, которую мы не должны пропустить, то по сигналу забрасываем её гранатами, расстреливаем из пулемётов и

автоматов и спокойно уходим в лес.

Шоссейка тянется с севера на юг, в ту и другую стороны уходят метров на сто дозоры-заставы, для нашей безопасности.

У нас противопехотные мины нажимного действия – ПМД-7. Мы их используем для детонации толовых зарядов. Десяток толовых четырёхсотграммовых шашек с пехотной миной разносит вдребезги любую автомашину, подрывает танк, спихивает с рельсов эшелон. Немецким миноискателем, действующим на принципе электро-магнитного поля, наш фугас обнаружить нельзя: корпус мины деревянный, похожий на пенал для карандашей, взрыватель и детонатор из цветного металла. Найти их можно только ножом или «щупом» – палкой с металлическим заострённым прутком на конце. Фрицы таким методом работать боятся: есть доля риска, нужно большое уменье, чуткие руки и пальцы минёра, чтобы железякой нащупать мину.

Подходит Николай Пасько:

– Ребята, мы обнаружили два съезда с шоссе через засыпанные канавы и хорошо наезженную объездную дорогу. Наверное, её сделали на время ремонта, да так и оставили.

– Надо заминировать и объезд, – откликается Пётр Туринок, – как фрицы подорвутся на шоссе, обязательно ринутся в объезд, у них такая манера-тактика: в лоб не получилось, заворачивают в обход, а там им тоже капут!

Посоветовавшись, решаем поставить три мины в шахмат-

ном порядке на некотором расстоянии друг от друга на шоссе после съезда с неё, две на объездной дороге и ещё одну подальше за концом объезда.

На каждый заряд выходит больше четырёх килограммов тола. Для хорошего мощного взрыва это вполне достаточно. Минёры Пётр Туринок и Василий Баранов отсчитывают и забирают толовые шашки. Каждому определено место минирования: сколько шагов пройти по шоссе, насколько отступить от бровки, также распределяем и объездную дорогу. Мне с Мишей Журко достаются первые две мины на шоссе.

Дополнительный инструктаж перед опасным делом считаю проводить не нужным, даже вредным. Порядок и все движения при закладке мин освоены всеми до мельчайших тонкостей, друзья мои могут выполнять эту работу в полной темноте, даже с закрытыми глазами. Только вскользь ненароком упоминаю о том, чтобы привязали ниточкой боевую чеку к ударнику, при маскировке особо не нажимали на грунт после закладки взрывателя и, конечно, в этот момент все должны отойти в сторону и подальше, от минёра.

Вдвоём с Мишей Журко разрыхляем ножами укатанный песок со щебёнкой на засыпанной колдобине и ладонями выбрасываем на разостланную плащ-палатку. Женя Ивлиев помогает нам отгребать грунт, ему это совсем не обязательно – он командир группы – но он не может оставаться безучастным. На дороге нельзя оставить ни одного лишнего камеш-

ка, горсти песка – немцы очень внимательно осматривают дорогу, боясь мин партизан. Углубление надо выкопать так, чтобы на дно аккуратно вплотную уложить толовые прямоугольные бруски, похожие на хозяйственное мыло жёлтого цвета, и на это твердое основание положить пехотную мину.

Продолжаем выгребать щебёнку и неожиданно натыкаемся на ряды булыжника! Это новое непредвиденное препятствие может задержать нас надолго, а засиживаться на шоссе нежелательно. Принимаем решение положить мину на булыжник – лучшего основания не придумаешь – а толовые шашки расставить вокруг неё кругом, на одном уровне, как хоровод, всё равно прекрасно сдетонирует. В этом случае для засыпки и маскировки остаётся четыре-пять сантиметров, что вполне достаточно.

Все чаще падают крупные капли дождя. Ослепительно сверкают молнии, всё громче грохочет гром. Мы стоим на коленях и работаем. Нельзя поднять голову, оторвать глаз от земли из-за сплошных разрядов, иногда даже на миг зажмуриваемся. По сторонам не смотрим – нас надёжно прикрывают друзья. Дорогу в направлении Ельска, на север, откуда вероятнее всего могут появиться немцы, надёжно охраняют Пётр Ярославцев и Саша Матвеев. За их спинами можно не только минировать, но и спать спокойно, они никогда не подведут.

Заканчиваем укладку толовых шашек, между ними засунул мину. Достаю из кармана взрыватель и ставлю ударник

на боевую чеку, остаётся ввернуть капсюль-детонатор с сильно взрывчатыми веществами. Он меньше и тоньше мизинца, но если взорвётся в руке – половины как не бывало. Женя и Миша отходят в сторону. Снаряжённый взрыватель вставляю в круглое гнездо мины, последние штрихи маскировки. Мина готова к взрыву.

Наедет машина на крышку мины, уступ крышки отожмёт вниз стержень, просунутый через ушко боевой чеки, и вырвет чеку из ударника... Вспыхнет огонь, раздастся резкий звук взрыва и поднимется чёрный десятиметровый столб дыма, который вверху расплывётся в виде гриба, на месте останется дымящая воронка... Ещё какое-то время на землю будут сыпаться с неба части взорванной машины.

Оставшуюся на плащ-палатке щебёнку горстями разбираем по кювету и идём ставить вторую мину, но уже на полшага ближе к середине дороги. Ни на одной, так на другой мине фрицы должны подорваться.

Примерно в одно и то же время все три группы заканчивают свою опасную ночную работу и идут навстречу друг другу по канаве, чтобы не оставлять на виду следов и не наступить на свои же мины.

Возвращение на базу

Собираемся в условленном месте у придорожных кустов. Настроение у всех приподнятое – задание выполнено. Стреляющие молнии уходят дальше, но усиливается дождь.

– А хорошо, что дождь пошёл, лучшей маскировки мин и не придумаешь, – замечает Миша Журко, – и утрамбует, и все следы сгладит начисто.

Пётр Туринок ёжится от попадающих за воротник гимнастёрки капель и мечтательно произносит:

– Теперь кипяточку бы горячего попить и переждать ливень в тёплой хате. Может попробуем вернуться в то село? Народ там очень приветливый.

– Твоя тёплая хата дожидается у леса – на четырёх ногах и с хвостом, – прыскает смешливый Вася Божок.

С двух сторон подходят наши дозоры, тоже мокрые и чуть продрогшие. Одно дело копать – другое лежать на мокрой траве, прислушиваться к каждому шороху и всматриваться вперёд.

– Давайте, ребята, поскорее, – торопит Женя Ивлиев дозорных, – надо идти к коням и углубиться в дебри, под утро здесь станет жарко, о селе нечего и думать.

Только въехали в чащу леса как разразился жуткий ливень. Через минуту промокаем до мозга костей, плащ-палатка не спасает. Если натянуть на голову капюшон, то от низ-

вергающихся потоков воды ничего не будешь слышать и видеть. По спине между лопатками течёт ручей. Вскоре сапоги доверху наполняются водой и начинают напоминать глиняные кувшины, тянущие вниз. Сапоги у меня хорошие армейские, можно сутки по болоту шагать – воду не пропускают, ноги сухие, что особенно важно солдату. Проскальзывает мысль, что сделал чрезвычайное открытие, оказывается, что и изнутри они тоже не выпускают воду, раньше об этом я как-то не догадывался. Умудряюсь, как настоящий джигит, периодически на ходу, не слезая с коня – по дороге течёт река – стаскивать их и выливать воду. Поводья держу в зубах. Акробатический номер под тёмным ночным небесным куполом. Под утро я разгляжу, что братья партизаны поступили иначе: они просто сняли сапоги!

Рассвет застаёт нас на полпути от дома чистым голубым небом без единого облачка. Но где-то вдали ещё слышны раскаты небывалой грозы. В ту ночь в местных отрядах от молний погибли несколько партизан, застигнутых грозой в лесу, под деревьями. Рассказывали, как часовой приставил винтовку к дереву, а сам спустился в землянку, спрятался от дождя. После грозы нашёл свою винтовку расплавленную и скрученную в штопор без приклада – сгорел до пепла.

Места здесь между реками Словечной и Желонью изумительные по красоте. Развесистые кряжистые дубы на ровных, как футбольное поле, лужайках с изумрудной травой, словно посеянной человеческими руками. Холмы с корабельными сосна-

ми и могучими треугольниками елей. В лощинах протекают ручейки с родниковой кристально чистой вкусной водой – даже зубы леденит.

Подъезжаем к поляне с двумя высокими дубами. На ней спешился наш головной дозор Пасько и Гашенко. Сигналов они не подают.

– Вот, – показывает на землю плёткой Николай Пасько.

– Что «вот»? – спрашивает Женя Ивлиев с удивлением.

– Вот выбрали, девять на восемнадцать и два толстых дубовых столба: хорошая волейбольная площадка, готовая.

Мокрые, озябшие и голодные мы громко хохочем, даже согреваемся. Слишком контрастная к нашему положению предстала картина. У нас совсем другая планида. Даже до мечты о том, что после войны построить здесь, на этом месте, дом отдыха или санаторий для партизан, мы не доходим.

Вася Божок едет рядом. От наших гимнастёрок и плащ-палаток при первых лучах солнца начинает подниматься пар. Одежда быстро сохнет. Рассказываю интересующемуся всем Васильку про кавказские перевалы, минные поля в долинах, ползущие с крестами на боках фашистские танки. Про однополчан, оставшихся там навеки лежать в земле под красными звёздами...

– Хочу спросить тебя, – поворачивается в седле Вася, – зачем привязывать ниткой боевую чеку, её крепко зажимает пружина ударника. Нам в бригаде об этом не говорили, когда изучали подрывное дело, это ваш горький опыт на кав-

казском фронте?

– И горький и кровавый. Был такой строжайший приказ нашего командира капитана Скоробогатько при постановке ударника взрывателя на боевой взвод, привязывать одним оборотом нитки чеку, и только потом ввертывать капсуль-детонатор и вставлять в мину. Нитка выдерживает усилие около трёх килограммов, бывает боевая пружина ослабнет, капсуль она разобьёт, а чеку держит слабо: небольшой нажим при маскировке и мина срабатывает. Никто не скажет от чего погиб минер, но момент взрыва, когда работаешь недалеко друг от друга, можно усесть. Скоробогатько дотошно после каждого несчастного случая выспрашивал минёров бывших поблизости. Нитка сыграла свою роль подстраховки. Помню, приезжает как-то к нам проверяющий из занимающей оборону дивизии, подполз поближе, увидел, что у нас ниткой чеку подвязывают, расшумелся: «по вашим минам танки немецкие пройдут!», тут дружок мой одессит Жилкин с добродушной одобряющей улыбочкой говорит ему: «а вы ноженькой, мысочком наступите на мину – мы и убедимся, кто прав». Тот замолчал, покраснел и ползком, ползком назад и ходу. Посмеялись мы вдоволь.

– Хорошо-то как летом, любой лесок укроет, как мать родная, солнышко пригревает. Под каждым кустом дом найдёшь, не то, что зимой. Как вспомню, зубы начинают дробь выбивать. Когда шли от линии фронта мы по неделе в деревню не заходили. Замерзали так, что в животе ледышки обра-

зовывались, – улыбаясь рассказывает Вася Божок, – тяжело нам было в зимнем походе. Сейчас что, отсырели, как спички, пообсохнем на ходу.

Вдруг Вася неожиданно засмеялся:

– Тебе рассказывали про Пану Безух, нашу радистку как она с нами фронт переходила? Нет? Ну, тогда слушай. Сначала готовили нас к парашютному десанту и тоже на Кавказ. Выдали тёплую кожаную форму. Спроси у Миши Журко, он сохранил и покажет тебе шлем на меху, как у лётчиков. Но наверху у начальства мнение переменялось или что-то не сработало как надо. Нам вместо стальных рук – крыльев самолёта дали деревянные ноги – лыжи и пустили совсем в другую сторону пешим порядком через фронт под Торопцом. До места базирования у Киева было свыше тысячи километров тяжёлого зимнего пути. Стояла февральская стужа с ветрами и пургой, кривыми дорогами. Передний край фронта перешли спокойно, правда на второй раз. Армейские разведчики и сапёры повернули обратно. Вёл отряд командир разведки старший лейтенант Крючков Николай Иванович; Борис Салеймонов, Петр Ярославцев и Саша Матвеев – опытные разведчики. Вспыхивает ракета – мы без команды бросаемся в снег. Погаснет – идём дальше. На всех белые маскировочные костюмы. Оружие обмотано бинтами, чтобы не чернело на снегу и не блестело от ракет. Идём на лыжах час, другой, третий... Пора бы и отдохнуть, устали смертельно. Груз за плечами у каждого килограммов по два-

дцать с лишним, да ещё волокуши тащим с боеприпасами, запасными батареями для раций, медикаментами, а батареи тяжелее, чем толовые палки. Торопимся оторваться от линии фронта, уйти подальше, затеряться в лесах. Старшина Исаев, который чуть не раздавил тебя при встрече, курсирует вдоль колонны, то мимо пропустит, то снова уходит вперёд – он двуличный, ему всё нипочём. Вдруг видит: проходит на лыжах врач Нина Рогачёва, за ней радисты Коля Тернюк, Вася Вернигоров, Коля Новаторов – это всё где-то в середине колонны – а дальше за ними никого нет. Василий Иванович разворачивается и гонит, что есть мочи, назад по лыжне. Метрах в ста натывается на Пана. Она, как колобок, маленькая, румяная облокотилась на лыжные палки, закрыла глаза и тихо посапывает. За ней цепочка остальных наших стоит. Старшина обрушивается на неё, от негодования он заикается:

– Ты... ты почему стоишь, п-пичуга? Все вперёд ушли, а ты здесь дремлешь? Крутом землянки фрицевские, вторая линия!

Пана оглядывается кругом, ничего не видит, кроме снега.

И с обычной для неё невозмутимостью тихо отвечает:

– Вы, товарищ старшина, не шипите, как гусь на меня, а если хотите, то вот впереди стоит Коля Новаторов, его и погоняйте, а я тут не причём.

Исаев смотрит туда, куда кивает Пана, и видит заснеженную ёлочку, похожую на силуэт человека в маскировоч-

ном костюме, Василий Иванович делает шаг туда и начинает лыжной палкой сбивать снег с ёлки и при этом рычит, как тигр:

– Где тут Коля? Покажи мне тут Новаторова? Где тут он? Вася Божок смеётся, вспоминая ту необычную картину и добавляет:

– Марат, ты при случае обрати внимание, по-моему, когда Пана встречает на тропке Василия Ивановича, то она обходит его стороной, а девушка она смелая.

Да. Очень смелая. Через год, находясь на задании в оккупированной фашистами Польше, на группу, в которой была Пана, неожиданно под утро – они остановились переночевать на хуторе – напали каратели, малочисленная группа приняла бой. Вдруг в хату, где находилась Пана, ворвались два вооружённых эсэсовца.

Пана хладнокровно из пистолета свалила их, подхватила свою рацию, выпрыгнула из окна и отстреливаясь ушла в лес...

Когда солнце поднялось выше деревьев, сделали большой привал. Надо кормить коней, дать им отдых. По возможности досушить свою одежду. Саша Матвеев насобирав валёжник какие-то сучки и веточки и развёл большой костёр. Горел он без дыма, таёжник знал лес – дело мастера боится.

Обратная дорога казалась короче, да и кони домой идут быстрее. К вечеру приехали в партизанский лагерь на Лысую гору.

Женя Ивлиев пошёл в штаб докладывать об успешном выполнении задания, а мы повалились на пахнущие лапником лежанки спать.

Впрочем, Пётр Ярославцев вызвался сходить в санчасть к Нине Рогачёвой сдать бинты, которые, к счастью, не понадобились. Что-то Ярославцев последнее время повадился ходить в санчасть, хотя прямого отношения к медицине разведчик не имеет. Обычно Нина сама с большими группами ходила на задания. Верхом или пешком со своей неразлучной сумкой на боку с красным крестом и с пистолетом на боку. В этом задании командование не разрешило ей ехать с нами. Она выдала нам запас бинтов и йода.

Народ начал просыпаться только через день к вечеру. Первым заворочался мой сосед Вася Божок.

– Ребята, кто даст закурить? Почему больше суток никак не проспидишь? А есть кто хочет?

– Ну, Вася закудахтал. Это курдюк жратвы требует, – весело отозвался Миша Журко, протягивая Божку кисет с самосадом и вытаскивая из торбы увесистый кусок сала и большую буханку хлеба.

Миша со своим весёлым характером был добр к людям, и они отвечали добром. В той деревне, где мы останавливались и пели песни, ему насовали полный вещмешок еды. Я ещё тогда удивился, почему он просит нести тол и сказал, что тол больно горчит. Действительно, после работы с толем – взрывчаткой – руки и всё из еды, что берёшь руками, имеет

резкий горький вкус.

– Нет, это не желудок будит человека, – пробурчал Пётр Ярославцев, не открывая глаз, – если Туринка не разбудить, то он до конца войны проспит и не шелохнётся.

Договорить ему не пришлось, так как не спавший Туринок навалился на своего тёзку и началась борьба.

– Кто из нас больше лежебока? – допытывался Туринок.

– Действительно, кто из них любит больше поспать? – спросил Саша Матвеев, который мог не спать сутками.

Все засмеялись, оживились и начали спускаться и вылезать с двухэтажных лежанок, устланных еловым лапником и покрытым парашютами. В открытом дверном проеме землянки появилась мощная фигура Исаева. Сразу стало темнее.

– Хлопцы, раз проснулись ступайте на кухню, – его рокочущий бас заполнил помещение, – по распоряжению комиссара Михаила Ивановича для вас оставлен обед до вашего просыпу, пока не встанете, я бы расход лентяям не оставил, – расход, бытовавшее в армии выражение, обозначающее оставить отсутствующим обед или ужин – но раз встали, то пошевеливайтесь, а то скоро ужин.

Выходя из землянки, Василий Иванович словно невзначай скупно бросил:

– Сало и хлеб пусть Журко сдаст на кухню в общий кошт.

– Вот рачьи усы, всё вынюхает, – покачал головой Миша Журко, – как будто я один собирался всё съесть.

– Василий Иванович сквозь землю увидит, – вступился за друга Вася Божок, – он человек справедливый.

– Миша, а почему «рачьи усы»? – допытывается Пётр Цалко.

– Рачьи они и есть у него, – рассмеялся Журко, – длинные и краснорыжие, как у варёного рака, и всё разнюхают.

– Главное в нашей жизни поесть, – изрекает глубокомысленно Саша Матвеев, – вы как хотите, однако, а я пошёл на кухню.

Все подхватывают автоматы и с толкотнёй и смехом устремляются за ним.

– Чем Мариула собирается сегодня нас потчевать? – галантно раскланивается Пётр Ярославцев, нарекший так за цыганские глаза эту приятную женщину, «бежавшую в партизаны» из Овруча.

– На обед вам оставлен суп с мясом, – бойко отвечает Мариула, сверкая своими чёрными глазами.

– А что на ужин готовится? – любопытствует Пётр Туринок.

– На ужин? На ужин мясо с бульоном, – уже не так уверенно молвит Мариула, заранее чувствуя нашу отрицательную реакцию.

– Так это же одно и то же, – ворчит Пётр Туринок, – мясо «цоб-цобе» и как всегда несолёное, – он вытаскивает из глиняной миски ножом кусок мяса и брезгливо морщится, – ни крупички соли!

В отряде давно нет соли, крупы, муки. Картошка на полях ещё не уродилась. Едим бычье мясо. С каждой туши вначале вытапливают пару больших молочных бидонов жира, которое используется для смазки оружия и сапог, а потом постное мясо варят, иногда Васо Чхаидзе на где-то раздобытой домашней маленькой мясорубке делает фарш и жарит котлеты, но без перца и соли, только одно название.

Врач Нина Рогачёва перед едой наливает каждому по эмалированной кружке соснового отвара, от которого глаза вылезают на лоб. Мы все уважаем и тайком любим Нину с её медно-золотистыми пышными волосами и молча, даже улыбаясь, выпиваем эту про-тивоцинготную витаминную отраву. Приготовлена она по рецепту «Справочника партизана». Это была интересная книжка, одним из авторов которой был Флегонтов, командующий партизанами Дальнего Востока в Гражданскую войну, а в эту – наш однополчанин.

Спустя три дня из-под Мозыря пришли наши разведчики во главе с Иваном Дыбаня. Они жали нам руки, поздравляли с успехом операции, и перебивая друг друга, рассказывали, что произошло.

– Ведь надо же! – удивлялся Дыбань, – фрицы умудрились подорваться на всех ваших шести минах и угробить семь машин! Нарочно не придумаешь! Вырубили рощу берёз для крестов и заложили новое немецкое кладбище.

– Со слов жителей известно, – продолжил Иван Изотов, – что сразу один за другим прогремели два сильных взрыва:

подорвались две набитые фашистами машины. Потом раздался третий взрыв послабее – это в горящие машины врезалась с ходу ещё машина, и у неё взорвался бензиновый бак. Огонь пожара поднялся до самого неба! Уцелевшие от взрывов фрицы, обгоревшие и контуженные, кричали – слышно было в деревне.

Наши раненые бойцы стонали или вскрикивали, только теряя сознание. Тонули в болотной трясине молча, не позвав на помощь, чтобы не выдать отряд при переправе.

Иван Дыбань рассказывал дальше:

– Остатки сгоревших машин фрицы скинули в кюветы и поехали в объезд по грунтовой дороге, и там подорвались и сгорели ещё две машины с фрицами. Из Ельска на легковых машинах прибыло высокое начальство, понаехали санитарные фургоны, стали собирать и отвозить раненых. А колонна карателей стоит.

– Тут началось страшное дело, – вмешивается Макар Тимошевский, пулемётчик из разведвзвода, фронтовик, спокойнейший в бою и темпераментный игрок в шахматы, – фашисты привели под конвоем из ближайшей деревни женщин и стариков и погнали их под угрозой автоматов по шоссе. Люди шли и громко всхлипывали. Они знали, что идут на смерть, но ни одна мина под ними не взорвалась. После них пустили сапёров с миноискателями – мины не обнаруживались.

Немцы настырно хотели проехать. Они пустили вперёд

машину только с одним водителем, вероятно с власовцем. Она проехала далеко за второй спуск на объезд и взорвалась там. Это их сломило. Они испугались.

Старая учительница из того села рассказала разведчикам: – После того, как нас прогоняли по шоссе туда и обратно, люди начали разбегаться, несмотря на окрики и побои, стрелять немцы видно побоялись. Ближайшая от нас автомашина стала поворачивать назад и вдруг тоже взорвалась. Мы от страха попадали на землю, женщины крестились и говорили, что это партизанский бог покарал немцев. А сами они начали выкрикивать о каких-то «функен-минах».

Кончался ещё один день лесной жизни. В вечерних сумерках в землянке шёл неторопливый разговор. Светильник – плоску с жиром и фитилём – не зажигали, чтобы не налетели комары. Хватало сжечь можжевелевую ветку, как они исчезали. На холмах, продуваемых ветрами, их было не так уж и много. Не сравнить с теми мириадами полчищ комаров, которые были в долине реки Сунжи под Грозным, там они затмевали даже солнце. Пытались спать в противогазах, но при жаре больше получаса находиться в них не выдерживали. Под плащ-палатку комары проникали запросто.

Обычно стеснительный и молчаливый Вася Баранов неожиданно вмешался в разговор:

– Знаете почему люди не подорвались на минах, когда фрицы гоняли их по шоссе?

– Почему? – сразу заинтересованно откликнулось

несколько голосов, и все затихли.

– Мины на шоссейке мы закладывали в засыпанные при ремонте ямы. После прошедшего дождя во всех бывших колдобинах щебёнка и песок немного просели и там наверняка стояли лужи. Люди шли по обсохшему булыжнику и перешагивали через лужи, под которыми могли лежать мины. Кому охота мочить ноги? А фрицы с автоматами брели в стороне за канавами и не могли видеть, что кто-то через что-то переступает. Да и думали фрицы только о том, чтобы не прозевать момент взрыва и успеть вовремя броситься на землю. Это только фашисты могли придумать гнать мирных людей: стариков и женщин на минное поле, нормальному человеку непостижимо.

– А что, логично, могло быть и так, перешагнули через мины, – соглашается Пётр Ярославцев, – но есть и второй вариант: на шоссейке оставались только две мины, когда погнали народ, до той мины, что была за объездом, толпа людей могла и не дойти, на ней потом подорвётся одиночка-камикадзе, иначе как самоубийцей его и не назовёшь. Зачем ему надо было наезжать на одну единственную мину, которая там лежала? Шоссейка широкая.

– Правильно, – встрепенулся Вася Божок, – а вторая невзорвавшаяся мина знаете, где находилась? Под машиной, которая подорвалась последней! Никто её там не искал, и никто по ней пройти не мог – она ждала своей минуты между колёсами! Вспомните, что рассказывала разведчикам учи-

тельница: «взорвалась ближайшая машина, которая поворачивалась...»

– Всё это одни предположения и фантазии, – изрекает Миша Журко, – никто точно не узнает, как всё произошло, только у фрицев можно спросить.

– Понятно, но так или иначе, а фрицев угробили много, они воздвигли целое кладбище, берёзовую рощу только для одних крестов вырубил, семь машин потеряли, а главное они не прошли, – примиряет всех Борис Салеймонов.

– Что такое «функен-мины»? – запоздало спрашивает любопытный Петро Цалко.

– Очевидно, немцы имели ввиду «радио-мины», которые взрываются на расстоянии по радиосигналу, – поясняет Вася Баранов.

Разговоры постепенно умолкают. Наступает ночь. В партизанском лагере глубокая тишина. Не спят только в дозорах часовые и тихо, как призраки, по косогору проходит патруль. На соседнем болоте перекликаясь квакают две лягушки. Ночь.

Засада под Мальцами

В село вошли глубокой ночью без боя. Произвели разведку, обнаружили притаившихся под навесом гумна двух часовых и по-тихому сняли их. Несколько фашистов-насильников нашли пьяными в постелях. Казнили их в овраге за околицей и присыпали землей, замаскировали, чтобы жители не пострадали от карателей. Немцы, обнаружив своих убитых даже возле деревни, без всякого расследования сжигали ее, а жителей расстреливали.

Забранный у населения в соседнем районе скот – по данным нашей разведки – фрицы гнали на станцию Овруч для отправки в Германию. Нам было поручено покарать грабителей. Часть бычков взять для питания отряда, а остальной молодняк и коров распределить по хатам. Слух о том, что партизаны раздали коров, дойдет до деревень, где немцы реквизируют скот, и хозяева придут сюда за своими коровами. Жители без слов отдадут их. Так бывало не раз, когда люди за десятки километров приходили за своими конями, скотом, повозками.

Больше оккупанты скот у них не отберут: его попрячут по оврагам, в рощах, лесах, в крайнем случае, заколют на мясо.

Стадо немцы загнали на бывшую колхозную ферму. Пока наши ребята с помощью местных жителей отделяли бычков, искали погонщиков и проводника, разводили скотину по де-

ревне, Миша Журко и я направились минировать овручскую шоссею. На какое бы задание мы с ним не уходили, у нас всегда с собой были несколько толовых шашек, бикфордов-шнур и взрыватели с капсулами-детонаторами.

Руководивший операцией старший лейтенант Николай Иванович Крючков, коренастый с небольшой бородкой и с неразлучной трубкой, напутствовал нас:

– Хлопцы, в селе мы пробудем не больше часа. Специально ждать вас не сможем. Рассчитайте свое время сами. Учтите, что отсюда до железки, а за ней леса – не меньше пятнадцати километров.

– Николай Иванович, не беспокойтесь, через полчаса вернемся обратно. Вы и тронуться не успеете, – заверили мы его.

До шоссейки дошли быстро. Никакого движения не было заметно. Щебеночное покрытие раскапывалось легко. Поставили вразбежку два толовых заряда с нажимным взрывателем. Замаскировали и сели на обочине перекурить, пряча огонек самокрутки в ладонях. Небо затянуто сплошными мрачными тучами. Не проглядывает ни одна звездочка. Тень такая, что в пяти шагах ничего не видно. Черная земля слилась с черным небом, линия горизонта пропала.

– Ну что, Миша, потопали помаленьку?

– Двигаем в село напрямик через поле. Один черт – и там грязь, и там грязь, зато ближе, – предлагает Миша.

Днем шел дождь, и земля не успела просохнуть. Сапоги

вязнут в земле по щиколотку. С трудом вытаскиваем ноги. Идем что-то уж очень долго. Натыкаемся на какие-то амбары. Мимо них мы вроде не проходили. Огибаем их и чавкаем дальше. Где-то запели первые петухи. Не разберем с какой стороны они кукарекают.

Наконец упираемся в забор. Проходим вдоль него и видим кирпичную арку ворот. Похоже, что это церковные ворота. Миша останавливается.

– Это не та деревня, – задумчиво произносит он.

– Ну и что, пойдем в ту, в которую нам нужно, – меня это не волнует. Миша не раз ходил сюда в разведку, и я полностью на него полагаюсь.

– Да пойми ты – это вообще незнакомая деревня, – продолжает Журко.

Тут до меня доходит, что мы заблудились и попали неизвестно куда. Смотрю на светящийся циферблат трофейных часов: солнце взойдет где-то через два с половиной часа. Старший лейтенант Крючков сказал, что до леса пятнадцать километров. Нам надо торопиться. Решаем не искать деревню, где находятся наши, а идти по компасу на север. Все равно они не будут дожидаться нас. Впереди шагает Миша. В кромешной темноте еле вижу его переваливающуюся черную фигуру. Вернее, не вижу, а чувствую темное пятно и слышу тяжелое дыхание. Стрелка компаса смотрит ему в спину.

– Миша, бери левее. Миша, чуть-чуть правее.

И так все дорогу. Компас лежит у меня на ладони, и я часто подношу его светящуюся стрелку к глазам. Иногда тень Миши растворяется, и я слышу только хлюпанье его сапог. Особенно тяжело идти по вспаханному полю, проваливаясь в междурядье. Мы очень спешим. Пот капля за каплей стекает по лицу и между лопатками. Идем без остановок. Перед рассветом ночь становится особенно мрачной. Продираемся сквозь темноту. Но вот начинает на фоне неба виден силуэт Миши. Это еще не рассвет, и пусть он наступит как можно позже. Случайно выходим на полевую дорогу, вьющуюся в нужном для нас направлении. Под ногами такое же месиво из грязи. Мучает жажда.

– Миша, в твоей фляге осталось что-нибудь?

– Нет. Давно еще, до деревни опустошил, и забыл налить.

– А в колее на дороге вода хлюпает...

– Что мы собаки? Лакать языком из лужи, – возмутился

Миша.

– А если попробовать зачерпнуть ложкой?

Михаил останавливается, вытаскивает ложку и наклоняется над колеей. Черпает несколько раз, сплевывает и незлобно ругается.

– Мокрая. Пить можно, если не думать, что это лошадиный рассол. Кто-то недавно проехал, пузыри на воде, может даже наши.

Вода тепловатая, и отдает глиной. Пьем из ложек. На зубах скрипит песок, но сухость во рту пропадает. Вдруг нас

начинает разбирать смех. Мы хохочем. Если нас кто услышит в темноте, подумают, что черти забавляются.

– Давай еще микстурки примем, – захлебывается смехом Журко.

На горизонте светает. Мы спешим дальше, почти бежим. Кругом бескрайние голые поля без единого кустика. Ситуация скверная.

Наконец дорога поднимается на невысокий пригорок. С него виден откос железной дороги, перед ним шоссе. Кругом ни одной души, как будто в мире только я и Миша. Сразу за железкой начинается лес. Золотятся вершины елей, озаряемые первыми лучами восходящего солнца.

Быстро перебегаем шоссе и взбираемся на невысокую насыпь железной дороги. Правее, на опушке леса, замечаем повозки и людей.

– Ура – это наши! – ликуем мы молча. Они тоже увидели нас и машут руками.

– Но кто же тогда эти? – проносится в голове. Слева, буквально в ста метрах, толпится группа конных в пятнистых плащах. Они тоже смотрят на нас.

– Это фрицы! – негромко восклицает Миша, срывает автомат с плеча и берет на изготовку. Я проделываю то же самое.

До фашистов вдвое ближе, чем до наших. Мы, как два телеграфных столба, торчим на виду у всех. Наши разворачивают повозку с установленным на ней пулемётом. Фрицы

съехались в кучу и о чём-то совещаются. Если они лавой кинутся на нас, то через десяток секунд будут здесь, тогда нам несдобровать.

Расстёгиваю ремешок на сумке с гранатами. «Если залечь за рельсами, то вряд ли поможет нам это, и с шоссейки будем проглядываться, как пальто на вешалке», – думаю я.

– Пошли по шпалам к нашим, – предлагаю Мише, – только не торопись, пусть думают, что нам плевать на них.

Миша понимает меня с полуслова. Немцам не видно, что делается за насыпью, может быть там целый отряд партизан. Иначе, что же «эти двое» так спокойно прогуливаются.

Вдруг Миша начинает смеяться:

– Фрицы драпают аллюр три креста!

Оглядываюсь, вижу их спины и развивающиеся хвосты коней. На этот раз пронесло. Спускаемся с насыпи и бежим к своим. Встреча радостна. Теперь сам чёрт нам не страшен.

Начштаба старший лейтенант Крючков ворчит – ругаться он не умеет:

– Давно ждём Вас, стадо уже погнали лесом, а вас все нет. Заблудились, наверное, в темноте?

Миша Журко дипломатично отвечает:

– Шли прямо по компасу.

– Мы беспокоились за вас. Тут конные мадьяры вдоль дороги рыскают, – вставляет Петро Туринок.

Оказывается, это были мадьяры. Немцы, наверняка, попытались бы нас взять. В отряде даже гуляла притча: «если

наших пятеро, а мадьяр пятнадцать, то можно спокойно принимать бой и разогнать их, а если наших пятеро и немцев пятеро, то это будет бой на равных».

Венгры в сорок третьем году, после битвы на Волге, были уже не теми вояками, что раньше. Многие понимали, что война фашистами проиграна, и нет смысла приносить себя в жертву нацизму. Прошлой зимой они меняли винтовку на буханку хлеба. Но сейчас немцы снова заставили их воевать.

Через пару часов пути по лесной дороге Николай Иванович дал команду на большой привал. Все сильно притомились, отмахав за ночь по грязи свыше полсотни километров.

Днёвка прошла спокойно, только посты задержали женщин и ребят, собиравших в лесу ягоды. Таково было установленное правило: если кто из жителей набредёт на место стоянки, то их оставляли до вечера и отпускали только перед своим уходом. «Бережёного Бог бережёт». Люди не обижались на нас за недоверие, они знали цену предательства. С закатом солнца тронулись в последний перегон. Трое девчат со слезами на глазах упрашивали капитана «взять их в партизаны». Это «работа» Петра Ярославцева.

Тучи за день рассеялись, вечер был удивительно тихий, не шевелилась ни одна ветка. Вперед головным дозором ехали верхом на трофейных конях Борис Салеймонов, Николай Пасько и Василий Баранов. За ними в отдалении тянулся наш обоз. Некоторые ребята шли пешком, тихо разговаривая между собой. Лес любит тишину. Другие ехали на дрогах

– длинных повозках, на которых вполне могли лежать двое головами в разные стороны и не касаться ногами. Пётр Ярославцев завалился на последнюю повозку и тут же задремал. Днём он проговорил с задержанными девочками и, понятно, не выспался.

Повозки на этот раз тянули кони, а не волы – или МУ-2, как их прозвали партизаны, по аналогии с тихоходными самолётами У-2 – поэтому мы ехали довольно быстро, как успевали пешие, и надеялись скоро быть дома в лагере.

За повозкой, где спал Пётр Ярославцев, шла наша врач Нина Рогачёва и Миша Журко. Она рассказывала, как в зимнюю стужу в январе сорок второго года переходила линию фронта с отрядом Константина Заслонова в первый раз.

Когда ноги уставали сидеть на дрогах, я спешивался и присоединялся к ним. В лесу стало совсем темно. Не разберёшь, где лес, где земля. Только полоса неба над дорогой мерцала звёздами. В Москве такого тёмного неба и ярких звёзд нет.

В движении за тихими разговорами незаметно пробежала ночь. Близился рассвет. Вдруг тишину разорвал треск «шмайссеров» – немецких автоматов, и «выбухи» винтовок. Вокруг запели пули. Фашистская засада! Они тоже стали применять партизанские методы войны.

Ещё не подали команды «к бою», кони не успели испугаться и понести в сторону, как Пётр Ярославцев лёжа, с повозки, по вспышкам выстрелов дал длинную очередь из сво-

его автомата. Сделал то, что надо делать при встрече с засадой: сразу открывать ответный огонь, не давать врагу поднять голову. Застрочил «пэпэша» Миши Журко, впереди заклокотали пулеметы Макара Тимошевского и Васи Божка, наш огонь перерос в сплошной треск.

Сквозь пальбу чуть слышно донеслась команда старшего лейтенанта Крюкова:

– Заворачивай повозки влево!

Ездовые стеганули коней, и они понеслись через кусты влево от дороги. Мы лежали вдоль дороги справа на той же стороне, где затаились фрицы и били по засаде. Их огонь стал заметно ослабевать. Они не ожидали такого отпора. Фашисты думали, что мы бросимся бежать, и они легко расстреляют нас в спину.

Пока шёл бой, заметно рассвело. Фрицевская засада лежала за толстым поваленным деревом между высокими багряными соснами. Слева от дороги за кустами открылась небольшая поляна. За ней начинались заросли молодого сосняка. Фашисты продолжали пальбу. Они были совсем рядом. Нам пора уходить, пока совсем не рассвело.

Пули посвистывали над головой. Похоже, что фрицы не поднимались над своей баррикадой и стреляли наугад.

Послышался приказ Николая Иванович:

– Отходи на опушку! Божок, прикрой пулемётом!

Перебежками, отстреливаясь, мы стали отходить через дорогу по краю поляны. Вася Божок, не переставая бил из

своего шкодовского трофейного пулемёта, его второй номер Коля Гапиенко еле успевал набивать патронами двадцатизарядные кассеты. Колю одного из первых приняли в наш спецотряд еще во время рейда в Мухоедовских лесах по просьбе его деда, подпольщика, расстрелянного потом фашистами.

Отбегая, чуть не наткнулся на Афанасьева, парня, который недавно бежал из плена и пришёл к нам в отряд. Он лежал в высокой траве и приподняв винтовку палил в небо. Огонь сверкнул прямо мне в лицо.

– Ты куда, паразит, стреляешь? – разозлился я и ударил сапогом по его винтовке, что она отлетела на несколько шагов.

Лицо у него позеленело от испуга. Он вскочил, пригнулся и чуть ли не на четвереньках побежал к лесу. Потом вспомнится еще мне этот случай.

На опушке леса, влево от дороги, уже все собрались, когда подошли Афанасьев и я. Там же под деревьями стояли наши повозки. Быстро рассветало. Ребята молча курили. Николай Иванович обвел всех взглядом и спросил:

– Все на месте?

– Нет Бориса Салеймонова, Николая Пасько и Василия Баранова, – сразу отозвался Петро Туринок.

Нет наших разведчиков, наших однополчан... Неужели они...

Мы невольно смотрим на Васю Божка, он ехал на первой подводе.

– Мне показалось, – неуверенно произносит Вася, – что они проскакали вперед.

– Кто пойдёт в разведку? – спрашивает капитан.

В армии просто последовал бы приказ «таким-то идти в разведку», а здесь, в партизанах, хотя мы и воинская часть, выполняющая спецзадание, многое делается добровольно, многое сначала обсуждается всеми, прежде чем принимается решение. Миша Журко посмотрел на меня и сказал Николаю Ивановичу:

– Мы с Маратом пойдём.

Солнце уже взошло, и яркие лучи пробиваются между деревьями. Перезаряжаем диски автоматов и уходим. Огибаем поляну слева, пересекаем дорогу и заходим в тыл засады. У спиленного дерева никого нет. На траве виднеются следы крови, всюду валяются стреляные гильзы.

Возвращаемся на дорогу. Рассматриваем отпечатки следов. Вот прошло трое коней. Один шёл впереди. Здесь они пустились в галоп, почти напротив поваленной сосны. А это что такое? Следы коней затоптаны подошвами немецких сапог с кованными гвоздями!

– У Бориса Салеймонова тоже были трофейные сапоги, – тихо говорит Миша, – но тут разные следы, – тут же добавляет он, – но что фрицы делали на дороге?

На этот вопрос мы ответить не можем. Следов падения и крови нет. Идём дальше по конским следам. Они сворачивают в лес и теряются в опавшей хвое.

Находим тропу, по которой ушли фрицы. Она скоро выводит нас на опушку леса. Впереди большое поле пшеницы. Правее виднеются крыши домов – это деревня Мальцы, куда они ушли.

Хлеба высокие, почти до плеч. Идём слегка пригнувшись. Нас не видно. Мы тоже не видим ничего кругом. Приподнимаем над колосьями головы, и перед нами в нескольких метрах торчат две красные морды с чёрными усами в мадьярских пилотках. Растопыренные глаза на рожах испуганно моргают.

Миша Журко как-то боком выступает вперёд и тем самым не дает мне полоснуть по ним из автомата. Головы исчезают, слышен топот убегающих. Всё это происходит в какие-то мгновения.

Отгалкиваю Михаила в сторону:

– Вечно ты лезешь вперёд! Теперь стреляй в белый свет!

Миша краснеет и виновато молчит. Забираем левее и выходим на полевую дорогу. Начинаю понимать, что Миша собою, своим сердцем, загоразивал от пуль мою жизнь. Мне хочется обнять его.

Дорога с двух сторон огорожена жердями, по ней прогоняют на пастбище скотину. И точно, слышно мычание коров, хлопки пастушьего кнута. Может быть сейчас что-нибудь узнаем. Отходим от дороги в сторону, чтобы не напугать стадо. Из-за поворота появляются всего несколько коров, хотя деревня довольно большая. Сзади идёт мальчонка

в длинной с чужого плеча залатанной телогрейке.

– Хлопец, – окликаем мы его негромко, – иди сюда.

Мальчик оглядывается, подлезает под жердины и застенчиво подходит к нам. Его льняные волосы выбиваются из-под старого картуза. На нас смотрят любопытные голубые, как небо, глазёнки. Щёки и нос усеяны веснушками.

– Здравствуйте, дяденьки партизаны.

Мы здороваемся. Миша похлопывает его по плечу. Он доволен.

– Хлопчик, тебя как зовут? – интересуется Миша, роясь на дне своей старой сумки.

– Михась, – отвечает он.

– Вот здорово, – улыбается Миша, – значит мы с тобой тёзки. Вот возьми, – он разворачивает белую тряпочку и протягивает мальчонке кусочек сахару.

Михась осторожно берёт двумя пальцами сахар, рассматривает со всех сторон и пробует языком. Глаза его смеются. Знакомство состоялось. Комок приступает к горлу, когда смотришь на детей, забывших в войну, что такое сахар.

– Михась, в деревне много немцев?

– Не, немая нимцев совсем.

– Как так «немая нимцев»? – спрашивает Миша с удивлением.

– Так то, не нимцы, то мадьяры с вечера понаехали с обозом. Вот «ужотко» они коней запрягали, собираются уезжать, – охотно отвечает Михась.

– А ты не видел, они в лесу никого не забрали?

Михась задумывается и внимательно смотрит на нас:

– Они кого-то несли на палатках и положили на дроги.

Раненько на зорьке в лесу стрел был великий.

Он нам ничего больше не может добавить. Кого несли мадьяры? О том, что наши, живые и здоровые, попали к ним, мыслей у нас нет. Ясно только одно, что фашисты собираются убираться из деревни. Нам надо торопиться к своим.

– Дяденьки партизаны! Возьмите меня с собой, – Михась робко трогает Мишу за руку, – я все вам буду делать, я бульбу умею чистить, коней поить. У меня никого нет, всех герман забил... возьмите меня.

Мы не можем его взять. Судьба наша солдатская слишком жестока. Мы не знаем, что с нами самими будет завтра, через час, через минуту...

Миша прижимает паренька к себе, вытирает пальцем готовую скатиться у Михася слезу, что-то шепчет ему на ухо. Глаза у него сохнут. Мы прощаемся с Михасем за руку, как со взрослым, и бегом устремляемся к нашим.

Решаем наступать на деревню. Мы не можем уйти, не узнав, где наши разведчики, кого несли мадьяры?

Лесом подходим к околице. Между хатами шастают мадьяры. Сразу же начинается бой. Вася Божок бросается со своим пулемётом на дорогу и открывает огонь. По деревенской улице мечутся растерявшиеся фашисты. Мы лежим по обе стороны дороги и стреляем на выбор. За вторым пулемётом

– Макар Тимошевский.

К Божку подходит Нина Рогачёва с медицинской сумкой на боку, вытаскивает свой пистолет и вытянув руку, как на полигоне, начинает стрелять. Мадыры очухались, и их ответный огонь все усиливается, похоже их тут целая рота.

Пётр Ярославцев, ругаясь, оттаскивает за руку упирающуюся Нину за угол хаты:

– Твоё дело перевязывать нас, а стрелять найдётся кому!

Начинает хлопать миномёт. Мины пока рвутся где-то за нами. Вокруг Божка на дороге всё чаще поднимаются фонтанчики земли. Они сосредотачивают огонь по пулемету.

Кричим, сквозь шум боя, Божку:

– Вася, не валяй дурака, ползи к нам в канаву!

Он благополучно скатывается в сторону. Здесь его ждет с набитыми магазинами Коля Гапиенко. Под прикрытием пулемётов продвигаемся вперед. Мины разрываются там, где мы только, что лежали. На дороге валяются несколько неподвижных фигур в желто-зеленой форме.

Пётр Ярославцев, Миша Журко, Петро Туринок, Саша Матвеев и другие ребята перебежками от хаты к хате устремляются вперёд. Нина Рогачёва тоже идёт с нами, её не оставишь.

Нас догоняет Николай Иванович с маленькой трубочкой, зажатой в зубах. Только маузер в его руке напоминает, что идёт бой. На пули он не обращает внимания.

– Хлопцы, кончай воевать. Жители рассказали, что при-

ташили мадьяры из лесу своих раненых и убитого офицера. А о партизанах у них и речи не было. Как убили их командира, они покинули засаду и отсюда собирались уезжать. Да мы им все карты спутали.

Пока говорил Николай Иванович, всё затихло. Только на другом конце деревни исчезали повозки за поворотом.

Из-за плетня высовывается Петро Туринок:

– Смотрите, последние мадьяры улепётывают!

Делать нам здесь больше нечего. Собираемся все около командира. Отряхиваем одежду. Кто-то поднимает трофейное оружие. Нас всего пятнадцать партизан и одна девушка-врач Нина. Мы отбились от засады, выгнали мадьяр из деревни, и у нас нет потерь. Разведчики наши благополучно ускакали.

С шутками и смехом залезаем на дроги и продолжаем путь к нашему лагерю. Вася Божок, размахивая руками, пулемёт лежит у него на коленях, рассказывает нашему ездovому Антону Венедьевичу Скавронскому, бывшему леснику из-под Тетерева, что происходило в деревне:

– Выскакиваю я из-за хаты и вижу мадьяры, как суслики, торчат передо мной и головы повернули на меня. Я как дам очередь прямо с руки – они брык на землю. Я тоже ложусь и дал еще очередь – они опять на землю...

– И бац! – смеется Ярославцев, ни патронов, ни второго номера рядом, один лежу посередине дороги и глазами хлопаю!

– Да были патроны, – смущается Вася, – у меня за пазухой еще две кассеты лежали. А место удобное – всё кругом видно. Правда, ребята велели сойти с дороги, так я и сошёл.

Васильку «велели сойти» с дороги. То, что пули кругом него изрыли всё, он и не заметил, ему «велели», он и сошёл!

А тот другой, Андрей, сам спрятался в высокой траве, лишь бы его не заметили, лишь бы не убили.

Вася Божок придвигается ближе ко мне и тихо говорит:

– Понимаешь, Марат, это мой первый настоящий бой был. Я впервые фашистов увидел вблизи. Увидел, как их бить можно. Раньше только издали стрелял, как по теням, а тут рядом, вплотную. Видел, как фашисты в том селе, где были прошлой ночью, над девушками измывались.

В голосе Васи Божка кипит лютая ненависть. Никогда не думал, что в этом спокойном и добром парне из украинского села с лирическим названием Пятихатки, могут вырваться такие гневные слова на врага.

Душа у Василька чистая и светлая, и сам он весь чистый и светлый. Он готов каждому помочь и сказать доброе слово. Его мечта – выращивать мичуринские сады с большими и сочными яблоками на радость людям.

Сколько же горя и страданий принесли фашисты на нашу землю, что в тихом парне разгорелась такая лютая ненависть.

В лагере сидели наши разведчики. Вид у них был невесёлый, прямо сказать, грустный: попало от Карасёва за то, что уехали и оставили группу.

Когда из засады раздались выстрелы, кони испугались и понеслись прямо в лес. Там разведчики в темноте заплутались, разыскивая дорогу. Стрельба к тому времени стихла. Они решили ехать в лагерь. Второго боя они уже не слышали. После того, как командир узнает, что мы из-за них «воевали в деревне», им еще раз будет жарко. Но всё хорошо, что хорошо кончается.

За солью

Нас шестеро на двух повозках, запряженных волами. Впереди с пулемётом Вася Божок и Петро Туринок, погонщиком Коля Гапиенко. На нашей повозке управляет быками Саша Тютнев. Миша Журко и я удобно развалились на соломе.

Мы направляемся, как дважды повторил командир отряда Карасёв, выполнять боевое задание: добыть для отряда соль. В лагере больше месяца едят без соли. У многих кровоточат десны и шатаются зубы.

По сведениям нашей разведки в начале войны на Припяти немцы разбомбили баржи с солью. Местным жителям удалось часть соли спасти и запрятать. Нам предстоит поговорить с народом и попросить поделиться солью с партизанами.

Коля Гапиенко, семнадцатилетний паренек из-под Довлядов на Припяти, ворчал, что задание вовсе не боевое, а простая хозяйственная операция, и ему приходится возиться с волами. Уговорили Колю тем, что вся разведка ложится на него, что надо форсировать в брод реки Жеронь, Словечну и Мытву, а это его родные места, и только он может обеспечить переправу.

Волы тянут удивительно медленно. Говорят, что если повторять «цоб-цоб», то они повернут налево, а если «цобе-цобе», то направо. Самому мне наблюдать это не приходи-

лось. Просто хворостиной стегали по одному быку, он ускорил шаг, и повозка поворачивала в нужную сторону по аналогии с гусеницами танка.

Двигаемся спокойно, здесь партизанский край. Когда солнце перевалило за полдень, случайно по дороге въехали в лагерь партизанского отряда.

– Миша, как же нас никто не остановил?

– А у них обед, или на этой дороге нет поста, – засмеялся Журко, – так бывает.

– Карасёв за такое легкомысленное отношение к охране разделал бы «под орех».

По обе стороны наезженной колеи рассыпались странные приподнятые над землёй шалаши, как маленькие цыганские кибитки, только вместо колёс в землю вбиты жерди и брезент заменён переплетёнными ветвями с листьями. Из торца ближайшего шалаша, в метре от земли, торчали две пары ног в сапогах.

Настала очередь удивляться Мише Журко:

– Что це за двуспальное купе? В нём ни встать, ни сесть нельзя, и сапоги могут унести пока сумеешь вылезти.

Саша Тютнев повернул голову и усмехнулся:

– Я уже бывал в таком отряде. Это семейные шалаши. Многие ушли в партизаны с жёнами, а некоторые обзавелись ими. Почти в каждом отделении есть женщина. Она и боец – на посту сменит – и готовит на всех пищу, обстирывает и чинит одежду. Обычно это жена командира отделения.

С передней повозки доносится голос Петра Туринка:

– Девчата, чьи будете? Кто вас в бой ведёт?

– Мы бойцы Сабурова. Александр Николаич сам нас в бой ведет, – дружно отвечают смешливые девушки, стоящие возле берез с винтовками за плечами.

– Поедем с нами, а то у нас девчат нет, – вступает в разговор Миша Журко.

– А автоматы дадите нам, тогда поедем. У вас даже ездовые с автоматами, а мы – разведчицы – со старыми драгунками ходим, обидно нам.

– На обратном пути, – шутит Туринок, – одну вот эту рыжую возьмём с собой.

– Ну, что вы, хлопчики, мы подруги неразлучные, берите обеих. Ты сам рыжеватый, – чернявая делает огромные глаза, – что же у вас получится? Лучше нам оставьте того красивенького с пулемётом, а? Оставьте?

Коля Гапиенко не признаёт несерьёзные разговоры, он хлестает своих волов, и мы едем дальше. Никто больше нами не интересуется. Повозки углубляются в дремучий лес.

Быки никак не хотят переходить вброд через Словечну. Они опустили головы и начали пить. И пьют уже целых полчаса. Ни понукание, ни палка на них не действует, хоть кричи.

– Ребята, река может обмелеть от быков, – высказывается Вася Божок, – тогда мы посуху перейдём на тот берег.

– Ты зайди сзади быков и посмотри, может у них там всё

выливается, как у коня барона Мюнхгаузена, – смеётся Тютнев.

Дневали в деревеньке на берегу Припяти. В половодье река разливается до горизонта и люди становятся островитянами. Хозяйка разрешила нам залезть на чердак. Одурманенные запахом свежего сена, мы заснули как убитые. Проснулись от дерганья за руку. Дежурил Саша Тютнев. Он прижал палец к губам и кивнул на открытый люк. Сон как рукой сняло: снизу доносилось громкое гоготанье фрицев. Они рассаживались за столом и открывали консервы. Побледневшая хозяйка стояла у печи.

Кто-то из наших задает храпака. Туринок кошкой кидается на сопевшего и зажимает ему рот. Через люк видно, что в хате, кроме фрицев и хозяйки, никого нет. Хозяйка знала, что если фашисты начнут рыскать по углам за поисками сала и яиц (они не брезговали и женскими тряпками) и полезут на чердак, то начнется стрельба, поэтому она, жертвуя собой, уснула всех своих домочадцев из хаты.

Фрицы на скорую руку поели, тут же за столом начали ковырять зубочистками во рту, рыгать и сплевывать на пол. Петро Туренок брезгливый и нетерпимый ко всякой грязи вообще, не выдержал и потянулся с автоматом к лазу.

– Хозяйка! – выдохнутое губами слово остановило Туринка.

Со двора донеслась команда, и фашисты, сорвав вышитые рушники и прихватив с комода кружевное покрывало,

выскочили наружу. Кажется, на этот раз пронесло. Вдвоём с Туринком спустились по лесенке вниз. Хозяйка, обессилив, сидела на полу. Мы бросились к окнам. Фрицы суетились, усаживаясь на подводы. Немцев больше полусотни. Ввязываться в бой нет никакого резона: как только они очухаются, нам придется отходить, и наши волы пропадут из-за десятка – другого поганых фрицев. Митинг в селе, где будем доставать соль, решили не проводить. За рекой стоял немецкий гарнизон и в селе могли быть предатели. Когда стемнело, по двум улицам начали обходить хаты. Жители отнеслись душевно и отсыпали соли сколько могли, просили только вернуть мешочки и торбочки. Два мешка соли, как наказывал командир, быстро наполнились.

Мы повернули оглобли домой. «Цоб-цобе» шли быстрее. В лагере нас встречали восторженно.

Часа в три пополудни возле штабной землянки возник необычный шум. Раздавался звонкий ребячий голос со всхлипываниями. Мы выскочили из своего блиндажа и бросились к штабу.

Паренёк лет двенадцати захлёбываясь слезами говорил:

– Согноли всех девок и мамок с деревни в большую клуню и там мучают, они кричат и плачут. Спасите их, родненькие!

– А как, хлопец, ты попал к нам в лагерь? Кто тебя послал? – спросил Карасёв.

– Люди послали. Мы все знаем, что вы живёте на Лысой горе, но мы никогда никому про вас не скажем, – паренёк

сдвинул брови, и глаза у него высохли.

– Это я привёл его, – отозвался Николай Пасько, – мы остановили его на посту, он бежал к нам. Я счёл нужным привезти его сюда.

– И правильно сделал, – сказал комиссар Филоненко, – мы – должны помочь людям.

Карасёв обвел взглядом собравшихся и резко бросил Салеймонову:

– Борис! Время не терпит, бери всех, – он сделал захватывающие движение рукой, – и быстро в село, надо жестоко покарать насильников и вызволить женщин!

Мы бежали без дороги через лес. Пётр Цалко и паренёк вели нас напрямик. До деревни свыше десяти километров, но мы скоро были на месте. Последнюю сотню метров пробирались по глубокой канаве для осушки болот, их много на болотистой белорусской земле.

Перед нами возникла клуня – длинный рубленый из бревен сарай. Когда мы подползли ближе, то увидели другую сторону постройки с приоткрытыми воротами. Возле них, выстроившись в длинную очередь, стояли двуногие звери в форме мышинового цвета. Отчетливо слышалось их гырганье и захлебывающийся смех. Они курили, похлопывали друг друга по спине и заглядывали в щель ворот. Оттуда доносились звонкие удары, стоны и плач.

Раздался глухой сквозь зубы крик Бориса Салеймонова:

– По гадам, на всю катушку! Бей по черепам! Огонь!

Откинув мокрую от пота после бега льняную прядь волос, Петр Ярославцев зло бил короткими очередями. Сибиряк-охотник Саша Матвеев стрелял одиночными на выбор по особенно мерзким мордам. Горячий Петро Туринок, не отрывая пальца от спускового крючка автомата, водил по змеиной очереди слева направо и обратно. Миша Журко, громко чертыхаясь, с колена стрелял по выскакивающим из ворот, державшимся за штаны, фрицам.

Кто просил их прийти на нашу землю? Неужели у них есть матери, сёстры? Неужели они их напутствовали добрым словом?

Ничего не соображающие, растерявшиеся фашисты сползали по стене сарая на землю. Вася Божок перенёс пулеметный огонь вправо, на дорогу в деревню, где замелькали новые вражеские фигуры, и послышалась стрельба. Из деревни начал бить миномёт.

Кто-то потянул меня за сапог. Оказывается Петро Туринок.

– Пора отходить, нас с Божком только трое осталось.

– Трое?.. А что с остальными?

Петро понял моё недоумение и махнул рукой:

– Не беспокойся, они уже дома чай пьют. Я тоже после фронта долго не мог привыкнуть к партизанской тактике: дал по фрицам несколько очередей и сматывайся, пока они не очухались! Ты здесь как в обороне расположился. Ползем через кусты назад. Чуешь, как они пристрелялись. Вася!

Прикрой нас! Потом мы тебя! Канава простреливается.

За бугорком взяли в сторону и вышли из-под обстрела. В ложине сидели и курили группа наших ребят. По лесу методично бил миномёт.

– Мы уже уходить хотели. Салеймонов с хлопцами в другую сторону подался, – воскликнул Костя Полещук, бывший местные учитель. Приход его в отряд был необычным. Его задержали часовые, он с перепугу бросился бежать в лес. Но от наших ребят-спортсменов не убежишь. Его поймали и привели в штаб. Он три дня блуждал вокруг лагеря и все боялся подойти: вдруг полицаи или мадьяры?

– А вы что не слышали, что мы бой ведём? – Петро Туринок добавил несколько забористых слов, которые явно смущали курильщиков.

– Слышали, поэтому не уходили, – оправдывался Костя.

Стало смеркаться. Стрельба утихала, но заработал второй миномёт. Сейчас перепуганные фрицы собираются улепетывать из этой лесной деревни.

Петро Туринок внёс предложение: «Давайте переночуем в лубеньских куренях, тут совсем недалеко, дорогу я знаю, а то до Лысой горы впотьмах часа три проблукоем. В куренях угостят молоком и свежими ржаными лепешками. Согласны?»

Все шумно поддержали Петра. Куреней я ещё не видел, это интересно.

Проснулись на рассвете от непривычных звуков: хлопанья

крыльев и кукареканья петуха. Потом, в других куренях или в сожженных карателями деревнях, где люди жили в землянках, мы будем встречать одинокую курицу или уцелевшую от пожара кошку, сжавшуюся к людям. Эти одинокие птицы и животные береглись жителями как символы мирной, довоенной жизни. Про них рассказывали, что своим криком они предупреждали появление фашистов.

Курени были теми же «партизанскими» лагерями, только жили в них старики, женщины и дети, бежавшие в леса от нашествия коричневой чумы. На западе их называли «цивильными лагерями». Курени – или шалаши – обкладывались соломой, чтобы там можно было жить зимой. Отапливались они по-чёрному: дым выходил через отверстие вверху. Для света горела лучина.

Курени взбудоражились прибежавшими из деревни людьми. Они захлеб рассказывали, как вчера партизаны убили и выгнали из деревни фашистов, которые одних убитых, не считая раненых, наложили несколько полных повозок, и увезли с собой. Мы стояли и слушали эти рассказы. Вдруг девушки бросились обнимать нас и целовать.

– Это же наши карасёвцы – москвичи спасли нас!

После этих горячих благодарных со слезой поцелуев можно было идти в бой без сна и отдыха.

Дневка во льну

Командир разведгруппы Борис Салеймонов и Женя Ивлиев собирали группу на очередное задание. Мы с Мишей Журко заблаговременно запаслись двумя противопехотными минами, толовыми шашками и были готовы идти куда угодно.

После нескольких трудных ночных переходов подошли к шоссе Народици – Овруч. Борис дал разрешение заминировать её, пока отряд будет отдыхать. Погода стояла мерзкая. Моросил мелкий холодный дождь.

Мы торопились. Быстро выкопали на проезжей части дороги ямку, заложили толовые шашки, на них сверху положили противопехотную мину. Я всунул взрыватель, двумя пальцами держался за ударник, а средним поддерживал боевую чеку. Миша Журко аккуратно присыпал заряд и начал маскировать, приглаживая песок руками и ножом.

Вдруг я почувствовал, что боёк потянуло из моей руки. Чека не держала ударник на боевом взводе! В голове мелькнуло, что я поддерживал не чеку пальцем, а крышку мины. Чека выскочила! Миша не знал, что боевой чеки на ударнике уже нет. Он не знал, что ударник вытягивается из моей застывшей от дождя и ставшей непослушной руки. Еще мгновения и боёк налетит капсуль-детонатор и произойдет взрыв.

Последним усилием пальцев я вырываю за ударник взрыватель из гнезда мины. Неприятный озноб охватил тело. Так уже раз было на Кавказе. Из ногтей сочилась кровь.

Миша обнял меня за плечи:

– Ну, что-ты, что-ты, все в порядке. Минер ошибается только раз. Ты сделал всё, что нужно. Чека выскочила? Да?

Заложили второй взрыватель, замаскировали мину и пошли к ожидавшим нас ребятам. Все было в порядке.

Днем на mine взорвется грузовая военная машина.

Проводник, взятый в селе, сбился с пути. Мы скользили по мокрой полевой дороге, беззлобно, скорее шутками, ругали проводника, Бориса Салеймонова и дождь. Нанесенный на карте лес, куда мы направлялись, отсутствовал. Не было никаких ориентиров. Борис Салеймонов и Женя Ивлиев, накрытые плащ-палаткой, рыскали фонарем по карте. Небо начинало цветом отличаться от земли, скоро утро. В стороне от полевой дороги, по которой мы шли, стала проглядываться полоска льна. Кругом расстилались голые под паром поля.

– Ребята, – сказал Борис, вылезая из-под палатки, – до ближайшего леса километров десять. По такой хляби бегом не пробежишь и за час, а уже рассветает. Надо ложиться в лён и ждать вечера. В ближайшей деревне стоят немцы, там не укроешься.

Мы прыгали в лён, как козы, чтобы не оставлять следов. Лён легко сминаясь, и даже после одного человека оставалась тропа. Мы залегли в лён и замерли. Лежать было непри-

ятно. Комбинезон скоро намок. На боку лежать нельзя – плечо выступает из льна. Мы не поднимаем головы. На дороге, по которой мы шли, начинают непрерывно грохотать повозки, иногда доносится чужая речь.

Когда шум повозок внезапно прекращался, казалось, что фрицы остановились и смотрят на наши спины и животы, и сейчас выстрелят. Ощущение было неприятное, словно голый идешь по улице, и тебя разглядывают со всех сторон. Несмотря ни на дождь, ни на промокшую одежду по очереди дремали. Если кто начинал храпеть, до того дотягивались стволом автомата и будили. Храп могли услышать с повозок.

Сумрачный день с морозящим дождём тянулся, как уставшая собака за повозкой. Курить и разговаривать даже вполголоса нельзя. Каждый оставался один на один со своими дурами.

Может это и хорошо, что идет дождь. Фрицы, ехавшие на повозках, укрывались плащами, натягивали на голову капюшоны, сидели скрючившись и не глазели по сторонам.

Вообще, дождь и тучи на войне вещь хорошая: не летают «юнкерсы» и «мессеры», нет бомбёжки, не надо закидывать кверху голову и смотреть, как на тебя падает безнаказанно летающий гад, и рядом взрываются фонтанчики земли от пуль. Из автомата никого не собьешь. В смысле же сырости, то нам не привыкать. Паша Киселёв не раз вспоминал: «осенью на кавказских перевалах как намокли наши шинели, так только на весеннем солнышке и просохли, дров не

было».

Тут же, подумаешь, пролежать один денёк под дождём. Вот только никак не поймёшь, кому лучше: спине, которая мокнет от дождя, или животу, который лежит в луже?

Наконец, наступает вечер. Дождь перестал, и сквозь тучи пробиваются лучи солнца. Скоро оно сядет.

Петр Ярославцев поднимает голову:

– Хлопцы, ещё немного и я начну прорастать!

– Подъём! – Петро Туринок приподнимается, оглядывается и кричит.

В армии это команду не любят. Никогда не высыпаешься. Теперь после двенадцати часов лежания в луже она воспринимается как самое приятное сообщение, как команда на обед.

Мокрые, грязные и озябшие выползаем на дорогу, по которой днём ездили немцы. Никто уже не прыгал по льну. За каждым оставался очень заметный след. Это не полевая дорога, как мы думали ночью, а настоящий проезжий просёлок между деревнями.

Оглядываемся на лён, где мы лежали, и приходим в ужас. Полоска льна до невозможности узкая и совсем не длинная. Маленький зелёный островок на голом поле. Если бы мы на рассвете увидели этот лён в таком виде как сейчас, то никто в жизни не заставил бы нас залезть туда и спрятаться на целый день. Нам здорово повезло. Правда с дороги лежащего во льне не видно, но если бы кто-нибудь подошёл ближе, то

безусловно увидел наши спины.

Ребята хлопали себя ладонями по плечам и ребрам, прыгали на одном месте, толкали друг друга плечами – мы грелись. С гимнастеров и комбинезонов «повалил пар» – они быстро просыхали на наших спинах. Захотелось есть. Всегда найдётся какая-нибудь проблема: то сон, то еда, то солнце, то дождь.

Вася Божок и Саша Матвеев расстелили плащ-палатку, все вывернули свои карманы и вещмешки и сложили на неё имеющиеся запасы еды. Вася разделил их на более или менее равные части. Потом велел Макару Тимашевскому отвернуться и (по укоренившейся в военные годы привычке) указывая пальцем на кучу продуктов, стал выкликать:

– Кому?

– Николаю Пасько! – называл Макар.

– Кому?

– Васе Филипенко!

– Кому?

– Паше Киселёву!..

Получивший свою порцию тут же, стоя вокруг плащ-палатки, запихивал её в рот.

Перекусив и немного согревшись, стали выгребать крошки табака и махорки. С куревом дело обстояло совсем плохо. То, что присылала Москва, хватало ненадолго. Основными источниками были разведчики, покупавшие табак на марки в городе. Иногда в деревнях разживались махорочными ли-

ствиями – самосадам.

Набрали на три закрутки: по одной на четверых. Курили «козьи ножки» чтобы не пропала ни одна крошка. Повеселев, тронулись в путь.

При дневном свете проводник сориентировался и повел нас в нужном направлении. Вчера он здорово перетрусил, когда начали раздаваться голоса, что проводника надо повесить.

Мы покидаем Лысую гору

Начало затяжных боёв на Лысой горе меня не застало в лагере. Когда наша группа вернулась с очередного задания, уже больше недели шли бои с карателями. Разрывной пулей тяжело был ранен в плечо пулемётчик Николай Пасько. Нина Рогачёва перевязала его прямо на огневой точке в окопе, потом Николая перевезли в соседний отряд, где можно было сделать операцию. Через месяц Пасько вернулся, как только поднялся на ноги. Ухаживать за ранеными Нине Рогачёвой помогали Лёля Петренко, студентка из Киева, и белорусская девушка Поля Сидоренко.

Пётр Ярославцев и Миша Журко рассказывали, как начались бои за Лысую гору. В тот день очередь мыться в бане была нашего третьего взвода. Уже почти все вымылись и подсыхали на солнышке, когда на северном посту раздались пулемётные очереди. Баня находилась ближе всего к посту и все, кто там мылся подхватили автоматы и ринулись туда.

– Пётр бежал совсем голый, в мыле, – со смешинкой вспоминал Миша, – и кричал: «Ура!.. Бей фрицев!»

– Ты не преувеличивай, Журко, – возражал Ярославцев, – на мне была пилотка, а вот Петро Туринок, тот действительно бежал только с полотенцем, и прежде чем стрелять постелил его, ему видите ли хвоя колется.

Первый бой длился недолго. Каратели, получив крепкий

отпор и понеся потери, откатились и ушли. Это была их разведка боем. Гестапо достаточно много знало о наших боевых действиях. Особенно их обеспокоил разгром колонны карателей под Ельском. Местные партизаны такую операцию совершить не могли.

Нашелся и у нас один трус и предатель, перебежавший к фашистам и через местную газету обращавшийся непосредственно к карасёвцам с посулами от оккупантов. В отряде разоблачили двух посланных к нам шпионов. Один из них был Афанасьев, который в бою под Москалёвкой стрелял в небо. Он, не разобравшись кто мы, повел среди омсбоновцев разговоры о хорошей жизни у немцев, и возможностях перейти к ним.

Каратели методично каждое утро начинали наступать на нашу базу. Под огнем откатывались назад, подбирали своих раненых и убитых и снова начинали лезть на наши окопы. После двух-трёх отбитых атак, они убирались.

Через некоторое время прилетал «костыль», начинал кружить над лесом и бомбить ложный лагерь, устроенный нами на соседних холмах и «плохо» замаскированный. Когда фрицы пускали ракеты, указывая летчику направление бомбёжки, мы не оставались в долгу и пуляли из ракетницы во все стороны. Фашист пугался, не мог разобраться, где свои, а где партизаны, и сбрасывал бомбы куда попало. Нас это очень развлекало.

В одно утро моего дежурства по лагерю за постом раздал-

ся взрыв мины. Подступы к лагерю мы заминировали. Для наступления карателей было рано – они приходили позднее.

На посту уже находился Карасёв.

– Марат, пошли проверим, что там, – он выскочил из окопа и пошёл вперёд.

Некоторое время я шёл сзади, потом пытался обогнать командира, но он ускорял шаги.

– Виктор Александрович! Разрешите мне пройти вперёд!

Карасёв молча продолжал идти впереди не оглядываясь.

– Виктор Александрович! У вас только маузер, а у меня автомат.

Когда спустились с холма вниз и стали приближаться к дороге, по которой приходили немцы, я больше не мог терпеть, чтобы командир шёл впереди меня. Я схватил его за рукав.

– Стойте! Дальше минное поле, я обязан идти первым! – это был мой последний козырь.

Карасёв посторонился и пропустил меня вперед. У свежей воронки на краю дороги валялась туша подорванной лошади. Земля ещё дымилась. Вокруг никого не было. Обратил внимание командира на болтающиеся на дереве тряпки: при взрыве мины с человека срывает всю одежду и разбрасывает на ветки. Очевидно на лошади подорвался кто-то из разведки карателей. Они подобрали его и уехали. Прошу командира не подходить, так как землей присыпаны метки нашего минирования, и можно случайно наступить на свою же мину. В такой ситуации наступил на мину Алёша Новобранец.

Карасёв согласно кивает головой. Он справедлив и готов выслушать мнение подчиненного. Мы его уважаем и за личную храбрость тоже. В бою мы часто видим его среди нас с маузером в руках в самые критические моменты.

В тот день фрицы больше не появлялись. Люди отдыхали.

Большинство взводов отряда перебралось в другой лагерь, названный «зелёным» из-за большой травы, густых кустов и высоких лиственных деревьев. На Лысой горе командование оставило человек пятнадцать партизан не пускать в лагерь карателей, привязать их к одному месту, чтобы они не рыскали по лесу.

Третий взвод уже полностью находился в «зелёном» лагере, когда с Лысой горы донеслась сильная стрельба и взрывы гранат. Карасёв заглянул в наш шалаш и первым увидел меня.

– Марат бери десяток ребят, два пулемета и бегом на Лысую гору. Фашисты обнаглели: полезли после обеда. Проучите их!

Через минуту мы бежали по тропе через лес. До старого лагеря было не больше пяти километров по прямой. Вскоре начали свистеть шальные пули. Развернулись в цепь. На флангах спешили самые молодые в отряде, почти мальчишки, Коля Гапиенко и Женя Гриба. При первой возможности они хватали пулемёты: автоматы казались им «неэффективным» оружием. Вот и сейчас, услышав команду Карасёва, у одного в руках оказался ручной «дегтярь», у другого – тро-

фейный пулемёт «шкода». За ребятами надо следить в оба, то Коля, то Женя вырываются вперед – ненадолго и до беды. Прошу Мишу Журко и Петра Туринка не отпускать их от себя ни на шаг. Вася Божок тоже беспечен в бою, а потом, смущаясь, оправдывается.

По фрицам ударили сбоку, во фланг. Так вышли к месту боя. Вместо того, чтобы разворачиваться в нашу сторону, они с криками и воплями бросились назад, подгоняемые очередями из окопов на Лысой горе.

Оказалось, что фашисты, руководимые каким-то чином с высокой тульей на голове, пытались незаметно подползти к окопам и ворваться туда. Наши хлопцы нарочно подпустили их и забросали гранатами. Это мы и услышали в «зелёном» лагере. Наша группа только ускорила их бегство. На всякий случай остались ночевать на Лысой горе в нашей уютной землянке.

Утром каратели опять не наступали. Что они затевают? Кухня не работала. Еду оставшимся здесь приносили в трофейных термосах, как на передовую. Впрочем, это и была передовая в тылу у немцев у партизанского отряда.

Вчера в спешке забыл взять у Нины Рогачёвой хину от малярии, приобретённую прошлым летом в «тропиках» реки Сунжи. По всему чувствовалось, что сегодня (на третий день) будет очередной приступ. Полмесяца меня преследует малярия. Если утром принять восемь-десять таблеток, то приступ можно перебить. Паша Киселёв её не подхватил на

кавказском фронте, а в белорусских болотах её, к счастью, нет. Медицина говорит, что малярией болеют только два года подряд, а на третий надо снова встретить малярийного комара, чтобы заболеть. Это меня успокаивало, так как на Кавказе мне делать нечего. У Нины Рогачёвой запаса хины для одного пациента предостаточно. Прискакали верхом прямо на Лысую гору Паша Колганов и Вася Куликов и передали приказ Карасёва: «Приготовиться к уходу! Заминировать землянки и все подступы к лагерю. Сегодня все должны покинуть Лысую гору!»

Командир не просто так послал вчера нас минёров в старый лагерь, уже было принято решение о минировании, о том, чтобы спасти лагерь от разрушения его карателями.

Разбились парами и распределили зоны минирования. Мин и взрывчатки было достаточно: недавно получили груз на двух самолётах, с ними прилетел радист Виктор Прокошев. Паше Колганову и мне минировать досталась местность к востоку от лагеря.

Поставили с десятков противопехотных мин ПМД-7 и несколько фугасных зарядов с взрывателями натяжного действия с элементами неизвлекаемости. Сначала заминировали дальние подходы к лагерю со стороны «аэродрома». На обратном пути повстречали Петра Ярославцева, Васю Куликова, Колю Новаторова и Василия Ивановича Исаева. Они зарывали какой-то ящик в лесу. Возвращались на Лысую гору все вместе.

В лагере распоряжался приехавший Виктор Александрович Карасёв. Миша Журко с Колей Гапиенко и Мишей Крыловым минировали землянки. Петро Туринок и Серёжа Кафтанов отправились в сторону конюшен, а мы с Пашей Колгановым – на восточный склон горы. С собой ещё прихватили с десятков противопехотных мин. Чертежей на минное поле не составляли, а просто запоминали ориентиры и направления полос минирования. Рукой выгребали канавку, ставили мину и присыпали песком, смешанным с опавшей хвоей.

Незаметно подкрался приступ малярии. Закладывало уши и чуть-чуть дрожали руки, но работать можно было. Паша где-то отстал: у него было мало опыта.

Откуда-то издали донесся голос Карасёва:

– Марат, оставь мину и иди сюда.

Мне хотелось закончить установку мины, и я не отозвался.

Вдруг голос командира раздался неожиданно резко:

– Марат! Выполняй приказание!

Оглядываюсь, оказывается Виктор Александрович и Паша Колганов стояли в трех метрах позади меня и смотрели, как я миную. Что-то им не понравилось. Карасёв смотрел на мои руки и опять далеким для меня голосом, уже обращаясь к Паше, проговорил:

– Ты вовремя меня позвал. Отведи его к обозу и уложи на повозку. Да скажи, чтобы на кладке через болото держали его покрепче, чтобы не свалился в воду.

Все-таки приступ малярии меня доконал. Все тело пылало жаром. На повозке было хорошо. На меня навалили трофейные одеяла и полушубки – стало тепло и больше не трясло. Рядом шла медсестричка Лёля Петренко и рассказывала, как ругался командир, что меня с приступом малярии допустили к минированию. Когда повозка останавливалась, начинало кружиться небо, и я просил Лёлю погонять коней. То издали, то вблизи слышалась бойкая воркотня Лёли.

Вдруг со стороны Лысой горы донесся глухой звук взрыва. Повозка дернулась, и кони остановились. Стрельбы не было. Взрыв был толового заряда. Мы оба поняли: на Лысой горе случилось несчастье, кто-то погиб.

Лёля заплакала: «Мамочка моя, кто же это из хлопчиков?»

Повозки снова тронулись.

Вскоре на взмыленном коне проскакал Петр Ярославцев и на ходу бросил:

– Вася Божок подорвался на смерть! Я за Ниной Рогачёвой, тяжело ранены Коля Гапиенко и Миша Крылов!

Глаза затуманились, голова закружилась. Лёля с окаменевшим бледным лицом молча проводила ладонью по моим щекам. До разума не доходило, что мы никогда-никогда не увидим Васю Божко, не услышим его весёлого смеха. Эта проклятая война уносит самых лучших. Ушёл навсегда ещё один друг. Не сбудется мечта Василька: не вырастут яблоневые мичуринские сады в Пятихатке, посаженные его рукой.

Потом Миша Журко рассказал нам, как это произошло:

– Мне поручили заминировать три землянки: санитарную, разведки и нашего взвода. Я поставил пять мин, а надо было поставить шесть: не хватило взрывчатки. Когда я минировал, недалеко от меня стояли и смотрели, как я миную, Коля Гапиенко и Михаил Крылов, я их близко не допускал. Проходит мимо Вася Божок и говорит мне: «Насыпай побольше сверху земли, чтобы незаметно было». Я ему ответил: «Я знаю, не в первый раз миную». Вася обратно идёт и прямо ко мне. Я спрашиваю: «Ты в бане был?» Он отвечает: «Да, был». Я говорю: «Вася, сходи до Румака, возьми тол и заминируй, а я пока помоюсь последний раз в бане». Он охотно согласился. Вася всем был готов помочь. Я пошёл в баню и только начал раздеваться, как раздался взрыв. Я так и подумал, что Вася подорвался. Сразу побежал к нашей землянке. Васю отбросило метров на пять. Крылов лежал рядом и ойкал. А Коля побежал до речки схватившись за глаз. Вот так: одна ошибка минера и всё... И зачем я пошёл в баню?.. Этого бы не произошло.

Отряд покидал Лысую гору. Уходил непобежденным и не отступившим перед карателями. На одном из холмов под красными звёздами, остались на вечном посту побратимы москвич Жора Бобров и украинский хлопец Вася Божок. Каратели не посмели тронуть священные могилы.

Зелёный лагерь был менее приветлив, чём Лысая гора, к которой все привыкли и полюбили. Лучи солнца почти не

пробивались сквозь густую листву, и в лагере всегда царил сумрак. Кусали рои комаров. Жили в шалашах, обтянутых изнутри парашютами. Лапник, на котором спали, тоже был накрыт парашютным перкалем.

На третий день после подрыва на mine умер Алёша Новобранец. До последней минуты он тихо разговаривал, предупреждал ребят относиться к минам с величайшей осторожностью. Просил помянуть его добрым словом в день Победы над Гитлером. Он понимал, что умирает, и мы не произносили слов утешения. Когда он впадал в беспамятство, то стонал, боль в разорванной миной ноге вероятно была ужасной. Под вечер он застонал, грудь несколько раз высоко поднялась, и он ушел в небытие. Не стало еще одного друга-товарища.

Лагерь просыпался рано. В шалашах было сыро и прохладно. Первыми вставали любители покурить: Саша Матвеев, Иван Дыбань и радист Иван Панфилов. Они сушили над костром листья самосада и тут же скручивали сигарку. К ним можно было подойти покурить. После них вставала Стася Бурымская, подпольщица, недавно пришедшая в отряд: у неё никак не заживала раненная в бою нога. Стася подымала Полю Сидоренко, Мариулу Мадригину и Женю из Довляттов чистить картошку и готовить завтрак – он же и был обедом. Ели два раза в день: рано утром и вечером, чтобы днем дымом не привлекать фашистов к лагерю.

Радисты по двое: Вася Вернигоров и Николай Тернюк, Па-

на Безух и Николай Новаторов, уходили на несколько километров в стороны от лагеря и там проводили сеансы работы, чтобы немцы не запеленговали новую базу. Сопровождали их небольшие, но абсолютно надежные группы охраны под командованием Виктора Прокошева, Васи Куликова или Паши Колганова. Ребята могли полечь все до одного, но самое дорогое в партизанском отряде – радисты – должны быть спасены.

Однажды вечером вернулась с разведывательного задания группа комиссара отряда Михаила Ивановича Филоненко. Уже в десяти километрах от лагеря они столкнулись с карателями. В жестокой схватке они разгромили колонну фашистов. Но в бою погиб москвич Вася Баранов.

Бой под Москалёвкой

Вторую неделю мы жили в новом лагере километрах в десяти от деревни Москалёвка на границе Украины и Белоруссии. Располагался он на возвышающихся над болотом невысоких пологих холмах с редкими березами и осинами. К северу от холмов тянулись бескрайние леса.

В середине гряды находился старый карьер, где жители раньше брали глину для печей. Там в палатке, замаскированной ветвями, поместили раненых. Туда не залетит ни одна шальная пуля, и в случае бомбежки хорошее укрытие.

Неписанным каноном, первой заповедью в отряде Карасёва было спасение раненых в бою и уход за ними. На новом месте всегда сначала рыли землянку или ставили шалаш для санчасти.

В стороне от карьера ближе к болотистому лесу, вырыли колодец и поставили сруб бани. Где-то давно добытый разведчиками Ивана Дыбаня большой чугунный котёл всегда возили с собой. Единственная заросшая травой и кустами дорога вела через заболоченный лес в деревню Москалёвка. По ней привезли кирпич для бани, который набрали в деревне на пепелищах, оставленных карателями.

Построили себе лёгкие шалаши из жердей и веток. Внутри шалаши обтянули парашютами. Народу в отряде оставалось мало: большинство ушло на задания. Дикая глушь и мёртвая

тишина после тяжёлых двадцатидневных боёв на Лысой горе настраивали на отдых.

То утро не предвещало ничего плохого. Минувшей ночью мы спокойно принимали десантную группу Ефима Ободовского. Сбросили их прямо на наши холмы. Другого сухого места поблизости не нашли. На прощание «дуглас» снизился и на бреющем полете своими огнями осветил лагерь. Сначала мы испугались: не собирается ли он на посадку? На гряде, окружённой болотом и лесом, костей не соберешь.

Но самолет только покачал крыльями – передал нам свой привет. Мы в восторге кричали, махали руками и кидали вверх всё, что можно было подкинуть. Поднимаясь, «дуглас» выключил огни и взял курс на восток, на «Большую землю».

Ещё долго мы прислушивались к удаляющемуся равномерному низкому рокоту моторов. Потом собирали сброшенные на грузовых парашютах тюки с боеприпасами и сносили их к штабному шалашу. Каждый наблюдал за каким-нибудь одним парашютом и замечал направление, где он опустился, чтобы легче его было найти. Десантники прыгнули очень скученно и удачно приземлились между деревьями прямо в лагере. Кроме омсбоновцев, прилетела группа минёров из гвардейской бригады.

Лагерь ещё не проснулся. Летнее солнце, уже поднявшееся над лесом, припекало своими лучами. Над болотом парило. Петр Ярославцев, Михаил Журко и я с утра пораньше отправились в баню. До неё от нашего шалаша (самого край-

него на низкой гряде) было шагов двести. По другую сторону от шалаша уходила единственная дорога, на которой находился пост с пулеметом.

На бревне возле бани кемарил дневальный. Из трубы вилась горячий воздух. На наших лицах блуждали радостные улыбки.

Миша открыл дверь: оттуда пахнуло жаром.

– Повеселимся! – обрадовался Петр.

В следующее мгновение за этим возгласом раздалась пулеметная очередь на москалёвской дороге. С глупейшим видом мы посмотрели на свои пистолеты. Наши автоматы висели на сучках жердей в шалаше у той самой дороги, где разгорался бой. Это был единственный случай в партизанской эпопее, когда у нас не оказалось автоматов. Мы помчались навстречу бою, сломя головы, не слыша увеличивающегося свиста пуль, не видя выскакивающих из шалашей ребят. Перед нашими глазами маячили на сучках наши автоматы. До них надо было добежать. Они висели между нами и врагами. Это было неприятно, даже чертовски плохо. Мы бежали быстро, очень быстро. Ребята после рассказывали, что мы промелькнули мимо них, как зайцы. Если бы зафиксировать нашу скорость в этом беге на короткую дистанцию, то этот рекорд никогда не был бы побит. Вот что значило оставить оружие!

Схватив автоматы, сумки с патронами и гранатами и сразу повеселев, мы вылетели из шалаша и столкнулись с коман-

диром. Гимнастерка на нем как всегда была застегнута на все пуговицы. В руке он держал свой неразлучный маузер. Он был из тех командиров, за которыми люди шли не задумываясь. Скажи он: «Надо пойти и взять город Овруч». Мы пошли бы и взяли город по названию Овруч.

Карасёв сверкнул синими глазами, резко бросил руку с маузером в сторону стрельбы и, глядя на нас в упор, коротко произнес:

– Марат, Петр, Миша! Вперед! И стоять насмерть!

Называя наши имена, он свободной рукой указывал на каждого из нас, как бы считая.

Слова «стоять насмерть» родились в кровавом сорок первом на заснеженных полях Подмосковья и шли с нами через всю долгую войну. Это был суровый приказ «не отступать». О раненых командир не упомянул. Нам и не нужно было о них говорить. Вообще, он сказал нам очень мало. Но он сказал все.

Мы побежали вперед, на стрельбу, стоять насмерть. Первый натиск фашистов отбили сходу. Они не успели развернуться. Хлопали одиночные выстрелы. Слышались крики раненных фрицев. Они отпрянули.

Можно было устроиться поудобнее. Переполз к низкому пню и огляделся. Слева лежал Паша Колганов – москвич с Плющихи, почти арбатский, вдвойне земляк. На его лице всегда играла улыбка. Он был крайним на нашем фланге. Справа залегли Миша Журко, Петр Ярославцев и Павел Ки-

селев – высокий светловолосый саратовец, мой дружок по кавказскому фронту. Его вторым, спустя месяц, после меня, сбросили в отряд на Лысую гору.

Дальше виднелись Петро Туринок, Саша Матвеев и еще правее и немного впереди пулеметчик Саша Тютнев со вторым номером Петром Цалко. Это они встретили немцев огнем, сразу положив их больше десятка на дороге. Донеслись крики немцев. Они подбадривали друг друга громкими возгласами. Усилившаяся пальба из их автоматов и пулеметов, сбивала листья и ветки над нашими головами. Они снова пошли на нас.

– Хлопцы! Не стреляйте сразу! – Хрипло выдохнул Туринок. – Подпустим трохи ближе и вжарим им!

Киселев кричал Тютневу:

– Саша! Отползи вправо! Ты мне фрицев загораживаешь!

Между деревьями замелькали мышинные кители фашистов. Они шли, засучив рукава и уперев приклады своих автоматов в животы, поливая огнедышащими стволами, как пожарные брандспойтами. Они не торопились. Они шли нагло, не сгибаясь. Свистели пули. Щепки, отлетающие от деревьев, секли лица. Они не видели нас, лежавших во мху, за пнями, за поваленными деревьями. Они били в нашу сторону и нахально лезли вперед. Жаль нельзя пустить в ход гранаты. Лес тут не густой, но низкие ветви переплелись между собой, и граната может удариться об них и отскочить обратно.

Петр Ярославцев привстал на колени и рывкнул:

– Бей гадов! Огонь!

Сплошной треск десятка автоматов и стук «дегтяря» длился пока не опустели диски. Наступила резавшая уши тишина. Пахло порохом. Лес просвечивал без долговязых фигур фрицев. Лес был пуст. Деревья стояли одни.

– Ребята, а мы им врезали! – воскликнул обычно молчаливый Саша Тютнев, изведавший ад плена, люто ненавидевший фашистов. Пулемет в его руках был карающей десницей.

– Хлопцы, никого не зацепило? – спросил Ярославцев.

Никто не отозвался. – Значит полный порядок!

– Пошли подбирать трофеи, – поднялся с земли горячий, нетерпеливый Туринок.

– Не торопись поперед батьки в пекло, – заметил Журко, заправляя новый диск в автомат, – трошки почекаем, подождём.

– Я пыду подывлюсь, – сунулся вперед Цалко.

– Ложись! Я тебе «пыду», – погрозил кулаком Ярославцев, искоса посмотрев в нашу сторону. Он явно хотел сам пойти и посмотреть, сколько мы набили фрицев, но теперь постеснялся.

– Слышите! Фрицы или сюда ползут, или своих подбирают, – раздался голос Саши Матвеева, – Тютнев, всыпь им на шум из пулемета!

Саша посылает несколько коротких очередей. Становит-

ся снова тихо. Вдруг рядом что-то шмякается в сырой мох. Издалека доносится глухой хлопок.

– Мину! Раз они подтащили миномет, теперь не отвяжутся, – сквозь зубы выдавливают Журко, – а тут кто-то за трофеями собрался? Придется трошки подождать трофеев.

...После четвертой отбитой атаки стали заедать патроны в патроннике. В горячке не успели протереть их от смазки. Накопилась копоть и силы пороховых газов не хватало отбросить затвор с пустой гильзой. Одиночными много не навоеешь... Стало грустно. Положил перед собой пистолет и воткнул в пень финку. В противотанковую гранату вставил запал. Она как неизвлекаемая мина, пусть ты уже лежишь истекший кровью и не двигаешься, а тебя тронут, и все полетим в небо.

Интересно бы знать, командир дал команду радистам связаться с Москвой? Вот мол, отряд ведёт тяжёлый бой с фрицами, раненные у нас лежат и уйти нам нельзя, не унесем их, через болото... Помощи, конечно, мы не просим, но на розыски отряда потом пусть никого не присылают. Некого будет искать. И в штабе в Москве пусть так и запишут, что мы не без вести пропали, а в бою.

В перерывах между стрельбой тщательно насухо протираем патроны. Паша Колганов разорвал на тряпки нательную рубашку. По очереди чистим автоматы. Иногда Паша подползает прикурить от моего кресала. Махоркой поделились прилетевшие ночью ребята. Вот уж кому не повезло, не успе-

ли выспаться, как пришлось вступать в бой. Еще подумают, что мы только и делаем, что стреляем.

Ярославцев поворачивается к Туринку:

– Петро, пошли кого-нибудь, кто там поближе, за патронами. Или сам сходи, пока «перекур». Зайди в карьер к раненым. Пусть не волнуются. Они не пройдут.

– Запасный ствол к «дегтярю» захвати, просит Саша Тютнев, – накаляется сильно, часто менять надо.

Саша Тютнев такое перенёс в концлагере и не сломался. А «друга» его Андрея мы расстреляли. Предателем оказался. Это тот, который под Мальцами в небо стрелял. Когда Саша бежал из концлагеря, тот нарочно присоединился к нему, чтобы правдоподобнее проникнуть в отряд, и именно в наш, карасёвский.

Матвеев ругается на хоззвод:

– Лодыри! Свинопасы, а не партизаны! Наездили на дороге колею, когда кирпич для бани возили! Поленились паразиты следы за собой замести. Вот и потянули по своим отметинам карателей! Пеночкики!

Фрицы опять зашевелились. Вроде решили обойти нас слева. Но там болотистый лес, вода по пояс. Они снова поворачивают на нас. Это им дорого обойдётся.

Паша Колганов дает длинными очередями и кричит мне:

– Не отстрели мне ухо, бей больше по фрицам!

Нет, здесь они не пройдут. Им придётся сначала переступить через всех нас. Через мертвых, но не живых.

Пули все назойливей начинают клевать мой пень. Может их привлёк дым моей сигарки? Переползаю за повалившееся от старости дерево. Смотрю на часы. Сколько прошло времени как начался бой? Только пять часов. До заката ещё целая вечность.

Автомат снова бьёт на всю катушку. С минами у немцев что-то не получилось. Взорвалось только несколько мин. Может болотистая почва, мхи и густая крона деревьев помешала им? Миномёт замолчал.

Отбили ещё одну атаку. Мы потеряли им счёт. За кочками шевелятся кусты. Мы уже знаем, что это фрицевские санитары ползком вытаскивают своих убитых. Стонов и криков не слышно. Пусть себе подбирают, чёрт с ними.

Заводится Петро Туринок:

– Лётчики тоже хороши! Циркачи! Устроили ночью в воздухе карусель над лагерем. Иллюминацию зажгли своими фарами на весь район! Вот где карасёвцы находятся! Шукайте их!

Миша Журко смеётся в ответ:

– Да ты, Петро, больше всех радовался фонарям. Прыгал как тот козлик у бабушки! Даже шлем закинул на дерево.

Наши фрицы что-то притихли. Наверное, теперь попрут с другой стороны. А дело-то идёт к вечеру!

Действительно, бой разгорается напротив бани. Посылаем туда Пашу Киселёва узнать, не нужна ли помощь. У нас идёт редкая перестрелка. Покуриваем. Видно фриц начал выды-

хаться.

Вдруг со стороны Москалёвки раздаётся длинная пулеметная очередь: «дегтярь»! Потом слышны взрывы гранат и автоматные очереди из «пэпэша». Кто-то прорывается к нам на помощь! Может быть это отряд дяди Кости, что стоял недалеко от Лысой горы?

Несколько правее и гораздо ближе к нам тоже раздаются взрывы гранат и дружные автоматные очереди. Мы ещё не улыбаемся, мы только прислушиваемся, но сердце радостно замирает. Стрельба сзади немцев разрастается. Появляется Паша Киселёв и рассказывает новости:

– Карасёв послал во главе с комиссаром Филоненко несколько групп по два-три человека в обход карателям. Для устройства паники. Фрицы «любят» окружение. Исаев тоже пошёл с ребятами из хоззвода, Ефим Ободовский – со своими прилетевшими десантниками. Вот они и шуруют сейчас по сигналу комиссара, с тыла фрицев.

– А что за пальба возле бани? – спрашивает Туринок.

– Там Женя Ивлиев отбивается. На них сейчас фрицы здорово нажали. Там даже врач Нина Рогачёва и радистка Пана Безух из карабинов бьют по ним. Хорошо, что пришла с задания группа Ивана Таранченко, так Виктор Александрович их прямо в баню послал, – Паша смеётся своему каламбуру, – с Иваном семнадцать человек пришло, это здорово помогло Дыбенко, отобьются теперь. Нам командир велел продолжать держать дорогу.

– А шо вин до нас ни разу не прийшов? – удивляется Петро Цалко из Лубеня.

– А «вин» знает, шо здесь Петро Цалко, значит ему тут делать нечего, – серьезно заявляет Туринок.

Цалко повертывается, смотрит на Туринка и смеётся. Шутка ему понравилась. Паша Колганов вдруг поднимается с земли, закидывает автомат на плечо и направляется к нам:

– О чём вы тут смеетесь? Дайте-ка огоньку прикурить.

У нас душа уходит в пятки: сейчас Пашу просят очередь! Сейчас его не станет! Что с ним? Затмение нашло?

Колганов смотрит на наши выпученные глаза, запрокидывает голову и хохочет на весь лес:

– А фрицев-то нет! Фрицы драпанули! У-лю-лю-лю-ю!

Какие-то секунды мы молчим, потом вскакиваем, смеёмся, кричим и тоже улюлюкаем во весь голос. Нам очень весело. Мы устояли. Мы хлопаем Пашу по плечам. Со всех сторон к нему тянутся огоньки фитилей. Наконец он прикуривает. Солнце пошло на закат. Девять часов мы отбивались от фрицев и заставили их уйти. Прошел еще один день партизанской жизни.

Нет, ещё не совсем прошёл. Прибегает адъютант командира Ясон и передает команду Карасева:

– Гоните фрицев к чёртовой матери, чтобы их и духу в этом лесу не было!

Так нам всё ясно. Может командир и не эти слова сказал, но мысль его Ясон передал правильно. Заряжаем пустые дис-

ки автоматов, подбираем свои вещички. Кладу в кобуру пистолет, вытаскиваю из пня финку, обтираю об рукав и засовываю в ножны. Вроде никто не заметил, а то наши шутники засмеют. «Зачем нож в пень втыкал? – спросят, – скальпы с немцев снимать собирался? – или ещё что-нибудь подковырнут. А мне тогда не до смеху было, когда автомат заедать стал, а фрицы перед самыми глазами так и мельтешат.

Идём развернутый цепью. Нас человек 15. Запасные диски, сумка с гранатами, кобура и ножны – всё перевернуто на спину, чтобы удобнее было бросаться на землю. Автоматы наготове.

По обеим сторонам дороги разбросано множество окровавленных бинтов и кусков ваты. Убитых не видно. Немцы всех увезли: и убитых, и раненых. На дороге кровь и глубокие следы от колес.

Проходим с километр. Когда же кончится эта окровавленная вата? Здорово мы их положили!

Выходим на небольшую поляну. На другом краю видим несколько вооруженных людей. Узнаём могучую фигуру Исаева. Спешим к ним. И чем ближе подходим, тем больше замедляем шаги в предчувствии чего-то страшного, неотвратимого. Они стоят у искореженного, погнутого пулемёта и чего-то небольшого завернутого в зеленую плащ-палатку. Нам, минерам, «это завернутое» до боли знакомо. В плащ-палатке собрано все, что осталось от подорвавшегося человека. Мы молча останавливаемся и снимаем пилотки и шле-

мы.

– Алёша Яницкий геройски погиб, – глухо говорит Исаев, – был он ранен в ноги, второму номеру приказал отходить, а сам прикрывал огнём, пока в диске были патроны... Когда на него накнулись фрицы, он выдернул чеку гранаты... Немного мы не успели, – мрачно продолжает Василий Иванович, – совсем немного. Ему бы еще минут пять продержаться...

Ярославцев резко поворачивается и кричит:

– Хлопцы, за мной! Отомстим за Алёшу!

И бежит в ту сторону, куда ушли немцы. Через несколько сот метров мы настигаем немцев. Среди деревьев замелькали вражьи силуэты. Наш огонь для них совершенно неожиданным оказался. Но они отстреливаются и прижимают нас к земле. Всё-таки их слишком много против десятка наших автоматов. Но всё равно отходят. Еще отстреливаются, но уходят.

И чем ниже опускается за лес солнце, тем быстрее они драпают. Нам становится веселее. На ходу присоединяются другие группы партизан. Только один раз мы ещё нарываемся на сплошную завесу огня и отползаем назад. Темнеет. Впереди немцев нет. Они бежали ...

К полуночи все боевые группы собрались в лагере. Оживленным разговором нет конца. То там, то тут вспыхивают взрывы смеха. Никто не расходится спать. Настроение у всех приподнятое. Такого длительного по времени боя и такого

разгрома карателей на боевом счету карасёвцев ещё не было.

Гнали фрицев почти до самой Москалёвки. И весь лес был усыпан кровавыми бинтами и ватой, брошенным оружием и коробками противогаров. Крестьяне потом расскажут нашим разведчикам, что немцы увезли несколько десятков подвод с убитыми и ранеными. Потери свои они, как всегда, тщательно скрывали.

По общим, хотя и сумбурным рассказам, всё же определилось, что немцы наступали по трем основным направлениям: по москалёвской дороге на наш пост, на баню – единственное бревенчатое сооружение, которое они, наверное, посчитали за штаб, и на правом фланге, где располагался каввзвод разведчиков Ивана Дыбаня. Причём все азартно убеждали, что их участок был самым опасным и ответственным, и что именно они больше всех уложили фрицев. Ни Ярославцев, любивший подшутить, ни весельчак Журко, ни горячий и вспыльчивый Туринок в споры не вмешивались. Они были выше споров. И так должно было быть всем ясно, что именно на нашем участке фрицы больше всего хотели прорваться, и мы им больше всех накостиляли!

Закончился этот «банный» день совсем необычно. Миша Журко вдруг обратился к Карасёву:

– Виктор Александрович, давайте споём нашу партизанскую! Мы по-тихому, вполголоса, – добавил он.

Командир впервые за день немного растерялся. Такого, чтобы хором петь в лагере под открытым небом, не бывало.

Другое дело спеть в землянке. Но землянок тут не было. И командир озорно поглядел на ребят и махнул рукой:

– Давайте, хлопцы, только шёпотом! – и сам первый затянул красивым сильным голосом:

«Мы шли на дело ночью тёмной
Громить коварного врага...»

Ребята негромко, но дружно подхватили полюбившуюся песню, найденную в белорусских лесах ещё во время рейда зимой, в партизанской бригаде Алексея Канидьевича Флегонтова:

«Кипела злоба в партизанах –
нам жизнь была недорога...»
Песня росла и набирала силу, уходила в лесную даль.
«...В смертельном страхе враг отпрянул.
Бежал, куда глаза глядят...
...Свистели пули, ветер злился,
Кругом кипел кровавый бой.
Товарищ вдруг мой повалился,
Сраженный пулей роковой...»

Люди рассказывали, что песню эту в ту ночь слышали не только в окрестных деревнях и сёлах, но и в самом городе Овруче за тридцать с гаком вёрст. Молва добавила, что пес-

ню эту якобы передавало Московское радио...

Группа Ивана Таранченко за несколько километров услышала стрельбу и вовремя успела к трудному моменту боя. Утром мы узнаем, что она принесла тяжёлые вести.

Гестапо в Киеве взяло Юлию Костюченко. Она выполнила задание и должна была вернуться в лагерь. По пути домой она пошла на одну явку и около нее была арестована. Юлю фашисты водили по улицам для опознания. Никто её не узнал, хотя ее многие знали, и она никого не узнавала. Юля никого не выдала. Из гестапо она не вышла.

В тот же день Миша Учаев, Франц Драгомирецкий и подпольщик Николай были окружены гитлеровцами на явочной квартире. У них были только пистолеты и гранаты. Гестаповцы утром оцепили весь квартал. Ребята вели бой до самого вечера. У них кончились гранаты и патроны. Жители рассказали, что из дома их вынесли мёртвыми. Они до конца выполнили свой воинский долг. Как провалились явочные квартиры, кто оказался предателем – осталось неизвестным.

Связанная с ними группа Володи Витковского продолжила свою работу в Киеве. Больше арестов не было. Спустя некоторое время командование отряда приняло решение вернуться на Лысую гору. По сведениям разведки стало известно, что «карательная экспедиция успешно закончена, партизаны ликвидированы, и лагерные стоянки уничтожены».

Немцы действительно заходили на Лысую гору после ар-

тиллерийского обстрела. Мы своевременно ушли. Они подорвались в двух землянках и ретировались – всё осталось целым.

Вернувшись, мы разминировали только землянки и дороги. Остальные заминированные участки обозначили забитыми кольшками и натянутыми стропами от парашютов.

Оперативные и разведывательные группы снова уходили на задания.

Неожиданное задание

Меня вызвали в штаб отряда. Командир и комиссар сидели на топчане и оживленно разговаривали, когда я вошел в землянку. Весь стол – метра три – занимала «простыня» из склеенных топографических карт. «Триста километров в один конец» мелькнуло у меня в голове при взгляде на карту-километровку.

Карасёв повернул голову:

– Садись, друг народа Марат, – израненной в кисти рукой он указал мне на скамью с другой стороны стола.

– Посылаем тебя на край света в район Винницы, – Виктор Александрович посмотрел на самый низ «простыни» – поведешь туда группу разведчиков: Петровича, Стефанию и радистку Клаву, которые прилетели три дня назад. Ты был на «аэродроме» при их приземлении и познакомился с ними.

Филоненко покрутил ус и улыбнулся:

– Я видел, проходя мимо, Марат и вчера на скамеечке у землянки радистов продолжал знакомство.

– Михаил Иванович, это наговор! – не вытерпел я, – мы же земляки, с Арбата: я по Серебряному переулку десять лет ходил в школу, а Клава в этом переулке (в доме два) училась в школе радистов...

– Ну и прекрасно, – прервал командир, – Вам всем трудный путь предстоит. Возьмёшь с собой пять-шесть человек,

легче будет мимо немцев проскользнуть, чем с большой командой. Пойдёте скрытно, без шума, большей частью ночами. Запрещаю проводить любые боевые операции. Твоя задача доставить в целости, без потерь, группу Петровича в район Винницы. По некоторым данным, для твоего сведения, там находится ставка Гитлера. Будь особенно осторожен: не нарвись на запретную зону. Петрович потом скажет, в какое место их надо проводить, ясно?

– Ясно, Виктор Александрович, будут доведены до места назначения.

– Коротко о направлении маршрута, – Карасёв нагнулся над картой, – подробно мы рассматривать не можем, так как обстановка меняется ежедневно. Реку Тетерев лучше переходить в районе Кухар, мост там сожжён и охраны нет, пройдёте по кладкам. Железную дорогу Коростень-Киев хорошо форсировать у станции Тетерев – лес там вдоль железки пока ещё не вырублен. За линией Житомир-Фастов лесов почти нет, будете двигаться только ночью. В район Фастова прошли отряда националистов – бандеровцев, это подозрительно: с немцами они не воюют, почему двинулись навстречу фронту? Избеги столкновения с ними. Казатин обходите с востока. Пометок на карте не делай, всё запоминай. Карту эту приготовили для тебя. Сам будешь ориентироваться по обстановке и намечать путь следования.

Военная километровая карта была большой радостью для меня: можно будет на многих переходах обходиться без

местных жителей – проводников, которые всегда представляют потенциальную опасность: даже ненароком, в случайном разговоре они могут направить фашистов по нашему следу.

Группу Володи Витковского под Киевом три дня преследовали каратели с собаками. Только разведут костер просушить портянки, как слышат: «гав-гав». Натягивают сапоги на босу ногу – не до портянок – и начинается марафон. А всё из-за проводника-предателя. Володю тогда ранили в ногу.

Командир продолжает.

– Возьми с собой Степана из Житомира и Дмитрия из-под Казатина – у него там родня. Могут понадобиться надежные люди. И с местностью они знакомы. Ребята эти проверенные, были на заданиях с Иваном Дыбанем, участвовали в боях. Кого ты хочешь взять с собой? – неожиданно спрашивает Карасев.

В голове проносится: Вася Божок погиб при минировании, Миша Журко и Петро Туринок находятся на задании, Пётр Ярославцев сам завтра под Киев уходит. Называю Павла Киселева – боевого друга по Кавказу, Антона Скавронского – лесника из Мухоедовских дебрей, он, правда, старик, ему уже под сорок и храпит во сне, но зато стреляет классно – в копеечку на лету попадает и лес здорово знает.

– Пусть возьмет десантников из группы Ефима Ободовского: Николая Полищука и Иосифа Савченко – хлопцы боевые, фронтовики, автоматчики, – выручает меня комиссар, –

задание необычное, не связанное с диверсией, и Марат видно стесняется брать своих друзей-минёров.

Обрадованный поддержкой Михаила Ивановича, сходу прошу командира:

– Виктор Александрович, прикажите старшине Исаеву выдать нам на обратную дорогу толовых шашек или пару противопехотных мин, а то меня ребята съедят с костями.

Карасев засмеялся и обратился к Филоненко:

– Дадим им толу на пару фугасов, а то минёры на выдумку горазды, натворят ещё что-нибудь на свою голову, – он посуровел, – дадим, только заряды действительно на обратный путь!

Мои заверения, что взрывчатка будет использована только после того, как доведём группу, или в крайнем случае, чтобы пресечь преследователей за собой минированием дороги, окончательно убедили командиров.

– Скажешь Исаеву, чтобы выдал толовые шашки, мины брать не советую, вам ещё батареи для рации тащить: тяжело будет. На обратном пути свернёте к Житомиру, там в районе Левкова, – Карасев показывает на карте, – должна находиться группа капитана Крючкова. С ним ушли Минаев, Журко, радист Вернигоров и другие омсбоновцы. Двадцать дней, как они не выходят на связь с Центром. Найдёшь группу Николая Ивановича и передашь приказ вместе с вами срочно вернуться на Лысую гору. Тебе даётся две недели на путь до Винницы и две – обратно плюс три дня на поиски Крюч-

кова. Сроки весьма сжатые. К середине октября все группы должны вернуться на базу. По распоряжению командования отряд уйдёт в рейд на запад. Капитан Крючков об этом не знает, поэтому найти его группу столь же важное задание, как и Винницу. Отряд уйдёт без задержки. Можешь привести с собой пополнение. В деревнях, особенно степных, где мало партизан, осело множество примачков из окруженцев и бежавших из плена. И местные хлопцы подросли за два года войны и рвутся бить фашистов.

– Правильно, – высказывается комиссар, – надо дать им в руки оружие и обучить воевать. Это резерв для наступающей Красной Армии. Посмотрите на наших Колю Гапиенко, Петра Цалко, Женю Гриба – их в бою за вожжи держать надо, рвутся вперёд, а им всего по шестнадцать-семнадцать лет... Фронт приближается к Днепру, и многие примачки задумались, чем будут объяснять свое двух годичное сидение возле юбки. Пора подаваться к партизанам, чтобы искупить свою вину перед воюющим народом. Бежавших от немцев с оружием в руках полицаев и власовцев, если на их руках нет людской крови, тоже можно брать – здесь разберемся, кого куда.

– Только девчат не приводи, – предупреждает Карасёв, – медсестёр, разведчиц разных, как некоторые наши с операций привели. Говорят: «медсестра», глаза как сливы, и прочие девичьи округлости (у хлопцев сон пропадает), а врач Нина Рогачёва плачет от них: «палец забинтовать не умеют,

вместо витаминов кому-то касторки налили, а ему на задание идти». И капитану Крюкову об этом скажи, а то у него всегда связных женского пола много. Нам в рейде бои предстоят. Часовым прикажу, как увидят девичьи косы, без предупреждения открывать огонь, – глаза Карасёва смеются. В разговор вступает комиссар Филоненко.

– В этот треугольник, – комиссар обвёл его тупым концом карандаша, – лучше не заходи. Там издавна живут немецкие колонисты. Они пытались стрелять в ковпаковцев. Тогда генерал С.А. Ковпак объявил, что за каждый выстрел он прикажет сжигать тот дом, откуда стреляли. Немцы сразу стали свехлояльными, и больше не прозвучал ни один выстрел. Но вас мало, и не нужен лишний риск. А вот здесь старинные чешские деревни, -карандаш Михаила Ивановича перемещается в сторону, – туда даже можно зайти за продуктами, люди накормят.

Мне это напомнило детскую игру: «да и нет – не говори, белого и чёрного – не покупай...» Только у нас цена проигрыша несколько иная: жизнь. Карасёв снял со стены цейсовский бинокль, вынул из заднего кармана маленький маузер с брамиткой для бесшумного боя – мечту разведчика – и протянул мне:

– Считаю это нашим с комиссаром подарком тебе, а то, что ты за командир без бинокля? – пошутил он, – в степи за «оптику» полжизни отдашь. Вопросы к нам есть?

– Когда надо выступать? – спросил я.

– Отправляйтесь завтра утром. К полудню подойдёте к деревне Гута. Не заходя туда, отдохнете. Дай группе втянуться в ритм, поначалу не спешите. Распределите груз группы Петровича между своими: они пусть идут только со своими узелками. Командирам понравилось, как я «гармошкой» по всем канонам картографии сложил «простыню». Остался у меня один невыясненный вопрос: почему командование, посылая на задания, не давало явок к уже проверенным, надежным связникам, а если и давало явку, так в конце маршрута.

Группы ходили почти одними и теми же направлениями в сторону Киева и Житомира, Овруча и Мозыря, но каждая пользовалась своей «линией» связи или совершенно незнакомыми людьми. Может быть этим в партизанскую борьбу вовлеклись более широкие круги масс? Или лучше соблюдалась конспирация?

Обычно ночью тихо стучали в окно, чтобы не слышали соседи, и просили хозяина выйти. В хату не заходили. Если он соглашался быть проводником – мы не знали случаев отказа – то ждали пока он оденется и уже на ходу называли нужную деревню или место. Иногда предупреждали, что, если с нами что случится, он ответит перед партизанами. Вот и сейчас: до тетеревских лесов у нас знакомые проводники найдутся, а дальше – сплошной туман, но помнится, что, Костя Тбоев ходил дальше, до Фастова. Этого вопроса я не задал. Командир и комиссар сказали всё, что нашли нужным. У нас не было заведено расспрашивать. У нас есть хорошая явка

километрах в сорока от Винницы – будем считать, что всё нормально.

Старшина Исаев выдал всё, что мы попросили, и даже не заикнулся про витамины, хотя всегда ворчал, когда к нему приходили из нашего взвода – никак не мог забыть одну смешную историю, а начиналась она так.

Как-то сбросили нам в тюке два одинаковых бидона. Исаев открыл один. Видит – ружейное масло. Обрадовался, вещь нужная, а то мы уже перешли на бычий жир. Вскоре бидон разобрали по масленкам. Тут случилось, что Петро Туринок свою масленку где-то посеял. Раздобывает он пустую консервную банку и идёт к Василию Ивановичу за ружейным маслом. Тот пошумел, что посуда велика, но всё-таки плесканул из вновь открытого бидона, да так, что почти полную банку налил. Ну, у Туринка обратно уже не получишь, не тот характер. Исаев вслед Петру прокричал, что на весь взвод на целый месяц отпустил.

Приходит Петро в нашу землянку и ставит банку на стол. А у стола сидит Пётр Ярославцев, опустил свой светлый курчавый чуб на лоб и потихоньку пиликает на гармонике что-то грустное. С верхних нар свесились головы ребят, которые слушают его.

Ярославцев морщит нос и говорит Туринку:

– Петро, убери эту гадость от меня подальше.

Туринок горячий, заводится легко. Он вспыхивает:

– Это у тебя сапоги дёгтем воняют, ишь вымазался, как на

свадьбу! А масло пахнет хорошо, – и Туринок в доказательство с видимым удовольствием нюхает банку. Потом на его лице возникает удивление, он из голенища достает ложку, черпает из банки густую буроватую жидкость и отправляет себе в рот.

У Ярославцева быстрая реакция, не отпуская одной рукой гармошку, он вторую руку (уже с ложкой) тоже запускает в банку и ... оба улыбаются.

Миша Журко смотрит на них сверху и печально изрекает:
– Что ж вы, поросята, делаете? Ружейное масло жрёте? Теперь из вас, как из старинных пушек, стрелять будем?

– Это или повидло, или витамины, – радостно смеётся Туринок, – старшина перепутал бидоны.

Все посыпались вниз, как по тревоге. Через минуту они уже облизывали свои ложки – банка опустела. Осталось тайной Петра Туринка, каким образом он через некоторое время принёс ещё два котелка витаминов. Хлопцы, отвыкшие от сахара, радовались сладкому, как малые дети. Погубила нас жадность. На другой день на пятом или шестом «заходе» к Исаеву кто-то из каввзвода погорел, но, конечно, все шишки посыпались на наш взвод, организовавший операцию под кодовым названием «ружейное масло». Долго по лагерю раздавались раскаты «грома», производимые голосом старшины Исаева. Шутить с ним никто не смел: еще закинет на дерево громадными ручищами. Только из штабной землянки весело доносился смех.

«Пострадал» ещё Иван Таранченко, успевший почистить витаминами свой автомат. Он хмуро выпытывал в санчасти у Нины Рогачёвой не отравится ли он, если вылизет ППШ (пэпэша).

Сборы в дорогу были закончены. Мы ходили между землянками, прощались с Лысой горой. Вот здесь на самой высокой точке песчаной гряды позавчера в ночь на тринадцатое сентября, мы стояли и смотрели на юго-запад. Карасёв и Филоненко пригласили участников «овручского концерта», находившихся в лагере. Тут были те, кто вёл разведку, нашёл исполнителей диверсии, кто переносил в Малую Черниговку под Овруч взрывчатку, кто изготовил электрочасовой замыкатель взрывателя фугаса. Стояли Алексей Ботян и Ефим Ободовский, Павел Киселёв и Иван Таранченко, Пётр Ярославцев и Евгений Ивлиев и многие другие. Незримо плечом к плечу с нами стояли погибшие в Киеве разведчики Юля Костюченко, Миша Учаев... и др.

В два часа ночи над горизонтом поднялась кровавая зарница. В городе Овруч взлетело на воздух четырехэтажное здание гебитскомиссариата. Свершился акт возмездия над гитлеровскими палачами. Фашисты, съехавшиеся на своё собрание, нашли бесславный конец под обломками кирпича.

Ночные дороги

Сплошные леса закончились. После Гуты идем только ночью. Надежда некоторых наших ребят ехать на крестьянских повозках лопнула на третьем переходе. Шли установившимся порядком: за мной Павел, потом Николай и Степан, за ними группа Петровича и замыкали Дима, Антон и Иосиф. Идём вплотную друг за другом, чтобы не потеряться в темноте. Белые тряпочки-мишени на спине не нашивали.

Вдруг впереди послышался скрип песка. Хрустело как будто бы кто-то пережёвывал песок зубами. Все сразу приняли вправо и залегли в придорожных кустах. Мимо проехала подвода. На фоне тёмного неба проплыли черные силуэты людей. Две винтовки торчали, как мачты корабля. Кроме скрипа колёс о песок, ни звука. Мистика.

Павел потянулся ко мне и зашептал:

– Кто это? Может наши, партизаны?

– Может и наши, а может и полицаи, скоро рассвет...

– Никак нельзя нам на повозках ехать, – еле шевелил он губами, – «этих» можно было голыми руками потихоньку взять.

Третьи сутки в пути. Уже все втянулись, хотя груз на каждого большой: толовые шашки, патроны, запасные диски, питание к рации, оружие – на брата около двадцати килограммов. В сутки проходим 35 – 40 километров, для того

чтобы уложиться в отпущенные сроки.

Группа Петровича идёт налегке. По их «легенде» они беженцы с левобережья Днепра, бежали от надвигающегося фронта, боялись преследования «советов» за службу у немцев. Из дому успели только схватить по узелку с одеждой. По этой «легенде», в случае большой опасности, если нарвемся на немцев и придется принимать бой, они могут покинуть нас в любой момент и дальше двигаться самостоятельно. Их с нами связывает только то, что мы несём питание для их рации, и им желательно легализоваться южнее Казатина. Там «легенда» изменится. Наверное, это основное, почему мы их ведем по-партизански.

Очередная дневка наметилась в кустах возле деревни. Расположились всей группой кучно. Среди невысоких, но густых кустов можно было даже сидеть – нас не видно. Дежурство вдвоем – один может нечаянно заснуть. Мы наслушались от бежавших из плена рассказов: «заснули и очутились в плену». Главное было в маскировке, чтобы не заметили мимо проходящие. Местные жители по кустам не лазили, грибов и ягод тут не было, а немцы ездили только по дорогам, и здесь вдали от фронта боковые дозоры у них отсутствовали. Никто не мог предположить, что в невысоких придорожных кустах лежит группа партизан.

К заходу солнца все отоспались, понемногу зашевелились. Часовые за день ничего подозрительного не заметили. Стадо коров пригнало, жизнь в деревне замерла. Так или ина-

че, нам нужно туда зайти, чтобы собрать сведения, где стоят немцы и полицаи на следующем участке нашего пути, и раздобыть продукты.

Фашисты дали промашку, наложив большой налог на собак, поэтому их поубивали. Теперь собачьего лая не слышно, и партизаны без шума заходили в деревни. Обычно шли через огороды, мимо усадебных построек, потому что фрицы и полицаи ставили свои посты у околицы, на дороге.

В деревню пошли втроём. Степан тихо постучал в окно. Павел стоял в стороне от дверей с автоматом наготове. Неизвестно, кто появится. Дверь приоткрылась и испуганный женский голос воскликнул:

– Господи, кто там?

– Свои, молодка, русские, не бойся. Мы партизаны, – весело отозвался Степан.

– А-а, – облегчённо протянула женщина, – заходите.

Люди были напуганы войной и с опаской встречали поздних вооруженных пришельцев, потом оттаивали и провожали порой со слезами на глазах, как самых близких.

– В селе чужих нет? – дипломатично спросил Павел.

– Никого нет, немцы здесь не ночуют, – понятливо отвечала молодуха, – а полицаи наши ещё затемно уехали в соседнее село на престольный праздник. Днём они хлещут горилку, а ночью ховаются от партизан.

Мы переглянулись, это наверняка они встретились нам ночью на дороге. Степана оставили с говорливой хозяйкой,

он попросит у неё хлеб и какой-нибудь «приварок» для всех и выпросит всё, что она только знает. Я с Павлом пошли в соседний дом. Павел, если хозяева не угостят, так и уйдёт голодным, сам попросить постесняется. Еду мы доставали у нескольких хозяев. Их связывала общая тайна – за помощь партизанам расстреливали – и с другой стороны им легче было оторвать от себя немного еды.

Карасёв выдал нам несколько пачек немецких марок, чтобы мы не скупилась и платили за продукты и все услуги, особенно проводникам. Самое смешное то, что мы принесли все марки до единой обратно. Люди обижались, когда мы давали им деньги.

– Вы за нас жизнь отдаёте, а мы с вас плату брать будем? Что мы ироды какие?

Иногда мы предлагали немного соли, её брали; иногда оставляли тайком. Как-то раз паренёк догнал нас за околицей.

– Дяденьки партизаны, вы соль свою забыли в узелочке!

В той хате с маленькими детьми соли не было ни щепотки. Фашисты за соль требовали сдавать яйца.

– Это мы вам, хлопчик, оставили, для вас, – глухо произнёс Павел сразу пересохшим горлом.

Дверь у соседей была приоткрыта, и я сразу попал на кухню. Павел остался караулить у плетня.

– Добрый вечер, хозяева!

– Вечер добрый, дружно отозвались молодые голоса.

В хате заканчивали ужинать. Два парня – старшему лет шестнадцать – восторженно переводили взгляд с моего автомата на красную звездочку на пилотке.

– Сидайте с нами вечерять, – сердечно сказала пожилая женщина, – Паня, – кивнула она смуглой дивчине, – доставай деруны из печки и нарежай хлеб.

Они, видимо, достаточно разглядели нас в окно, когда мы стояли у соседней хаты и признали за своих.

– Спасибо, мамаша, если можно, я с собой возьму. У меня там товарищи за селом.

– А много вас? – спросила она и смутилась, поняв неуместность вопроса, – я к тому что, сколько хлеба вам дать?

Вы буханку дадите, соседи – нам и хватит.

Хозяйка присела на край скамейки, положила натруженные руки на стол. Глаза у неё погрустнели.

– Наши, красные, скоро придут? Житья совсем не стало, обобрали все проклятые, корова через пять дворов, забыли как куры кудахчут, детишки не знают, что такое сахар. Керосину нет, на лучину, как при царе Горохе, перешли. А теперь ещё всех хлопчиков и девчат в неметчину гонят. Когда же Красная Армия придёт? – Боль и горькая тоска звучала в ее словах.

– Красная Армия уже освободила Харьков и Полтаву, к Днепру подходит, а тут и до вас рукой подать. Хлопцев и девчат попрячьте. Да и до больших лесов от вас за день до-

бежать можно. Там в клунях уйма народу живёт, помогут.

Поворачиваюсь к хозяйской дочке:

– Тебе что в Германию хочется ехать? Насмотрелась на фашистские картинки, где свиньи с бантиками ходят? На немцев хочешь работать? Почитай, что пишут оттуда обманутые девушки, как над ними немецкие бауэры измываются, как руки на себя накладывают за надругательство.

Девушка заливается огнём, как маков цвет, и сквозь слёзы шепчет матери:

– Я же тоже самое говорила вам, мамо!

– Если не поедешь, то обещали хату спалить, зима на носу, где с малолетками жить будем?

Во мне накипает злость:

– Что вам хата дороже родной дочери? Люди сами запаливали свои дома и уходили в лес. На нас свалите – были партизаны и забрали дочку! Ждёте Красную Армию, а детей в кабалу в Германию посылаете? На фашистов работать. Муж ваш где?

– Чоловик мой и сын старший ушли в сорок первом, по мобилизации, – тихо отвечает женщина.

– Они вернутся и спросят вас: «где дочь?», «где сестра?» Что им ответите?.. Нечего ответить будет. Прощайте! Дерунов мне ваших не надо и хлеба не надо, раз собираетесь родную дочь на каторгу посылать!

Выхожу к Павлу. Солнце залезает за горизонт.

– На закури, – Павел протягивает кисет, – что там случи-

лось, повздорили?

– Так, поговорили о смысле жизни. Пошли в другую хату.

Вдруг во двор выскакивает хозяйка, за ней дочка с узлом в руке и бегут к нам.

– Товарищи, не обессудьте меня неразумную, возьмите себе и хлопцам вашим. Дочке на дорогу приготовили колбаску и пирожков с бульбочкой напекла, – она, придерживая юбку двумя руками, топает ногой и поднимает голову, – не пушу дочку на чужбину в неметчину!

Киваю Павлу:

– Разберись с ними, – и выхожу на улицу.

За плетнём слышу вкрадчивый голос женщины:

– Серьёзный у Вас командир, горячий, но справедливый, сразу видно, что партийный. Председатель наш такой же был, повесили его злодеи.

Павел не поясняет, что мы только комсомольцы, слышу, как он убеждает её поговорить с соседями, чтобы молодёжь не ехала в Германию. Павел посеял правильную идею.

По обочине улицы рядом с девушкой идёт сияющий Степан, в руке у него объемистая торба.

– Товарищ командир, – у нас принято называть друг друга по имени, он явно выкамаривается перед девицей, – проводника хорошего нашёл, возьмём с собой?

Кивком отзываю его в сторону:

– Где проводник? Кто просил тебя его искать?

– Так вот же: Тоней зовут! Доведёт нас куда надо, до вой-

ны агрокурсы здесь кончала и всё в округе знает – где балка, где тропка полевая, где ложбинка...

– Ты больше смотришь на ложбинку у нее на груди, а кто она такая, где ты её взял? Или она сама тебя нашла?

Степан смущается, он знает, что поспешил и не оправдывается. Оказывается, это сестра хозяйки, куда мы постучали вначале. Ночует в картофельной яме, прячется от неметчины. Проводника всё равно надо брать, пусть будет эта девушка.

– Белый платок на свадьбу надела, что ли? Ночью за километр увидят! И ботинки-то есть у тебя?

– Я зараз обуюсь и платок чёрный накину! – бросается она к себе в дом.

– Может возьмём её в отряд? Девчонка боевая, медкурсы кончила, раненых перевязывать будет, – гнёт свою линию Степан.

– А агрокурсы, медкурсы кончила, может и снайперские тоже? – добиваю я его, – забыл, что Карасёв сказал: «девушек приведете – в отряд не пушу!»

– Так это он тебе шутя сказал, – заулыбался Степан.

– Мне может и шутя, а тебе всерьез: знал кого посылает.

После сытного ужина – нам сегодня повезло – приступаем к вечернему инструктажу перед дорогой. Этой ночью мы идём с проводником, но порядок движения остаётся обычный, только не Павел, а проводник пойдёт за мной. Напоминаю всем, что по одиночному звуковому сигналу: свисту пти-

цы, все останавливаются, замирают и слушают, по двойному – немедленно тихо принимают вправо и залегают. Никаких клацаней предохранителями. Тишина – это ночная маскировка. Ночью на марше и на привалах запрещаются разговоры и курение. Огонёк спички или зажигалки виден на пять километров, а кресало слышно за двести метров. После сигарки резко ухудшается зрение. Если кому надо остановиться, должен подать одиночный сигнал остановки – свист птицы.

– Огонь открывать только по моей команде, не будет меня, скамандует Павел. Нас мало, пусть стреляет весь белый свет, а ты лежи и слушай. Ночь и тишина – наши друзья, в темноте можно всюду проползти и пройти незаметно, только без шума. В бой нам ввязываться не к чему, не та задача.

Прошу Павла отойти с проводником в сторону. Подробно рассказываю о месте встречи в случае разрыва группы в пути. Обычно намечаю опушку леса с какой-нибудь стороны деревни, западной или восточной, чтобы легче было сориентироваться. Карта и компас только у меня, так что приходится рассчитывать на солнце. Наступили дни осеннего равноденствия, солнце всходит точно на востоке, а садится на западе. Деревню же укажет любой житель, да и где солнце заходит покажет, если небо заждит. Искать стороны света по пням, одиночно стоящим деревьям, мху, летящим птицам можно только держа компас, а то забредешь туда, где Макар телят не пас.

Проверяю, у всех ли спущены затворы и поставлены на предохранитель автоматы, чтобы не произошло случайного выстрела при падении автомата прикладом вниз. Все подпрыгиваем несколько раз на месте. Подходит Павел с проводником Тоней.

– Что с ними случилось? Что они скачут? Удивляется она.

– Проверяют, не бренчит ли и не звякает что-нибудь в мешке или на поясе, – поясняет Павел.

За ночь отмахали свыше тридцати километров по прямой. Тоня молодец, местность действительно знает. Вела нас по полевым дорожкам, обходила селения, находила брод через речушки.

Днёвку выбрали в заросшем овраге. Впереди была река Тетерев, первая большая река на нашем пути. Речкам и речушкам мы потеряли счет. Двое-трое снимали сапоги и переходили на другой берег, там обувались и осматривались кругом, только после этого переправлялись остальные.

Проводника Тоню оставили дневать с нами. Вначале она обиделась за проявленное недоверие, так оно и было. Незнакомых проводников всегда отпускали вечером, перед своим уходом с места днёвки, когда наши пути расходились в разные стороны.

Отдежурили с Иосифом свою обычную первую смену, но всё равно не спится. Антон похрапывает, тогда толкаю его в бок. На фронте в разведку храпунов не брали.

Клава и Тоня тоже не спят. Шепчутся.

– Что делать, если тебе на улице идёт навстречу немец, просто пройти мимо или улыбнуться, поздороваться? – спрашивает Клава.

Тоня что-то отвечает. Меня это не интересует, у нас только один разговор с фрицами, как сказал поэт:

«сколько раз увидишь его,
столько раз его и убей!»

Клава умница, использовала возможность поговорить с человеком, сталкивающимся с врагами. Она напоминает мне Людмилу, дорогую школьную подружку мою. Такие же каштановые волосы, коротко стриженные, ямочка на щёчке и нежная, милая стеснительная улыбка.

Если бы не эти проклятые фашисты... Пройтись вечерком по тихому Арбату, посидеть во вновь открытом кафе напротив театра Вахтангова, посмотреть «Принцессу Турандот», но у нас другая участь – война и «где-то в лесах и болотах, в руках с боевым автоматом, молодость наша прошла...»

Пора объявлять подъем, солнце подошло к горизонту. Можно отпустить проводника Тоню. Она грустно уходит назад, домой. Степан не уговорил меня взять её в отряд. Ребята смеются, глядя на его вытянувшееся скорбное лицо.

Очередной инструктаж, как переходить грунтовую дорогу задом наперёд, чтобы запутать следу. Человек, идущий спокойно, делает упор на пятки, а носком немного загребаёт за собой.

– Не загребайте пяткой, делайте шаги покороче и выше

подымайте ноги, тогда никто не поймёт, что шли пятками вперед. Когда идём вдоль дороги, идите рядом по тропке — она твёрже, и на ней не остаётся следов.

С переправой задержались до полуночи. В селе по соседству шла какая-то гульба. Реку Тетерев перешли по доскам, положенным на обгоревшие сваи. Перешли удачно: никто не испугался. Антон, на всякий случай, скинул за собой все доски.

Рассвет застал нас на луговой дороге у реки. Лес виднелся совсем рядом, но перед ним торчал болотистый луг, который, как мы ни пытались, перейти не могли. Мы тащились, увязая в раскисшей дороге. Пот лил в три ручья. Мы очень торопились, но ноги с трудом вылезали из грязи. Каждый шаг стоил десяти. Кони давно бы пристали, а мы без остановок шли и шли.

Солнце уже всходило над лесом. Белыми кубиками засияли мазанки на другом высоком берегу реки. Плотной пеленой стелился утренний туман. Над ним плыли наши головы, как кочаны капусты. Мы спешили к лесу пока не рассеялся туман. Ходьба по трясине напоминала игру, в которой участников сажают ногами в мешок, завязывают его на поясе и начинают «скачки». У нас происходило нечто похожее.

Наконец дорога поворачивает в сторону от реки. Мы поднимаемся на пригорок и, не снимая вещмешков, валимся на землю. Какое блаженство лежать на сухой траве и смотреть сквозь ветки деревьев на проплывающие облака.

Возвращается ходивший в разведку Павел:

– Впереди метрах в ста, наезженная автомобилями дорога, надо пересечь её, пока не началось движение. Николай остался там наблюдать.

Дорогу пересекаем след в след. Антон задерживается. Днём мы перебрасываемся короткими фразами, чего не допускаем ночью.

– Ты что там колдуешь? – оглядывается Иосиф.

– Посыпаю следы табаком, чтобы овчарки не порвали твои штаны, – откликается Антон.

Углубляемся подалее от шоссе в лес и останавливаемся на большой привал. Все очень устали после болота. Раскладываем на траве для просушки портянки. Волка ноги кормят, нам они нужны еще больше.

ежу закрыв глаза, сна нет. Лёгкие шаги Клавы.

– Марат, ты спишь? – тихо спрашивает она.

– Сплю...

– Нет не спишь, почему вы мне не доверяете?

Это что-то новое. Клава иногда ставит нас в тупик своей «железной» логикой.

– Меня ни разу не назначили на пост! Кроме своего маленького узелка я ничего не несу: я вижу, с каким трудом вы поднимаете на плечи свои мешки. Я иду в середине, меня все опекают! А ночью, на болоте, Петрович отобрал даже рацию и несёт сам.

– Стоп, стоп, – прерываю я её вовремя, – рацию взял Пет-

рович, он твой начальник и поступает, как находит нужным. А на посту стоять тебе нельзя – ты несовершеннолетняя! – травлю я напропалую, может поверит.

Клава удивленно смотрит своими красивыми глазами, она обескуражена. Готовые скатиться с её глаз капельки просыхают.

– Марат, можно я лягу к тебе? – она своими неожиданными предложениями может загнать в тупик любого, – мне холодно, у меня только лёгкое пальтишко. Видишь, все спинами жмутся друг к другу – и им теплее. Я, наверное, краснею.

Осторожно оглядываюсь на дремлющих рядом Степана и Иосифа, если они неверно поймут эту просьбу замерзающего человечка, то не дадут мне житья своим острословием.

– Клава дело говорит, – поднимает голову Антон, – сентябрит здорово, по утрам иней, это только ты можешь спать на снегу, а ей холодно.

– Ты не бойся, – ободрённая словами Антона торопится Клава, – я тихонечко сплю, не храплю, как Антон.

Что мне оставалось ответить этой девушке, которая обещала не храпеть?

Ночью из-за болота прошли только половину намеченного пути. По этому большому сосновому лесу, где мы отдыхаем, можно идти и днём. Показываю, как лучше идти с теневой стороны деревьев, не отсвечивать на солнце; пересекать по опушке поляну, не наступать на сучки. Всё было бы гораздо проще, если бы в юности все прочитали Майн Рида, Фени-

мора Купера или Луи Буссенара.

По карте до железной дороги остаётся меньше километра. Ещё светло. Можно сходить на железку, понаблюдать движение патрулей. Время у нас есть. Доносится тонкий протяжный свисток.

– Что это? – прислушивается Николай, – свисток судьи? Немцы в футбол играют?

– Это паровоз, – поясняет Павел, – у фрицев вместо гудка воткнут свисток.

С Антоном уходим посмотреть на железку. Странно, лес подступает почти вплотную к выемке железной дороги. В белорусских лесах по обеим сторонам дороги вырублены деревья на двести-триста метров.

Через кусты видим, как взад и вперёд проходят патрули. В бинокль рассматриваю бункер с щелью для пулемёта. Недалеко от наших кустов парные патрули встречаются, закуривают и расходятся в разные стороны.

Антон шепчет:

– Здесь, где они встречаются, хорошо переходить дорогу, когда они повернутся друг к другу спинами. Между ними и проскользнуть. Собак не видно.

Стемнело. Вступили в свои права ночные порядки. Потихому идём к железной дороге. Чувства у всех обострены. Обходим сломанное дерево. Остаётся до дороги метров сто.

Вдруг над головой раздаётся леденящий душу крик. Невольно все бросаемся на землю. Подползает Антон.

– Командир, не теряй времени, пошли дальше. Это птица кричала.

– А я думал медведь заорал. Кто там закурил? Чуешь дым. За это голову надо оторвать.

– Командир, это не наши, это чужие, – отзывается Антон, – табак лёгкий, не махорочный. И тянет слева, днём просеку там заметил.

Доносится приглушенный разговор. Очевидно немецкая засада или пост. Поднимаемся и отходим в сторону. Хорошо, что мы идём по азимуту, а не по просекам.

У железки Николай принимает немного влево, а Иосиф вправо с гранатами наготове. Если вынырнут патрули, они их оглушат и ослепят гранатами. Фрицы не поймут, в какую сторону мы побежали.

Но всё проходит спокойно. Дожидаемся очередного состава, и не успевает исчезнуть в ночи последний вагон, как мы все разом, цепью, переходим на другую сторону дороги.

Когда пойдём обратно, в этом месте удобно будет поставить мину и сделать фрицам карусель из вагонов. Небольшой виадук закупорит движение в обе стороны минимум на сутки. Хотя фрицы здорово насобачились разбирать завалы из вагонов.

Всю ночь идём лесом. Тишина ничем не нарушается. Опять попадаются мелкие речушки и канавы. В одной из них делаем большой привал с перекурком. От железки ушли далеко.

Иосиф прикуривает под плащ-палаткой и ворчит:

– Не предупредили заранее, какой будет сигнал тревоги, от того крика и сейчас, как вспомню, кровь в жилах стынет. Тарзан в американском фильме слабее кричал.

Антон старается не смеяться и начинает икать. Толкаю его рукой. Не хватает, чтобы он рассказал о происшествии.

Проходит седьмая ночь пути.

Вечером следующего дня выходим к селу Крымок на правом берегу Тетерева. Все ребята остаются на опушке леса. В село идём вдвоем с Павлом. Село скученное, хаты теснятся друг к другу. Подходим к ближайшей к лесу хатёнке.

– Здоровеньки булы! – приветствую хозяев.

Стоящий у печи старик испуганно смотрит на звездочку, хватая со стола большую краюху хлеба и суёт ее мне в руки.

– В селе полно германа, только у нас нет, тикайте, – скороговоркой произносит он.

– Спасибо, отец, – успеваю ему сказать и выскакиваю во двор. – Паша, ноги в руки, за мной!

С опушки в бинокль рассматриваем селение. За домами густыми яблонями вдоль улицы растянулась колонна покрытых зелёным брезентом автомашин. Нас чуть не подвела тишина в деревне. На улице никого нет. У фрицев время ужина.

Восьмая ночь в пути. Позади остались реки Белка, Здвиж, Ирпень. Форсировали ещё одну «железку». Идём полями и оврагами – лесов на этом отрезке пути нет. У партизан

к опасности явно пренебрежительное отношение. Это даже проскальзывает в словах, названиях. Железная дорога, тщательно охраняемая немцами, всегда представляет опасность: при переходе или при минировании её называют снисходительно – «железка». Шоссейная дорога – «шоссейка», злобствующие полицейские получили презрительное название «полицаи».

Вчера чуть не нарвались на украинских националистов – бандеровцев. Шли ночью, лесом. Вдруг Николай Полищук подаёт сигнал тревоги и внимания.

– Смотрите, – он протягивает руку, – впереди, слева, огни костров. Насчитываем около десяти костров. Немцам в лесу ночью делать нечего – они его и днём боятся. Соблазнительно отдохнуть в партизанском отряде, но что-то слишком много костров. Местные отряды здесь небольшие, человек по двадцать-тридцать. Даже если один костёр на отделение, на семь-десять человек, то всего получается около ста человек, а если костёр на взвод? Скорее всего это бандеровцы, о которых предупреждал командир отряда.

Под прямым углом уходим в сторону метров на пятьсот, там снова поворачиваем и продолжаем идти по азимуту. Движение без дорог и просек, хотя и тяжелее, но оправдывает себя.

Вечером Иосиф и Дмитрий возвращаются из разведки в ближайшее село. Уходили они надолго.

Дима рассказывает:

– Жители со слезами говорили, что в лесу находится большой отряд бандеровцев. Немцы о них знают, но ничего не предпринимают. Бандиты открыто приходят в село и грабят. Третьего дня они увели из села двух учительниц-комсомолок. Прямо на опушке изнасиловали их – крики слышны были – и убили. Сегодня односельчане похоронили девушек.

Днёвку наместили провести в кустах на берегу речки Унава. Под утро вышли на шоссейку, идущую на Попельню, и увидели зеленую рощу. Листья еще не окрасились в багряный цвет осени. Вдруг у рощи натыкаемся на столб с большой доской: Achtung! Minen! – Внимание! Мины! Как-то сразу возникает решение: лучшего места для дневного отдыха не найдёшь нигде. Никто в этот лес не сунется. Силком не затащишь!

Нам, четырём минёрам, плевать на какое-то минное поле. Уходим в дубраву подальше от шоссе. Тщательно осматриваем землю вокруг деревьев – под корнями наверняка мин нет – но всё равно ощупываем шомполами все подозрительные места. После этого спокойно раскладываемся.

Среди минных полей и фугасов в предгорьях Кавказа мы с Павлом тоже чувствовали себя спокойно. Немцы там не прошли.

– Марат, ты подрывался на mine? – неожиданно влезает в мои мысли Клава.

– Кто тебе это сказал? Я пока живой.

– Мне Павлик про тебя рассказал.

– Ну, если Павлик рассказал... Однажды про Марк Твена тоже сообщили, что он умер. Он написал опровержение, что сообщение о его смерти «несколько преувеличено». Так и то, что я подрывался на mine несколько преувеличено.

– А это очень страшно?

– Да, по крайней мере, радости мало.

Смотрю на славную девушку, и мне вспоминается Юлия Костюченко. Три месяца она смогла проработать разведчицей, прежде чем её схватило гестапо. Она успела передать важные сведения. Ей было только двадцать лет, когда она погибла. Юля говорила мне, что ей страшно идти в оккупированный Киев. Я сказал ей тогда, что никто ведь насильно не заставляет идти. Она даже удивилась и ответила, что только она может выполнить это задание, что много людей работало над операцией, и документы привёз я, их не доверяли грузовому парашюту.

Юля не знала стихов Назыма Хикмета, они ещё не были написаны, но написаны они и о Юлии Костюченко:

«Если ты гореть не будешь,
Если он гореть не будет,
Если я гореть не буду,
Так кто же здесь рассеет тьму?»

Клаве только семнадцать лет, она красивая девушка. Через несколько дней она будет в городе, где находится ставка

Гитлера, где свирепствует гестапо. Там очень страшно. Там враг может просто так взять и оскорбить, обидеть. Клава тоже идёт рассеивать тьму.

– Марат, у тебя была девушка, она погибла под Сталинградом?

– Да, мы вместе росли и учились. Люда выносила раненых, и немцы её убили... Так мне написали ее подруги.

– Я этого им никогда не прощу, – шепчет Клава.

Подходят Николай и Иосиф, они обходили дубраву.

– Роща довольно длинная, тянется километра на два, но не шире пятисот метров. Обнаружили два минных участка, обозначили их ветками, – докладывал Николай, – на южной опушке стоят наши сгоревшие танки.

– Где-то здесь, возле Попельки, – вставляет Дмитрий, – мне рассказывали, что в июле сорок первого наши пограничные части остановили фашистские танки, рвавшие к Киеву. Больше сотни пограничников похоронено местными жителями в братской могиле, но фашистские танки не прошли.

Решаем перейти на юго-восточную сторону рощи, чтобы вечером не идти по минам. Порядок движения несколько меняется. Впереди пойдут Павел и Николай. Их груз распределяем между остальными. Им надо быть собранными – они поведут группу через минное поле. Мешки им могут мешать.

– Ступать строго след в след, как на болоте. Выдерживать дистанцию, – наставляет Павел, – по сторонам не смотреть.

Кругом никого нет, мы в запретной зоне. Не оглядываться. Всё свое внимание только на след впереди идущего.

Двигаемся не спеша. Где-то в траве притаилась громкая смерть. Рыжеют пятна земли, даже на третье военное лето на минах не выросла трава. Проходим мимо двух черных воронок. Это недавно сработали мины от упавшего дерева или лесного зверя. Напротив танков Павел останавливается. Краска на них сгорела, и они побурели от ржавчины. Взорвавшихся танков нет. Они бились до последнего снаряда и сгорели подбитые.

Мы снимаем пилотки. У Стефании в руке полевые цветки.

– Можно мне подойти к танку?

– Нет! – резко поворачивается Павел, – там, возле них могут быть мины.

Стефания кладёт букетик у своих ног. Мы идём дальше.

Фашистских танков и орудий нет. У них приказ свою разбитую технику немедленно убирать, чтобы не виделось население. Они якобы потерь не имеют, а нашу, наоборот, оставлять для показа. В сорок первом году фашисты везли пленных взад и вперёд по дорогам, создавая видимость их большой численности.

Останавливаемся под развесистым дубом. Будем отдыхать до вечера. Расщепленные снарядами верхушки деревьев белеют в лучах солнца, как кости исполинских животных. Потом, со временем, они потемнеют и зарастут мхом. Рядом

сидят Павел и Клава, остальные, кроме часовых, выдвинутых в сторону края леса, спят.

– Не могу спокойно проходить мимо воронки от мины, – вполголоса рассказывает Павел, – в глазах стоит гибель нашего друга Расула Романадзе, грузина родом из Гори. На последней мине в танковом проходе подорвался. Уже кончал разминировать. Поднялся кверху черный столб дыма, разошёлся в небе грибом, улетела душа минёра. Собрали мы вокруг останки его, завернули в плащ-палатку и похоронили в той же воронке. Пригладили своими короткими лопатками холмик и воткнули шест с железной звездой. Прощай Расул...

Десятая ночь в пути. На карте у меня наколото иголкой десять отверстий. Значит сегодня двадцать пятое сентября. Под утро на одном из привалов ко мне подсел Петрович.

– Можно нам поговорить?

– Да, только в четверть голоса, шёпотом.

– Утром я от вас уйду. До станции Зарудинцы будет километров семь, доеду до Казатина, а там в Винницу. Мне пора легализоваться, да и признаться устал, годы не те. Ведь прошли свыше двухсот пятидесяти километров, так?

– Так. То-то вы вчера так долго над картой сидели.

– Я смотрел откуда ближе выйти на железнодорожную станцию. Моих девушек доведёшь до реки Десна, как рассветёт, я покажу на карте. Тут не та Десна, что начинается под Ельней. Выберешь место для тайника, где спрячете рацию

и питание к ней. Посоветуйся со Стефанией, она у меня мастер по этой части. Потом кто-нибудь за ними приедет. Виктору Александровичу и Михаилу Ивановичу передай, что я доволен провожатыми.

Когда рассвело, он простился с нами и ушёл. С Петровичем мы больше никогда не увидимся.

Задневали в кустах у реки Руставица. Лесов ни на карте, ни в натуре нет, но кусты хорошие. Слышно, как на шоссе завывают двигатели немецких автомашин.

– Подвинься, Марат, накроюсь моим пальто, – просит Клава, – здесь сыро.

Уходящий на пост Степан останавливается, глаза у него становятся похожими на лягушачьи – выпуклые.

– Иди, иди, – подтолкнул его Иосиф, – тут не то, что подумала твоя дурья голова.

Одиннадцатая ночь в пути. Идём по азимуту напрямик через поле. Попадают неглубокие овраги. Дмитрий эти места немного знает. Проводников не берём и в селения не заходим, чтобы никто не знал, что мы находимся в этом районе. Осенняя темная ночь. Идём так, чтобы видеть спину товарища.

– Стой, кто идёт! – вдруг раздаётся негромкий, но по уставу чёткий окрик.

Спиной чувствую, как наши мгновенно ложатся, чуть слышно щёлкают предохранители автоматов. Это не по инструкции, но мы обнаружены.

– Не стреляйте, – слышен тот же голос, – мы свои, русские. Мы бежали от немцев.

Интуитивно меня успокаивает этот приглушенный возглас. Враг бы закричал громко, надеясь испугать, ошеломить, а себя ободрить. Тут наоборот, говорят тихо, вкрадчиво.

– Мы партизаны. Один ко мне, остальные на месте, – придерживаюсь я уставного обращения.

Подходит долговязая фигура в длинной шинели с винтовкой на плече и поднятым воротником.

– Сколько вас? – спрашиваю строго.

– Четверо. Пленные мы, как получили у них оружие, так и бежали. Пятый день блукаем, куда ни пойдём, всюду натываемся на железную дорогу, наваждение какое-то.

– Я возьму его на нож, а ты в остальных кидай противотанковую, – шепчет мне на ухо незаметно подошедший Иосиф.

– На, бей, – долговязый распахивает шинель, у него очень хороший слух, – от своих приму смерть, не отшатнусь. Эх, плен...

Винтовка у него соскальзывает с плеча и падает на пахоту. Он стоит высокий, худющий, с опущенной головой и висящими, как плети, руками.

Я ему поверил, сразу, без оглядки. Так бывает.

– Подними винтовку и зови сюда остальных.

– Робята, идите ко мне, – негромко окает он в темноту.

Слышен топот сапог. Они выстраиваются рядом с длин-

ным. Винтовки у ног, штыков нет. У одного за спиной сидор.

Павел идёт туда, где они сидели. Там никого и ничего нет. Отходим с ним в сторону, решаем, что делать с «казачками». Иосиф стоит напротив них. Он исподлобья сверлит их своими холодными глазами. Для него нет проблемы плена, омсбоновцы в плен не сдавались, только смерть вырвет из рук оружие.

– Где попали в плен?

– Под Вязьмой в сорок втором, мы из тридцать третьей армии, не смогли выйти из окружения.

– Друг друга хорошо знаете? Чужих среди вас нет?

Земляки мы, с одного района, вологодские.

– Вот что, товарищи, – они заметно подтягиваются от этого слова, – мы вас возьмём к себе через три дня. Нам надо кое-куда сходить. Посидите в балке, едой мы поделимся.

– Пропадём мы без вас, по нам уже стреляли, – уныло тянет долговязый, – степи здесь кругом, патронов у нас по одной обойме, пропадём.

– Они точно пропадут, – цедит сквозь зубы Иосиф, – или снова в плен полезут.

– В плен мы больше не попадём живыми, нахлебались, – быстро отзывается долговязый, – так порешили меж собой.

– Хорошо. Винтовки разрядить, патроны сдать мне. Пойдёте впереди, не оглядываться. Подадите какой-нибудь сигнал – стрелять будем без предупреждения. Вот он, – показываю на Иосифа, – пойдёт за вами.

– Он выстрелит, – бурчит долговязый, – и ножом ударит, непримиримый, – в его голосе, по-моему, звучит одобрение.
– В дороге не разговаривать, не курить. По сигналу тревоги – свисту птицы – ложиться и не дышать. Если сами, что увидите, свистните тогда, но тихо.

По команде длинного они без слов разряжают винтовки, патроны вкладывают в обоймы и отдают ему. Мне эта дисциплина нравится. Нагружаем «казачков» двумя вещмешками с взрывчаткой и коробками с автоматными патронами. С ними не убежишь. Пусть несут по очереди. Нам надо торопиться, каждая минута рассчитана. На «переговорах» потеряно полчаса.

С Дмитрием уходим вперёд, за нами «казачки» и Иосиф, за ним остальные. За те дни, что мы идём, ночь прибавилась почти на час. Восход солнца в половине седьмого. Впереди начинает проглядываться куча деревьев, на карте у меня нет. Близко речка Россь – цель нашего ночного марша, там днёвка.

– Это сельское кладбище, если нет похорон, то место хорошее, – вслух подумал Дима.

Мы поворачиваем на кладбище. Место тихое, укромное. За кладбищем в низине пруд, за ним в одну улицу растянулась деревня. С восточной стороны кладбища пологий склон до густых кустов, цепочкой уходящие в даль. За кустами течёт Россь. Стефания и Клава гуляют между могилок. Хотя мы на холме и снизу нас не видно, прошу их не маячить. Они

подходят ближе. В стороне Иосиф допрашивает «казачков». Те не подозревают, сколько нас.

– Марат, скажите, пожалуйста, далеко отсюда до Винницы? – у Стефании мелодичный голос с каким-то западным акцентом, за всю дорогу она ни с кем, кроме Петровича, не перекинулась и словом. Только раз она спросила разрешения положить цветы на железную могилу наших танкистов.

– По дорогам, Стефания, около сорока километров.

– Так это же прекрасно, – она оглядывается и тихо продолжает, – здесь идеальное место для тайника. Сюда можно приехать на фурманке «навещать усопших родственников» и вывезти питание и рацию.

Павел уходит со Стефанией и Клавой делать тайник. На кладбище ведёт только заросшая дорога со стороны деревни. Там на посту залегли Николай и Степан. На восточной стороне – Антон. Иду к Иосифу. Он по одиночке вызывает «казачков» и бегло опрашивает. Остальных караулит Дмитрий.

– Допросил троих, длинного оставил тебе. Ответы у всех в основном сходятся. Вместе попали в окружение, вместе пошли в плен – кончились боеприпасы. Мыкались по лагерям, как земляки держались вместе.

– Давай «потрошить» долговязого по линии: как достали они винтовки и как вместе удалось бежать. Он умный, но перенервничал, понимает, что сейчас решается их участь, ночью была только отсрочка. Пошли приведем его.

Долговязый сидит, уткнув голову в руки, лежащие на ко-

лениях. Меньшой протирает винтовку, а двое других «рыжий» и «усач» спят, обняв винтовки. Мы пока, по-своему, так окрестили их. Долговязый вскакивает. Иосиф прижимает палец ко рту.

Отходим немного и садимся на могилки. Мертвые нам простят. Мы не по своей воле устали. Мы – солдаты.

– Расскажите с того момента, как стали власовцем.

Он начинает говорить. Сначала у него дёргается щека. «Власовец» – это синоним подлейшего предательства. Он это понимает. Он спешит обо всём рассказать. Вдруг, раздаётся винтовочный выстрел! Пуля тонко осой пропела над головами. Метнулась фигурка Клавы. Она ногой вышибает винтовку из рук «меньшого» и направляет на него свой маленький пистолет.

– Марат, он стрелял в тебя, я не успела предупредить выстрел – это произошло так внезапно.

– Давно пора кончать с ними, – изрекает Иосиф и берётся за финку, – сейчас нагрянут фрицы, он им знак подал.

– Не может быть, не может быть... – бубнит долговязый.

– Что «не может быть», что ты долдонишь, гадина продажная! – вырывается у невозмутимого Павла.

– Не может быть, чтобы он знак подавал, у него родной брат на фронте убитый, – торопится сказать долговязый.

– Павел, свяжи их по рукам и ногам, пусть Иосиф поможет тебе, – потом забирай девушек и иди на ту сторону кладбища, к Антону. Как у нас начнётся бой, уходите вчетвером

за реку. Возьми взрывчатку, отомстишь за нас пару эшелонами. А мы тут фрицам весёлый концерт устроим. Иосиф, с первыми выстрелами кончай их... и приходи к нам на пост. Тайник не заметил? – шепчу Павлу.

– Нет, всё в порядке. Мы с Антоном проводим Стефанию и Клаву за реку и вернёмся к вам.

– Не смей! Возьми мою планшетку с картой и веди их до самой Десны, как договорились с Петровичем.

Подхватываем с Димой сумку с гранатами и спешим на пост. Встречаю взгляд широко раскрытых глаз Клавы – киваю ей, прощаться некогда.

Николай в бинокль рассматривает деревню. Степан, лёжа на спине, курит и рукой развеивает дым.

– Что там, зашевелились фрицы?

– По-моему, там нет фрицев. Две бабы полощут в пруду рядом. Фрицы бы сейчас готовили завтрак и голые с полотенцами гонялись бы друг за другом, а тут ни души. Вон стадо пасётся.

– А никто с того конца деревни не выезжал?

– Нет, отсюда, как на ладони, всё видно. Ты про выстрел беспокоишься? Они его не слышали – ветер с их стороны. Как раз бабы подошли. Степан у меня бинокль попросил, думал они купаться будут. Так они даже голову не повернули.

– Это верно, – подтверждает Степан, – Коля мне не дал его, сам внимательно смотрел. А кто стрелял, зачем?

– Это «меньшой» пальнул из винтовки, – отвечаем Дмит-

рий.

– Никого не задел? – отрывается от бинокля Николай.

– Нет, – продолжает Дмитрий, – и мне кажется, что он выстрелил случайно, – если бы видели его глупо-испуганное лицо, то расхохотались бы, будь другая обстановка. А сейчас Иосиф собирается отправить их к праотцам.

– Ну, и правильно, случись здесь немцы, и подуй ветер в другую сторону, хана нам, – говорит Степан.

Ещё час лежим и наблюдаем за деревней. Кажется, пронесло. Можно идти успокоить всех. Дмитрий тоже остаётся на посту. В случае чего кто-нибудь прибежит предупредить заранее.

Наши сидят у толстого тополя. За рядом могилوک валяются связанные «казачки». Павел протягивает мне винтовочную гильзу.

– Посмотри на капсулу, двойной след от бойка, патрон был стреляный, с осечкой. Этот балбес носил его, как игрушку, хотел фитиль сделать. Фрицы после караула отбирали у них патроны по счёту.

– Так какого же лешего он запихал его в патронник и поднял тревогу? Он понимает, что появишься немцы – ему первая пуля будет? Это ты ему фонарь повесил?

– Нет, мы не успели связать их, как старшой их врезал ему и сказал: «будешь знать, за что нас свои расстреляют». Патрон запихал в патронник играючи. Плакал и просил: «убейте меня, а товарищей моих простите, не виновные они».

– Когда вязали их, они возражали?

– Нет, а «рыжий» и «усач» от выстрела даже не проснулись, когда разбудили их, старшой сказал им, что такой приказ, и они без звука протянули руки назад.

– Напиши, Павел, на листке партизанскую клятву, пусть каждый, прочтёт и подпишется, а потом покормите новых партизан. Они три дня не ели ничего – ещё в ящик сыграют.

– Как хорошо, что им оставили жизнь, они столько мук перенесли в плену, восклицает Клава, – я слышала их судьбу.

– Иосиф, кто это размахивал пистолетом и шумел, что кого-то, не дожидаясь, сразу убивать надо, – с удивлённым выражением лица спрашивает Павел.

Клава краснеет, но храбро отвечает:

– Да, это я говорила, но ведь оказалась ненамеренная оплошность, случайность, и всё кончилось благополучно.

– Они за свою измену должны кровью в бою заслужить право на жизнь, – резко выдыхает Иосиф, – у нас нет прав даровать им жизнь.

– Но вы можете дать им возможность искупить вину.

– Попробуем, хотя в окружении под Вязьмой такие возможности были, – Иосиф поворачивается к Павлу, – это, Паша, только кажется, что все пули летят в Марата.

Клава краснеет ещё больше, пора спасти её от шуток.

– Иосиф, ты бы сходил проведаль Антона, у него курить нечего, да и менять его пора.

День проходит в напряжении, но спокойно. Вечером, ко-

гда наступили сумерки, Павел и Дмитрий отвели казачков за километр от кладбища и нашли им убежище в густых кустарниках на берегу реки. Оставили им немного еды, по гранате на человека, и Антон «пожертвовал» сотню патронов для винтовки. Долговязый даже заулыбался от радости. Строго наказали им, чтобы по кустам не бродили, а сидели на одном месте. По воду спускались к речке только ночью. Спали по очереди, чтобы их не взяли, как сонных щенят.

Обещали на третью ночь за ними зайти. По нашему свистку они вылезут из кустов и пойдут к нам – не искать же их ночью в кустах. Долговязый, после выстрела, не просит сейчас брать их с собой, но всё же напоминает не «забыть» их. Откровенно высказываю ему мысль, что всякое может случиться, пусть ждут четыре ночи и потом уж двигаются сами строго на север, на Полярную звезду. Через пять-шесть ночей дойдут до больших лесов. Дальше идти берегом реки Тетерев, на северо-восток, вниз по течению, суток пять, до деревни Леоновка. Там помогут найти партизан. За едой заходить в деревни только на закате, двоим подстраховывать отход. Остальное по разумению, не дети.

Недалеко от «сидения» казачков прячем взрывчатку – зачем нести туда-обратно на последнем переходе.

Прощание с разведчиками

Двенадцатая, последняя ночь пути вместе. Петрович «подарил» нам два ночных перехода, назначив конечным местом следования берег Десны недалеко от Прилук. Идти удивительно легко, после того, как мы сбросили груз батарей для радиостанции и толовые шашки. Привычный, повседневный запас патронов в шесть-семь килограммов кажется невесомым.

Эта ночь проходит без всяких осложнений. К утру выходим к неширокой Десне – притоку Южного Буга. Залегает на днёвку в ивняке недалеко от деревни. Мы наблюдаем за ней. После полудня туда пойдут Стефания и Клава на легальном положении. Позднее мы зайдём в хату, где они попросят ночлег. Если у них всё в порядке, они промолчат, если их надо «увести» оттуда, то они спросят, который час. Такая последняя между нами договорённость. Остановятся они во второй или третьей хате от края. По данным полиции нет.

Вид у них настоящий беженский. Лица усталые и запыленные, обувь стоптана, одежда измятая. Документы есть.

По совпадению, ровно месяц назад двадцать седьмого августа, в ставку «Оборотень» в Винницу прилетал Гитлер. Конечно, гестапо и охранные отряды СС проявляли усиленную активность.

Нашим будет крайне трудно и опасно. Особенно сложно

прижаться в первое время. На приезжих полиция обращает пристальное внимание. Может быть, Петрович поэтому и решил приехать в Винницу на несколько дней раньше, подготовить «крышу» для группы.

У меня надежда на опытность Петровича, на не провальные явки и хорошее везение. Умение само собой, но удача должна сопутствовать разведке. Всего предусмотреть немислимо. Как тот злополучный выстрел на кладбище. А вообще, нам в дороге здорово везло, дошли на место без потерь.

Лежу и смотрю в небо. Я люблю смотреть на плывущие облака. Рядом на плащ-палатке сидит Клава. Сегодня никто не хочет спать. Клава вертит мой компас. Вдали, за Десной, прерывисто завывают моторы немецких самолетов, хотя в воздухе их нет. Это наверняка ночной аэродром – на карте нужно поставить, чтобы потом передать в центр.

– Слышишь, на юго-западе от деревни гудят самолёты. Мы думаем об одном и том же. О войне, о фашистском аэродроме. А можем мы немножко подумать о себе, о будущем, если оно будет?

– Марат, мы встретимся после войны? – глаза у неё грустные. Мне нравится ее способность неожиданно переходить от одной мысли к совершенно противоположной.

– Конечно, Клава, мы обязательно встретимся, – в тот момент я даже сам этому верю.

Улыбка озаряет её лицо, но тут же гаснет.

– Ты не Марат, а я не Клава, как мы найдём друг друга? Тысячи людей завертели дороги войны. Дети при бомбёжке теряли родителей, матери на полустанках своих малышей. Друзья и товарищи расходились один направо – другой налево, чтобы никогда в жизни больше не встретиться.

– У нас есть штаб ОМСБОН у Курского вокзала в Москве.

– Ты прав, это хорошо, – Клава смеётся, у неё снова ямочка на щеке, – с думами о задании, о войне, забываешь даже о простых вещах.

Прощаемся по-русски крепко, обняв друг друга и трижды поцеловав крест-накрест. Антон смахивает слезу. Иду с ними до поста. Павел говорит, что в селе спокойно, чужих нет.

– Спасибо вам, хлопчики, за всё, – шепчет Стефания. Павел и Николай прощаются с Клавой и Стефанией.

Клава ещё раз подходит и кладёт ладонь мне на грудь:

– Ты вспоминай меня, когда помотришь на звёзды, я буду знать об этом и тоже смотреть на них – мне станет легче.

Она ушла лёгкой девичьей походкой. Ушла выполнять смертельно опасное боевое задание. Такой легкой и светлой она осталась в моей памяти навсегда.

Вечером мы ещё раз в полутьме хаты увидим Клаву и Стефанию. У них всё было в порядке. Наша задача выполнена.

Мы не встретились после Победы, шесть месяцев группа Петровича успешно выполняла задание в Виннице и дождалась прихода Советской Армии. Клава летом сорок четвёртого спрашивала обо мне у наших ребят в киевском госпи-

тале.

Погибла Клава на задании весной сорок пятого.

Поиски группы Крючкова

Мы идём через ночь широким солдатским шагом. После того как под Винницей оставили наших разведчиков, нам не надо ни с кем соразмерять свои силы. Мы не боимся столкнуться вплотную с врагом. Шестые сутки мы чапаем на север. Нас пятнадцать человек. В деревне у Дмитрия, где отдыхали целые сутки, к нам присоединись два местных паренька. У одного имелась припрятанная винтовка, найденная на поле боя, у другого обрез времён гражданской войны. Ребята молодые, здоровые. Они рвались бить оккупантов.

Ещё двое нами «выменяны» в местном отряде Цендровского, на который случайно набрели под утро. Это Михаил Гуров и Николай Афонин. Беглый разговор с ними сразу убедил, что они коренные москвичи. Жили возле цирка на Цветном бульваре.

Одиссея их была обычной для тех тяжёлых годин. Служили два друга в экипаже боевого бронепоезда, о котором писалось в сводках Совинформбюро. Под Киевом он был повреждён. Команда бронепоезда подорвала свои пушки и паровоз, и с боями пошла на восток прорываться из окружения. Шли недели. Наступала холодная осень сорок первого года.

– Однажды заночевали в стогах сена, – грустно рассказывал Михаил Гуров, – до фронта оставалось недалеко. По

утрам слышались раскаты орудий. Просыпаемся от чужого злого смеха: «Ком, ком, рус!» Вылезли, у нас два карабина и по несколько патронов на брата. А их человек десять, уткнули автоматы в свои животы, направили стволы на нас и ржут, как лошади.

– А остальные ваши? – поинтересовался Николай Полещук.

Им повезло, немцы к другим стогам не пошли, хотя их была целая колонна. Так мы оказались в плену.

– Откуда на вас полицейская форма? – зло спросил Иосиф.

– Больше года нас пересылали из одного лагеря в другой, совсем доходягами стали, осталась кожа да кости. Тут случился набор в лагерную полицию. Выдали мы с Афониным себя за украинцев и записались в полицаи, чтобы при первом удобном случае бежать к партизанам. Концлагерь под Киевом, где мы находились в полиции, начали эвакуировать, вот мы на ходу поезда и спрыгнули с винтовками под откос.

Узнав, что среди нас много москвичей, они попросились к нам в отряд. Командир местного отряда не возражал отпустить их, но только без оружия, и просил помочь патронами. «Торг» состоялся. Всего одна засада на шоссейке, и оружия у нас будет навалом.

Ночью решили подорвать железку Бердичев – Житомир. Потом взять направление строго на восток, пересечь Фастовскую железнодорожную линию и уйти в Гетеревские леса.

Там искать группу Николая Ивановича.

Снова наша днёвка в настоящем лесу. Надоели эти овраги и кусты по берегам речек. Гуров и Афонин оказались смелыми ребятами. Сами вызвались снять «по-тихому» немецкий патруль. Без ликвидации охраны заминировать железку невозможно. Подстраховывали их Павел Киселёв и Иосиф Савченко.

Михаил Гуров и Николай Афонин неожиданно выросли на тёмном фоне неба.

– Порядок, вот две винтовки манлихер, шинели тоже прихватили, становится холодно. Можно минировать, следующий патруль пойдёт минут через тридцать. Тогда поднимут тревогу.

– Куда вы их дели? – спросил Николай Полещук.

– Затащили в кусты, до утра не найдут, но шум будет.

Минировали быстро, на стыке рельсов под шпалу подсунули мину и тол. После маскировки Антон Скавронский посыпал противособачьей махоркой. Не успели отбежать метров на триста, как послышался шум поезда, и сразу же громынул взрыв. За нами разрасталось зарево огня. Началась беспорядочная пальба из пулемётов и автоматов, в небо взвились десятки ракет, значит эшелон был воинский. Очень хотелось посмотреть, что там наворотили. Но перед нами расстилалась степь, и этой ночью надо успеть пере-сечь шоссе-сённую дорогу, железку и углубиться в лес.

Мои сапоги доживали последние дни. Хорошие были са-

поги, но сейчас уже никакие верёвки не помогали.

– На чёрта принесли эту голубую шинель, – ворчал я на ребят, – догадались бы снять сапоги...

– Что ты, на такую шинель зимой выменяешь шапку и валенки в придачу, – шутили хлопцы.

Сапоги своими подошвами отмерили свыше тысячи километров.

Вечером завернули в небольшую деревеньку. Надо искать связь с партизанами и выходить на группу капитана Крючкова. В хату зашли с Николаем, Павел остался во дворе охранять нас. Местные жители даже если что и знают про Крючкова, скажут только тогда, когда убедятся, что мы их знаем, тут действовала своя конспирация и круговая порука сельчан, существовавшая с древних времён, с одиннадцатого века.

В хате возились ребяташки. Кто-то входил, кто-то выходил. Нас пригласили сесть за стол. Появилась кринка с молоком и отрезок каравая хлеба. Мы расспрашивали хозяйку.

– Приходят к вам партизаны в армейской форме?

– Всякие заходят с оружием, разве запомнишь, – как-то неуверенно отвечала женщина.

Николай Полещук подробно описал Мишу Журко и Мишу Минаева с их кожаными лётными шлемами. Если они бывали здесь, то хозяйка должна их признать. Но она растерянно молчала.

Вдруг распахивается дверь. Подымаю лежащий на коле-

нях автомат. Это срабатывает невольный рефлекс. В проём двери просовывается винтовка и приземистая коренастая фигура человека с красной лентой на шапке.

– Хенде хох! Руки вверх! Сдавайтесь фрицы! – он видит направленный на него автомат, – вы окружены, если меня убьёте, вас закидают гранатами! – кричит он.

Спокойно, надо выиграть инициативу. Не дать ему выстрелить, это безусловно партизан, причём смелый – вошёл в хату.

– Дубина ты стоеросовая! – ополчаюсь на него, – детишек закидать гранатами задумал! Олух царя небесного! – добавляю несколько нецензурных выражений. Чем громче и больше я ругаю его, тем шире у него растягивается рот.

– Здорово! – прерывает он меня, – во даёт! Теперь вижу, что вы наши! Партизаны! А то прибегает хлопец на край деревни, где мы вечерали и говорит: «к нам пришли два длинных белобрысых фрица в голубых шинелях и про партизан выспрашивают». Вот мы и окружили вас!

– А часовой наш где?

– Мы его заговорили.

Хорошо, что местные партизаны нарвались на хладнокровно-го и спокойного Павла Киселёва. Тот же Иосиф Савченко положил бы их очередью, а потом стал бы «выяснять отношения», разбираться, что к чему. Так погиб капитан Пигушин из-за ненужной горячности: ковпаковцы сначала открыли огонь, а потом стали спрашивать: «кто такие?», а ка-

питан был смертельно ранен.

Местные партизаны, как только поутихли страсти, сразу рассказали, что есть поблизости отряд «дяди Коли». Очевидно это и есть группа капитана Николая Крючкова.

Ночевали на базе местного отряда. Собственно, «базы» как таковой не было. Стояли три запряженные конями повозки, и в яме горел костёр. Яма обнесена плетёными щитами, чтобы сполохи огня не отсвечивались на деревьях. Неплохо придумано.

Утро началось с отдалённой стрельбы.

– Что это за шум? – поинтересовался Коля Полещук.

– Это каратели вторую неделю ликвидируют нас, – отозвался командир отряда.

– Ну и как? – спросил Савченко, не подумавши.

– Поживите с нами, увидите, – пробурчал партизан с бородой и пулемётом за плечами.

Стрельба приближалась, мы предложили себя в полное распоряжение командира отряда. Он вежливо поблагодарил нас и сказал, что обойдётся своими силами, что у него своя «метода». Если мы пожелаем, то можем сопровождать их. Мы согласились идти вместе с ними.

Скоро последовала команда, и все пошли за повозками. Через час ходьбы по лесному бездорожью, плутанию по канавам и холмам стрельба оказалась за спиной и стала удаляться. Командир отряда невозмутимо присел на пенёк и закурил.

– Теперь можно до обеда спокойно отдыхать.

– А после обеда? – забеспокоился Иосиф Савченко.

– После обеда перейдём в следующий квадрат.

Нам эта «метода» играть в кошки-мышки не очень понравилась. «Жить с ними» даже один день расхотелось. Договорились с командиром отряда о связи и паролях и тронулись в сторону базирования группы Николая Ивановича.

В лесу набрали на криницу. Антон Скавронский долго бродил вокруг неё и высказал своё предположение:

– Вода в кринице чистая, без листьев. Кто-то каждый день берёт воду, а следов никаких нет. Маскировка похожа на вашу – минёров, работа уж очень тонкая. Подождём здесь, кто-нибудь должен прийти за водой для ужина. Днём-то, наверное, костры не жгут, дым над лесом издалека виден – бояться.

Расположились в сторонке у поваленного временем дерева. Смеркалось, когда послышался негромкий разговор. Между деревьев показалась высокая фигура Миши Журко и чуть поменьше радиста Васи Вернигорова. В руке у каждого по ведру.

Я скинул на землю голубую шинель (она уже раз привела к недоразумению).

– Хлопцы, у вас огоньку нет, а то у нас курить нечего? – встретили мы их появление побасенкой.

У Миши Журко автомат скользнул с плеча в руку, но через мгновение улыбка осветила его лицо, а Вася Вернигоров бросился обнимать нас.

– Какими судьбами в наших краях?

– Да вот зашли водицы испить, а ведра нет. Михаил, ты куда метлу прячешь? – как бы между прочим спросил Антон.

– Вон в тех кустах. Пойдите, какая метла? – опешил он.

Мише Журко и Васе Вернигорову рассказали о наших подтвердившихся предположениях о кринице, о маскировке.

– Так вы, значит, нас искали? – ещё больше удивился Вася.

– Конечно, – ответил за всех Паша Киселёв, – Карасёв велел найти вас и привести на Лысую гору. Уходим в рейд.

В группе Николая Ивановича Крючкова – «отряде дяди Коли», как прозвали здешние партизаны – все было в порядке, все живы и здоровы. Лишь рация, пробитая пулей, работала только на приём.

Все гурьбой двинулись к ним в лагерь, находящийся метрах в двухстах от криницы.

Несколько шалашей, покрытых еловым лапником, стояли между буграми в густом сосновом бору. Часть ребят находилась в разведке, так что всем пришедшим нашлось место в шалашах.

Коротко рассказал капитану о нашем длинном пути, передал приказ о возвращении на базу. Крючкову надо было закончить дела, связанные с выполнением задания в Житомире, а нашей группе немного отдохнуть. Решили выступить через двое суток. В срок, указанный Карасёвым, мы уклады-

вались. Три недели в дороге, почти без сна, доконали меня. Заснул я в шалаше у Николая Ивановича, как барсук в спячке. Здесь у своих можно было спокойно отдохнуть.

На следующий вечер капитан предложил мне пойти вместе с ними на конспиративную квартиру в Житомир для встречи с подпольщиками, так как вызывать их сюда уже не было времени. Это очень заманчиво посмотреть на людей, которые всегда живут в обстановке оккупации, под Дамокловым мечом – ежеминутной угрозой ареста и гибели. Они ходят без оружия, беззащитные и ведут смертельную схватку с захватчиками.

В город пошли «налегке». Капитан с маузером под коричневым демисезонным пальто. Миша Журко и Миша Минаев за пояса заткнули по два пистолета, в карманах гранаты – «лимонки». Мне удалось под трофейной шинелью подвесить автомат и запасные диски. Пистолет и гранату положил в карман. Без автомата я идти просто не мог. Подпольщик из меня не получится. Если к нам привяжется патруль, мы уничтожим его. Пропусков у нас нет, хотя ночной пароль на сегодня нам известен от связных. Журко и Минаев на рукава телогреек нацепили белые полицейские повязки.

В полной темноте, вышли на окраинную улицу. Дом, в котором назначена встреча, стоял за палисадником, вдоль него тянулись кусты сирени или акации. Калитка чуть скрипнула.

– Вам кто, скорняк нужен? – донесся голос из глубины.

– Нет, нам нужен грабарь, – ответил Крючков на вопрос

пароля.

– Тогда, будь ласка, заходите.

Всё в порядке. Втроем заходим в дом с затемнёнными окнами. Миша Журко пока остаётся у забора проверить, не прицепился ли за нами хвост. Человек, стоявший в садике, заверил, что в случае опасности нас предупредят, и можно будете спокойно уйти задом на другую улицу.

Посередине просторной комнаты находился стол, уставленный закусками. Мы очень давно не видали зеленого лука, квашенной капусты, огурцов и домашних пирогов. Нас ждали друзья. Они положили на стол всё, что у них было. В тылу мы ни разу не были в такой обстановке. В хаты заходили наспех. Спрашивали о дороге, о немцах и полицаях. Иногда впопыхах, с оглядкой на окна, перекусывали и торопились уйти, чтобы не подвести хозяев. Да и самим на просторе казалось спокойнее.

Поздоровались с присутствующими в комнате. По конспиративным правилам никто не представлялся, не называл своих фамилий. Называемые ими имена были вымышленными. Достаточно того, что Николай Иванович знал, с кем имели встречу. Седой с опущенными вниз, как у Тараса Бульбы, усами сидел рядом с капитаном, они вполголоса разговаривали. Напротив них «бритый» также часто вступал в беседу. Остальные двое – молодой парень и девушка – внимательно прислушивались. Ну, а мы повели наступление на еду. Выпивка на всех была скромная, а гости выдержанные. Повре-

ждённая в бою рация Васи Вернигорова усиленно работала на приёме сводок Совинформбюро. Фронт стремительно двигался на запад. От Гомеля до Днепропетровска наши войска вышли на Днепр и местами сходу захватили плацдармы на правом берегу реки. На Западном фронте в конце сентября освобождены Смоленск и Рославль, на Южном – Донбасс. В конце октября все фронты получают новые названия: Белорусский и Украинские. На нашем с Павлом Киселёвым Северо-Кавказском фронте освобождены Новороссийск, Анапа, Темрюк.

Капитан и представители подполья обсуждали задачи в связи с приближением фронта. Гитлеровцы собирались ликвидировать лагерь военнопленных в Житомире. Некоторые здания и промышленные объекты подготавливались к минированию. Стало известно, что из левобережных районов немцы вывозили зерно, скот, старались угнать все население. Особенно охотились за мужчинами призывного возраста.

Рейхсфюрер Гиммлер в своих циркулярах эсэсовцам и полиции требовал оставлять «тотально сожженную и разрушенную страну». Немецкое командование группой армии «Юг» отдало приказ войскам превращать все после себя в зону пустыни.

На оккупированной территории появились листовки на русском и немецком языках, в которых говорилось, что поджигатели будут подлежать смерти, что никто не уйдёт от кары! Пойманные на месте преступления поджигатели рас-

стреливаются немедленно! Без всякого суда! Это заставило немецких солдат задуматься.

Николай Иванович уже посматривал на нас. Все вопросы были обговорены. Настала пора уходить.

Миша Журко, любитель спеть и сплясать, сожалел:

– Сейчас бы затянулся «Рече та стогне Дніпр широкий...», но нельзя... – он кивнул на завешенное одеялом окно, за которым изредка доносились свистки и стрельба патрулей.

Сердечно простились за полночь. Нас не провожали.

От Тетерева до Желони

Ночью форсировали «асфальт» Житомир – Киев. Это широкое асфальтированное шоссе. В обе стороны по нему с затемнёнными фарами непрерывно проносятся немецкие автомашины. Броневики дорожной охраны проезжают медленнее. Решили проскочить в интервале между ними. Поднялись все сразу и цепью побежали через «асфальт» с оружием наперевес, как в атаке. Сквозь плывущие облака просвечивала луна. Пятьдесят вооружённых бегущих фигур – картина впечатляющая! Сила!

Во вторую ночь пути перешли железку Коростень – Киев. В том самом месте, где переходили её, когда шли на юг, когда нас напугал крик птицы. Журко, Полещук, Минаев, Киселёв и я задержались минировать железную дорогу. Остальные со старшим лейтенантом пошли дальше и километрах в пяти по дороге на Кухары подождут нас. Не к чему рисковать всеми людьми.

С середины сентября месяца началась общепартизанская операция «Концерт» по выведению из строя транспортных коммуникаций фашистов. Рвались рельсы, горели мосты. Летели под откос эшелоны, пылали на дорогах автомашины. Некоторые железнодорожные магистрали подрывались по указанию фронтового командования в определенное время.

Мину, точнее фугас, задумали поставить в виадукке – дорожной выемке между склонами. Вагоны полезут друг на друга и надолго остановят движение. Вниз под откос летело больше вагонов, но зато немцы научились в таких местах через несколько часов вновь пускать поезда. Сейчас для фронта важнее как можно дольше «закупорить» дорогу. Эта железка была «первого класса» – эшелоны курсировали ежедневно один за другим круглые сутки.

В стороне станции Тетерев виднелся синий фонарь на стрелке. В противоположной стороне – это мы знали раньше – находился бункер с пулемётом. Подождав прохода патрулей по направлению к бункеру, быстро скатываемся с откоса вниз на по-лотно. Паша Киселёв остаётся на верху насыпи для охраны «тыла». Снять без шума патрульных здесь сложно. Они, пуганные, ходят с автоматами в руках между колеями. Быстро складываем на плащ-палатку верхний слой балласта, тёмную от мазута-щебёнку. Потом её набросаем сверху для маскировки, чтобы патруль не заметил место раскопки, хотя мина сработает ночью, еще задолго до рассвета. Обдирая ногти, выкапываем яму для закладки толовых шашек. Песок тоже сыплем на палатку – лишний раскидаем по канаве. Торопимся. Кажется, прошло много времени – на самом деле минута.

Миша Журко поднимается на ноги и прислушивается:
– Хлопцы, поезд идёт, не видно фонаря на стрелке, закрыл.

– Точно, совсем близко, – шепчет Николай Полещук, – и на паровозе нет огней.

– Впереди толкают платформу с балластом, – подсказывает Миша Минаев, – пора отходить.

Тол лежит на месте, если поставить взрыватель, то будет полный порядок, но мы не успеем выскочить на откос...

– Всем в кювет, ложись! – голос тонет в шуме.

– Головы не поднимать, – добавляет Минаев, – фриц увидит – запустит консервной банкой.

Спрыгиваем в канаву. Лишь бы какой-нибудь часовой не сидел на подножке. Паровоз обдаёт жаром. Состав товарный. Гады увозят награбленное добро. Мелькает проносящийся последний вагон. Наступает тишина. Хорошо, что мы не успели: следующий эшелон пойдёт в сторону фронта, с боеприпасами или живой силой. Тут две колеи, но у них работает только одна, на станции сделан разъезд. На втором пути рельсы покрылись ржавчиной, немцы используют их для ремонта после «визита» партизан. Продолжаем свою работу. Не часто над головами проносится вражеский поезд. Утрамбовываем ладонями песок и ровным слоем рассыпаем щебёнку. Взрыватель на месте, всё закончено. Уходим догонять наших.

Отряд застаём на привале у опушки леса. Не успеваем выкурить козью ножку, как сзади, над станцией Тетерев, вспыхивает зарница и доносится гул взрыва. Слышна стрельба из пулемётов, над лесом видны разноцветные сполохи от ракет.

Эшелон воинский не доехал до фронта. Ребята кричат «ура» и поздравляют нас с удачной операцией.

Дорога вилась между перелесками и невысокими холмами. За одним из поворотов, после двух с лишним часов ходьбы, увидели небольшой костёр. У огня сидели старик и четверо ребятшек. Поблизости паслись стреноженные кони. Месяц бросал свои лучи на спины лошадей. Длинные тени и серебрящиеся гривы делали коней сказочно большими. Глушь и тишина, ребятшки в ночном, ненадолго отвлекли от действительности. Вдали догорал немецкий эшелон, где-то полыхала война.

Арьергардный дозор привёл к костру, возле которого остановились отдохнуть, задержанного человека.

– Шёл по дороге за нами, – докладывали дозорные, – бежать не пытался, оружия при нем нет, да и вообще у него ничего нет.

Неизвестный был выше среднего роста, коренастый, но худой до невозможности. Ввалившиеся глаза хмуро смотрели из-по густых нависших бровей. Рваная куртка висела на нём, как на чучеле. Он стоял, держа руки за спиной, как заключённый, и обводил взглядом сидевших у костра. Страха в глазах не было.

– Садитесь и рассказывайте о себе с самого начала, мы партизаны, – мягкий голос старшего лейтенанта и его добрые глаза располагали к мирной беседе.

Человек устало сел у костра и жадно посмотрел на труб-

ку в руках Крючкова. Миша Журко оторвал кусочек бумаги, насыпал махорки и, взглянув на Николая Ивановича, протянул незнакомцу. Человек дрожащими руками прикурил от головешки и глубоко затянулся.

– Я лейтенант Иван Башкиров, только сейчас бежал из плена, выпрыгнул из поезда. Вчера нас загнали в вагоны и повезли. Мы с товарищами договорились бежать в первую же ночь. Выломали из пола вагона доски и собирались падать между рельсов. Мы знали, что немцы могут на последнем вагоне привесить чугунную болванку, которая чуть-чуть не касается шпал и убьёт каждого, лежащего между рельсами. Но мы решили в любом случае ночью прыгать. Едем, приготовились, вдруг впереди по ходу раздался взрыв. Поезд толчками затормозил и остановился. С криками «партизанен» к паровозу побежали немцы. Мы выглянули в выломленную дыру: никого не видно. И мы посыпались вниз на шпалы. Побежали в разные стороны, чтобы запутать следы. Я вышел на эту дорогу...

Он поднял голову и грубо выругался, сигарка выпала у него из руки. Мы оглянулись: сзади стояли Михаил Гуров и Николай Афонин в черной с жёлтым полицейской форме.

– Что, подонки, издеваетесь? Разнашиваете? Потом ремнями бить будете? Полицаи проклятые! – он вскочил на ноги и сжал кулаки.

Старший лейтенант Крючков удивленно посмотрел назад. Афонин шагнул к костру и сказал:

– Мы знакомы с ним по киевскому концлагерю...

– Так вы что, уважаемый, приняли нас за полицию? – усмехнулся Николай Иванович, – садитесь, в ногах правды нет.

– Кто же вы есть на самом деле? Вот они – он посмотрел на Гурова и Афонина, – охраняли нас в шталаге, чтобы мы не убежали на волю.

– Теперь вы сами будете охранять себя, чтобы вас не утащили фрицы, – ответил старший лейтенант.

Крутом засмеялись. Этот доброжелательный смех и спокойные сердечные слова старшего лейтенанта подействовали на человека, он обессиленно опустился на землю, на его глазах блеснули слёзы.

– Простите, я подумал, что мне опять не удалось бежать, это был бы мой конец.

– Журко, Минаев – старший лейтенант кивнул на Гурова и Афонина, – отойдите с ребятами в сторону, чтобы не смущать товарища.

Все обратили внимание, как у бывших полицаев даже при красных сполохах костра побледнели лица. Они поняли, что старший лейтенант будет спрашивать о них, и ответы могут повлиять на их судьбу. Все трое были в плену. Один остался военнопленным, не смирился и ждал случая бежать. Конечно, ему веры было больше. Двое других избрали путь к бегству через вступление в полицию, через предательство.

– Что вы скажете нам о Гурове и Афонине? – спросил

старший лейтенант, – только объективно, без предвзятостей.

– Дело ваше, но плохого о них я ничего не скажу. Почему они пошли в полицию –спрос с них. Но в лагере они ни разу никого не ударили. Среди пленных у них были друзья. Они передавали в бараки хлеб: за это немцы расстреливали.

Мы облегчённо вздохнули. Тяжело терять веру в людей, к которым начали привыкать и уже считали своими.

Антон Скавронский протянул беглецу кусок хлеба, Иосиф Савченко скинул с плеч стёганную венгерку. Большой привал закончился. В колонне одним партизаном стало больше.

Деревню Блйдчу проходили в утреннем тумане. Этой весной здесь партизаны соединения Сидора Артемовича Ковпака разгромили несколько сот карателей. Днёвку наметили возле деревни Коленцы, чтобы вечером до заката на шоссе-ке Иванков – Киев сделать засаду и добыть оружие. В группе Крючкова тоже было несколько невооружённых человек. На базе Лысой горы оружия достаточно, но нам прийти с народом без винтовок не позволяла партизанская гордость.

Остановились в тонком, но густом осинничке. Метрах в сорока на заросшей лесной дороге выставили пост. Людей было достаточно. Во второй половине дня, пока все отдыхали, Крючков, Минаев, Журко и я пошли на рекогносцировку, посмотреть, где поставить засаду. Вышли на дорогу к посту.

Миша Журко первый нагнулся и рассмеялся:

– Хлопцы, побачьте, шо це таке? Мы шукаем место для

засады, а тут машина сама приезжала к нам. Утром следов не было.

На дороге виднелись ясные свежие отпечатки шин автомобиля. Они ещё «дымились», кусочки глины скатывались в колею. Миша Минаев подозвал часовых и грозно нахмурился:

– Рассказывайте, что тут произошло, только не врите.

Молодые часовые смущённо переминались с ноги на ногу и никак не могли начать говорить. Наконец, старший вымолвил:

– Только что по дороге проехала легковая автомашина, зелёная... ничего не успели мы... бесшумно ехала, но быстро. Три фрица в ней сидели.

– Эх вы, три фрица сами лезли к вам в руки, а вы их выпустили, они может искали вас? – сокрушался Миша Минаев, – а может их четверо было, и вы испугались?

– Нет, нет, только трое... шофер и двое сзади, – заторопились ребята.

Миша Журко почувствовал комическую сторону положения. Глухой лес, заброшенная дорога, тишина и машина с фрицами.

– Ноги вам не отдавили? – заботливо поинтересовался он.

– Нет! – дружно ответили хлопцы и осеклись.

– Надо было руку поднять, а не сидеть, протянув ноги, – с серьёзным видом поучал Журко, – они остановились бы, а вы спросили бы у них: «не сдох ли Гитлер?» А вы «тры

фрыца, машина зэлэная...». Сами вы птицы зэлэные, – не сдержавшись, засмеялся Журко. Ребята готовы были бежать догонять машину.

Место на шоссе для засады выбрали на прямом участке дороги. По ней далеко видно, какие идут машины. Фрицы поедут спокойнее. На поворотах они нервничают, настаиваются и вертят головами, как марионетки, глазают по сторонам. Расположились за деревьями. Обзор хороший, по ту сторону дороги лес понижался и переходил в болото. В кустах перед кюветом залегли Волков и Башкиров с противотанковыми гранатами. Первым бросать будет тот, с чьей стороны пойдёт машина.

Очень просил Вася Вернигоров разрешить ему кинуть гранату, но Николай Иванович категорически запретил радисту приближаться к шоссе. Радистов берегли словно святыню, а они хотели стрелять в фашистов сами, всюду лезли в бой.

Первой прошла пустая машина с одним шофёром. Потом проскочили два броневика – это не для нас. Мы не имеем даже пулемёта и только три-четыре противотанковые гранаты. С автоматами на броню не пойдёшь. Появляется крытый фургон.

Волков кидает гранату и ... промахивается. Сказывается сильное волнение и отсутствие опыта – он артиллерист. Промахнуться по громадному фургону с нескольких метров мудрено.

Взрывная волна разворачивает машину, и в этот момент Башкиров попадает прямо в радиатор. Противотанковая граната мгновенного действия – на боевой взвод становится на лету и взрывается от соприкосновения с любым предметом.

Машина останавливается точно вкопанная. Два или три автомата строчат по кузову. Остальные партизаны наблюдают за происходящим, не тратить же понапрасну патроны. Автофургон загорается. Ближайшие к нему бросаются спасать «добро». Рас-кинутые взрывом и скошенные пулями пытавшиеся бежать фрицы валяются на дороге. Какая-то тень мелькнула между деревьями, один фриц всё-таки ушел.

Добытые винтовки и два парабеллума полностью обеспечили отряд оружием. Кое-кто оделся и обулся. Мне достались сапоги с широкими шляпками гвоздей на подошве и голенищами похожими на раструбы. Мои напоминали две пасти голодных волков. Трофейные сапоги потом обрекли меня на муки: когда намокали, снять их становилось невозможно, хотелось выть.

Вплавь и в брод пересекаем реки и речушки Вересню, Уж, Грезлю... До Желони и Лысой горы оставались два дневных перехода. Рощи и боры сливались в сплошной лес, можно идти спокойно и днём. Некоторые деревни проходили строем с песнями. Из хат высыпали взрослые и ребятишки. Махали руками и дарили добрые улыбки.

Шли москвичи, местные партизаны и подпольщики, люди, бежавшие из плена, шёл вооружённый отряд, выдержи-

вал строй и громко пел:

«... Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов...»

Жители два года не видали и не слышали такого. Маршруты рейдов партизанских соединений Ковпака и Наумова миновали эти районы. Некоторые даже подумали, что пришла Красная Армия.

– Говорю тебе, что это наши партизаны, лесовики, – громко убеждала молодица, очевидно глуховатую старуху.

– А что они теперь так и ходят? Помню, они всё по одному ночами приходили за хлебом.

Фронт остановился всего километрах в восьмидесяти отсюда на Днепре. Но Овруч освободят всё-таки партизаны за три дня до подхода регулярных частей. Это произойдёт ещё только через месяц. А пока мы остановились на площади у колодца и женщины угощали нас дерунами – лепёшками из картошки.

В назначенный командованием срок возвращения – пятнадцатое октября – нас радостно встречали на Лысой горе. Конная разведка Ивана Дыбаня обнаружила нас на дальнем подходе к базе и поскакала предупредить о нашем прибытии. Мы своё задание выполнили. Проводили группу Петровича

в район Винницы, нашли группу Николая Ивановича Крючкова, попутно сбросили с рельсов два немецких эшелона и закрыли движение на пару суток на фронтовой железке. Вернулись, главное, без потерь в утроенном составе. Вместе с Николаем Ивановичем нас ушло около взвода, а вернулась рота.

Лагерь за время нашего отсутствия сильно изменился. Выросли шалаши – целый палаточный городок, появились новые землянки. Возле конюшен приводились в порядок десятки повозок. На наши удивлённые взгляды Петр Ярославцев воскликнул:

– У нас теперь больше тысячи человек!

После коротких официальных докладов старшего лейтенанта Крючкова и моего, Карасёв расцеловал нас перед строем и всех поблагодарил за успешные выполнения заданий. Мы снова дома.

Отряд уходит на запад

На следующее утро командир отряда Карасёв и комиссар Филоненко в штабной землянке подробно расспрашивали о нашем семисоткилометровом походе. Их интересовал каждый день пути. За беседой выпили не один чайник черничной заварки. Шёл разговор о форсировании десятков рек и речушек, о железных дорогах и шоссейках, о чешской деревне и немецких хуторах, о бандеровцах, отрядах местных партизан и о многом другом.

Командиров особенно интересовало отношение к нам местно-го населения, условия прохождения по безлесью, места днёвок, движение немецких поездов. Чувствовалось, что мысли и заботы командования уже в предстоящем рейде.

Передал прощальный привет от разведывательной группы Петровича и его слова, что он остался доволен провожатыми. Командир и комиссар удовлетворенно переглянулись. Доложил о немецком аэродроме в районе Винницы, о крупном скоплении националистов под Фастовом, о непрерывном движении автомобильного транспорта по шоссе Житомир – Киев и круглосуточном проходе эшелонов в обоих направлениях, о двух подорванных поездах.

Виктор Александрович познакомил с новым строением отряда; состоящим теперь из двух полных батальонов, ка-вэскадрона и ещё нескольких отдельных рот и подразделе-

ний. Это уже не отряд, а крупное партизанское соединение. Командиром первого батальона назначен Николай Иванович Крючков, комиссаром Евгений Ивлиев. На основе нашего взвода сформирована первая рота батальона, командиром назначен Пётр Ярославцев, взводными – Миша Журко, Саша Матвеев, старшиной роты Петро Туринок – все наши омсбоновцы. Командир поздравляет меня с назначением на должность помкомроты.

Михаил Иванович обращается к пришедшему в землянку старшему лейтенанту Крючкову, очевидно продолжая ранее начатый разговор:

– Я хочу повторить при Марате, что это не просто комбинация Пётр Ярославцев – Марат, а это необходимое сочетание, они большие друзья. Пётр горяч, его иногда надо умело и тактично остановить, чтобы не нарубил дров, направить в нужное русло – это может сделать только Марат, он его слушает, да и Петр никого другого своим заместителем и не хотел видеть, кроме него,

* * *

Весь лагерь на Лысой горе похож на потревоженный муравейник. Хорошо, что погода стоит пасмурная, как в день моего прилёта сюда, а то бы «костыль» уже висел над лесом.

Внизу возле речки на обеденных столах протираются от заводской смазки новые пулемёты и противотанковые ружья – ПТР. За время нашего отсутствия – похода под Винницу – в отряд прибыла большая группа десантников – омс-

боновпев под командованием Георгия Крамаренко и Геннадия Авдеева. В отряд влились несколько местных отрядов и групп, отставших от соединений Сабурова и Ковпака. С «дугласов» полка Валентины Гризодубовой сброшено на парашютах много оружия, боеприпасов, взрывчатки. Всё это теперь распределяется по ротам, спешно укладывается и увязывается для дальней дороги.

В нашей роте полным ходом идёт подготовка к рейду. Смазываются дёгтем оси повозок, чинится сбруя, сёдла, протираются патроны, набиваются пулемётные ленты. Зорким оком за всем наблюдает Петро Туринок, иногда он вступает в противоречие с командирами взводов, которые пытаются положить на свои повозки лишний ящик с патронами. На каждое отделение для боеприпасов и имущества выделено по пароконной повозке. Партизаны понесут на себе только личное оружие, положенный запас патронов и гранаты. Двигаться нужно будет форсированным маршем, кто устанет всегда сможет присесть на подводу.

К первой роте приданы два радиста: высокий, симпатичный, с густыми бровями и красивыми серыми глазами москвич Коля Тернюк, обычно молчаливый и стеснительный, и его дружок Вася Вернигоров – подвижный и улыбчивый крепыш, которому палец в рот не клади. Николаю завтра восемнадцатого октября исполняется восемнадцать лет. Васильку на полгода больше, но у них уже почти годовой стаж партизанской войны. В штабе батальона и в остальных ротах ра-

радиостов нет, поэтому мы задираем нос от особого доверия командования. У нас в роте восемь омсбоновпев – больше, чем в других. Потом, в рейде, нас будут бросать на разные самостоятельные задания, но мы пока об этом не знаем.

Рота у старшины Петра Туринка готова в путь. При штабе роты – раз нам дали двух радистов, мы «законно» присваиваем себе наименование штаба роты – две повозки: одна из них специально для радистов с их питанием (батареями для раций) и ручной динамо-машиной. Ездовым и «телохранителем» у них Иван Светельский, местный партизан, здоровый парень, подымавший повозку одной рукой. Ему наказано беречь ребят, как зеницу ока. На второй повозке неразлучный с нами Антон Венедьевич Скавронский – наш опекун. Адьютантом (связным) у командира роты Петра Ярославцева стал Коля Гапиенко, поправившийся после тяжёлого ранения миной, на которой погиб Вася Божок, а Коля потерял глаз. Когда у Петра весёлое настроение, он называет Колю «Билли Бонс» – именем пирата из «Острова Сокровищ» Стивенсона. Коля взрослый мальчишка, по-моему, ему нравится это грозное пиратское имя, хотя и напоминает о его несчастье.

* * *

После полудня общее построение. Обоз уже вытянулся за пределы Лысой горы. Навсегда уходим из нашего лагеря, ставшего родным домом, покидаем обжитые землянки. Уходим на запад в неведомые края. На сердце немного тревожно

и грустно. На Лысой горе остаются наши раненые с врачом и группой охраны. Остаются спасавшиеся у нас от карателей местные жители: старики и женщины с детьми. Остаются товарищи для выполнения заданий в прифронтной полосе. Все они будут дожидаться прихода Красной Армии. Фронт находится всего в семидесяти километрах, причём сплошной линии фронта из-за партизан не было. Через громадные разрывы в десятки километров линии немецкой обороны в тыл проникали части советских войск. Ровно через месяц сабуровцы в упорном бою возьмут город Овруч и удержат его до подхода фронта.

Карасёв перед строем благодарит группы Николая Крюкова, Ивана Таранченко, Владимира Витковского и нашу – только что вернувшихся в отряд – за успешное выполнение заданий. Потом говорит о положении на фронтах, о задачах партизан, о полученном приказе срочно уходить на запад, куда и зачем, об этом будет сказано на марше.

Желающих остаться в лагере нет. Накануне шли разговоры с остающимися, даже многие раненые просили взять их с собой, обещали быстрее выздороветь и не быть помехой. Многие женщины тоже просились в рейд, вплоть до того, что мол за детьми посмотрят старые деды и бабки. Но роты сформированы. Списки остающихся составлены.

* * *

К вечеру колонна партизан длинной лентой вытянулась из леса. Ехавший впереди эскадрон под командованием Бо-

риса Салеймонова находился уже в километре от леса, когда наша первая рота, двигавшаяся в арьергарде – в таком порядке мы будем следовать почти всё время – только ещё покидала опушку. Сила шла внушительная, народ был обстрелянный, мужественный и безгранично преданный своей Родине. Вооружению могла позавидовать любая армейская часть. В каждом отделении один-два ручных пулемёта «Дегтярёва» и три-четыре автомата ППШ. Во взводе противотанковое полуавтоматическое пятизарядное ружьё. Роте придан станковый пулемёт «максим». Засветло, по переезду форсируем железку. Пустыми глазными впадинами смотрит на нас кирпичная железнодорожная будка. Изнутри чуть вьётся сизый дымок. Трое из разведки Ивана Дыбаня – Николай Пасько, Иван Изотов и Андрей Осипенко сходу на галопе закидали сторожку гранатами, и с охраной было покончено. Колонна даже не останавливалась.

Командиры, начиная со взводных, и связные едут верхом впереди роты – это группка человек десять-двенадцать.

– Хлопцы, – восклицает Пётр Ярославцев, – так мы до самого Берлина доедем и ни одного фрица не увидим, надо поменяться местами с кавэскадром, а то они все трофеи заберут!

– Ничего, – хмурится Саша Матвеев, – как, однако, долетит слух о нашем рейде до гестаповского начальства, так только поворачивайся собирать трофеи – каратели со всех сторон нагрянут.

– Ну и тяжёлый ты человек, вечно готов настроение испортить, – ополчается на Сашу Петро Туринок, – для того и идём на запад, чтобы бить фрицев, а то сидели бы на Лысой горе и ждали прихода Красной Армии, как старухи и дети. Сам то, ты из далёкой сибирской берлоги выполз и ишь куда отмахал, а другим настроение заранее портишь.

Саша Матвеев без показухи смелый в бою и хладнокровный до крайности, явно смущён нападками Туринка и не рад, что высказался.

– Ты, Петруша, не петушишься, а то упадёшь с насеста ненароком, то бишь с седла, кукарекать надо после боя, – нарочито нравоучительно говорит Матвеев.

Кругом смеются. Под шутливую перебранку друзей дорога не кажется такой длинной. Начинается общий разговор, умолкший было на переезде. Можно громко смеяться и разговаривать, закуривать, когда захочется. Невольно вспоминается недавнее прошлое, когда мы тайными тропами, вечно настороже и наготове пробирались на юг, говорили вполголоса и курили в рукав.

Ночуем в большом селе. Каждое отделение занимает хату или сарай. Весной здесь проходили ковпаковцы, отношение жителей доброжелательное и безбоязненное. Бывшие в селе полицаи сбежали задолго до нашего прихода. Реквизируем в их дворах награбленные ими припасы продуктов и живность.

..*

Обширные поля снова сменяются перелесками. Грунтовая дорога въётся между красивыми холмами, поросшими соснами или дубами. Похоже на Подмоскovie, но идёт вторая половина октября, а тут ещё совсем тепло. Проезжаем, не останавливаясь, деревни. Из хат высыпают ребятишки и машут нам ручонками. Женщины выносят кислый квас. Молока нет и детишкам.

Изредка впереди слышны короткие очереди пулемётов – это эскадронцы вышибают из домов и разгоняют зазевавшихся полицаев. Колонна движется, не переставая.

В большой тёмной дубраве объезжаем обгоревший и покинутый двухэтажный кирпичный дом. Он наводит на печальные мысли. Какая тайна похоронена в нём? Где люди, которые жили в нём?

– Это пограничная застава на старой, до тридцать девятого года, границе, – подсказывает Антон Скавронский, – летом сорок первого здесь была линия обороны, шли тяжёлые бои.

В глубоком молчании с безмерным уважением к подвигам пограничников, спешившись, проходим дальше в лес.

Перед нами Западная Украина, бывшая панская Польша. Что мы там увидим? Как-никак, а недавняя заграница, только чуть больше полутора лет там просуществовала советская власть.

Нас поразили лоскутные полосы земли под пахотой, ограниченные межами. Нам было по восемь-десять лет, ко-

гда прошла коллективизация, и в нашем представлении поля должны быть просторные и обширные, а межа только по краям дорог для стока воды.

Окна в хатах крошечные, с развёрнутую книгу, полы глиняные, бедность.

Вчера меня ошарашил Гриша Кот – у него такая экзотическая фамилия – наш первый номер на станковом пулемёте «максим», я спешил поражаться, теперь мне смешным вспоминается мой первый опус верхом под Ельском, где мы минировали шоссе. У меня тот же ласковый конь по кличке «Серый», он играет и подталкивает меня головой в плечо.

– Гриша, о чём бубнишь? Поел мало, что ли? – спрашиваю его, рассердясь.

– Ага, – ослабился он, – вон впереди богатое село Эмильчино, угостят нас как милых!

Про себя чертыхаюсь, надо же попасться селу с таким редким названием «в честь меня».

Под Костополем въезжаем в большое село, и на т-образной развилке наша колонна натывается на едущий навстречу немецкий обоз. Кавэскадрон, наверное, проскакал дальше по другой дороге за развилкой. Сразу возникает суматошная стрельба из автоматов и пулемётов. С головы колонны передаётся команда: «принять влево, первую роту вперёд!»

Мы скачем вперёд, за нами устремляется тачанка с «максимом» Гриши Кота, который стоя держит вожжи и с гика-

нем летит вперёд. За тачанкой несутся остальные повозки с людьми. Врезаемся в немцев всей силой нашего огня.

Уцелевшие фрицы бросили свой обоз и, беспорядочно отстреливаясь, отходят по шоссе назад. Всюду по сторонам дороги валяются трупы в серо-зелёных кителях. На повороте, уткнувшись головами в кусты, дрожат громадные кони, из повозки торчит какая-то труба. С Петром Туринком подъезжаем поближе посмотреть, что это такое. Меня осеняет, как раньше не догадался – это же батальонный восьмидесятимиллиметровый миномёт, такого ни у кого в соединении нет. Тут же на повозке ящики с минами.

– Петро, слезай с коня, садись на эту повозку и держись за неё обеими руками, никому не отдавай – такой трофеей редко, когда попадается! Миномёт, что пушка, бьёт на несколько километров. В бою без тебя обойдёмся, скажешь, что командир роты приказал быть здесь, Ярославцева я предупрежу.

Встреченный комиссар соединения Филоненко Михаил Иванович посылает нашу роту в обход, наперерез немцам, чтобы ни один не ушёл. Сам комиссар уходит со второй ротой батальона, которой командует Марк Ляпушкин. К нам присоединяется комиссар батальона Женя Ивлиев.

Ещё часа два добиваем и преследуем отдельные кучки фрицев. Огрызаются они ожесточённо, зная, что пощады не будет. Рота дерётся отважно и умело. С нами вместе десантники Ефима Ободовского. Гриша Кот на своей тачанке шпа-

рит прямо через кусты, разворачивается и успевает выпустить по немцам несколько длинных очередей.

После боя батальон собирается на развилке. Петро Туринок не терял времени даром. Он собрал всех ездовых, не участвовавших в этом бою, и к ротному обозу, кроме миномёта, пристроил несколько повозок с мукой, сахаром, свиными окороками и солью. Лицо у Петра сияет, как медовый пряник.

Комиссар Филоненко возвращается с Ляпушкиным, крепко жмёт ему руку и благодарит за бой. Партизаны ликуют, кидают вверх шапки и кричат «ура!» В бою несколько партизан ранено. Убит наповал ездовой в конце колонны, вдали от места боя – бывает же такая нелепая трагическая случайность.

* * *

Перед железной дорогой Сарны – Ровно громадное поле. За ней сразу начинается высокий лес. Колонна быстро форсирует железку. Кони иногда переходят в галоп, тогда ездовые осаживают их. Впереди уже чётко видны стальные нитки рельсов. Начал переход наш батальон. Тарахтят повозки, подпрыгивая на засохшей земле. Ещё немного, и мы тоже проскочим.

Но тут начинается представление. Справа из-за багряного осеннего леса бесшумно, как в немом кинофильме, появляется паровоз, за ним зелёные пассажирские вагоны. Немецкие поезда легче наших, даже вблизи они мало шумят, а за

грохотом колёс наших повозок поезда не слышно.

Кто-то из ездовых паникует:

– Заворачивай коней в лес! Налево!

Петр Ярославцев вздыбливает коня и яростно кричит:

– Вперёд! Только вперёд! Мать вашу так! Пэтээры к бою!

По паровозу огонь!

Тут же слышны один за другим три резких хлопка противотанковых ружей. Саша Тютнев прямо с повозки водит стволом «дегтяря» по вагонам. Паровоз окутывается белым облаком и останавливается. Наконец, до нас доносится шипение выбрасываемого пара. Повозки роты продолжают мчаться к переезду. Поезд стоит как вкопанный, не показывая никаких признаков жизни, может быть немцы драпают с другой стороны?

Нам они сейчас совсем не нужны. Нам надо скорее переправиться через железку, чтобы не оторваться от отряда. Район и так взбудоражен разгромом немецкого батальона. За нами того и гляди ринутся каратели, а тут еще этот подбитый эшелон.

Наконец, приближается последняя повозка с флегматичным Иваном Светельским, радистами Колей Тернюком и Васей Вернигоровым. Петро Туринок ругается, их место в середине роты, а они плетутся сзади. Василек смеётся и говорит, что во всём виновато молоко, которое Иван перепил, и приходится часто останавливаться.

Повозка подбирает бронбойщиков, и мы, замыкающими,

скачем к переезду. Паровоз уже парит еле-еле, когда переезжаем железную дорогу. Можно вздохнуть спокойно. Из вагонов так никто и не появляется.

За переездом нас встречает комбат Крючков с адъютантом.

– Это вы подбили поезд? – спрашивает он Ярославцева.

– Мы, только он похоже пустой шёл...

– Нет, мне из роты Ламшина сказали, что немцы сыпанули назад вдоль дороги, как только паровоз запыхтел, и сейчас уже к Сарнам подбегают, тут недалеко: километров сорок, – пошутил Николай Иванович, дымя неизменной трубочкой, – дай команду Саше Тютневу полоснуть зажигательными под крышами вагонов. Когда мы скрываемся за высокими деревьями, из окон состава начинают выбиваться языки пламени.

* * *

Карасёвцам навсегда осталось в памяти село Яблонька к северу от Костополя недалеко от реки Горынь. Был один из последних теплых дней глубокой осени. На голубом небе ярко светило солнце. Медленно проплывали сверкающие белизной облака.

В головном дозоре ехали эскадронцы: взводный Володя Воловиков, Иван Кучерявый – москвичи, и Миша Прищепа из Выступовичей. Вдали забелели хатки села Степань. Иван Кучерявый вскинул руку вперед и сказал:

– Засада...

В следующий миг он покачнулся и стал оседать. Подско-

чивший на коне Володя Воловиков поддержал его рукой. После этого только донёсся звук единственного выстрела. Фашистская пуля пробила сердце Ивана Кучерявого.

Хоронили Ивана на сельском кладбище при громадном стечении народа. В изголовье с гармоникой стоял Пётр Ярославцев и тихо играл мелодию: «... вы жертвою пали в борьбе роковой...» Прости, прощаясь однополчане – омсбоновцы, прошёл спешившийся кавэскадрон.

В стороне стоял с чёрными лентами, вплетёнными в гриву, конь Ивана. Конь стоял тихо, не вертя головой, только настороженно поводил ушами.

Люди, страдая, слушали прощальные слова командиров и боевых друзей. Женщины плакали, утираясь платочками. Прозвучал трехкратный, отозвавшийся эхом в лесу, залп винтовок.

Сотни бойцов партизанского соединения имени Александра Невского прошли мимо, бросая в могилу горсти земли. Вырос холмик, увенчанный красной звездой. Прощай, товарищ.

Петро Туринок чуть слышно прошептал:

– Иван Кучерявый уже десятый из отряда, перешедшего линию фронта.

Впереди нас ждали новые бои.

После боя

Колонна партизан давно втянулась в бескрайний лес. Скрипел песок под колёсами повозок. Хрипели измученные кони. Изредка колёса насакивали на корни деревьев, повозки вздрагивали и раненые стонали.

Люди тяжело шли по лесной дороге. Заскоруждые, в ссадинах, руки устало лежали на автоматах, висевших на груди и всегда готовых к бою. «Пэпэша» с диском был тяжелее винтовки, но казался легче: нести его было удобнее. С ним не расставались, даже когда спали. Винтовку на марше старались незаметно от старшины подсунуть на повозку, положив в карманы пару гранат, на всякий случай.

Горячка изнурительного боя проходила. Разговоры постепенно стихли. Каждый думал, глядя под ноги на бесконечную дорогу, «когда же донесётся команда о привале?» Над лесом спускалась ночь. Погасли блестящие золотом вершины стволов громадных сосен.

Вперед проскакала конная разведка Ивана Дыбаня, оставленная заслоном в начале леса. Она доложила, что немцы подошли к лесу, но войти в него на исходе дня не решились. Наконец колонна встала. Посыльный штаба передал приказ: «раненых (с повозками) направить в санчасть, кормить коней, готовить ужин». Петра Ярославцева и других ротных вызвали к командиру соединения Виктору Александровичу

Карасёву.

Партизаны оживились. Послушался стук топоров. Затрепещал валежник. Замелькали огоньки костров.

Во взводе Михаила Журко шёл неторопливый разговор:

– Фрицы теперь пошлют «раму» или «костыль» искать нас, – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Петро Туринок – старшина роты.

– Ночью не полетят они, а вот утром нагрянут после своего завтрака, – из тьмы за костром просипел пересохший голос Саши Матвеева, командира третьего взвода, мрачноватого, кряжистого сибиряка следопыта и охотника.

– Да... «после завтрака», – мечтательно протянул радист Коля Тернюк, – нам бы хоть кусок мяса, да хлебушка вдоволь поесть.

Два радиста, прикрепленных к роте, были очень молоды. Из девятого класса они в Ворошиловграде ушли в спецрадиошколу, научились работать на рации, стрелять, прыгать с парашютом, и вот уже несколько месяцев находятся во вражьем тылу. Ребята много работали на связи, недосыпали, и им всегда хотелось есть.

– А что, сало варёное надоело? Пожевали и порядок, – нахмурившись отозвался Петро Туринок, – скоро и этот трофей кончится. Мука-то есть, а хлеба испечь негде. Сколько дней идём – и ни одной целой деревни не встречается: все спалены карателями. А хлеб... от хлеба одна тяжесть в животе и вспучивание вредное для соседей.

– Петро, – перебил старшину радист Вася Вернигоров, – ты ведь недавно, до костопольского боя, где захватили большие трофеи, про сало говорил, что оно и в тяжесть, и вредное, и только один хлеб сплошные калории?

– Чудак ты Василёк, сала тогда не было и в помине, вот оно у нашего Туринка и было вредным. У него, по принципу, «что дышло, куда повернул – туда и вышло!» – шутя напал на старшину Виктор Прокошев, радист-метеоролог.

Все засмеялись. Петро Туринок поднял руки и заткнул уши.

– Где собрались три «музыканта», – так в целях конспирации и в шутку называли радистов, – доброму человеку дельного слова не дадут сказать, – отбояривался Туринок.

Выручил старшину из затруднительного положения приход командира роты Петра Ярославцева.

– Хлопцы, приказано отдыхать до утра. Коней не распрягать. Дежурному взводу обеспечить патрулирование на участке роты. Помкомроты Марат проинструктирует. Кстати, где он?

У нас в заглазнике классная махорка была.

– У дороги возле ротной повозки копается, – показал рукой Петро Туринок. Кисет еле нашли. Антон Скавронский – наш ездовой и повар, разведчик и снайпер, до войны лесничий, засунул его в ящик с патронами и сверху положил противотанковую мину. Сам отправился с ведром к ручью, чтобы напоить коней.

– Правильно сделал, что спрятал, – усмехнулся Ярославцев, – а то махру давно бы умыкнули, вон сколько жаждущих.

Народ у костра зашевелился. Десяток рук, словно шеи гусей, потянулись к кисету. Табак, после оружия, шёл главным пунктом жизни, важнее еды. Махорку, когда не было настоящего самосада, а настоящий бывал редко, делал по своему рецепту сам Антон Венедьевич Скавронский, он многое знал и всё умел делать. Махоркой она только называлась. На самом деле это была душераздирающая смесь дубовых и вишнёвых листьев с бадилякой – корешками махорочных листьев, оставшихся от лучших времен. Всё это «сдобрено для вкуса» – по выражению Антона – какими-то цветами.

– Опять перемолотая оглобля! – кашляя и отплёвываясь, ворчал радист Вася Вернигоров.

– Знать бы: «костыль» утром прилетит или позднее? Коней и повозки надо успеть замаскировать и костры затемно погасить, чтобы дым успел над лесом развеяться, – вернулся к своей заботе старшина Петро Туринок.

– Замаскируем с утра, – ответил за всех Миша Журко, – как начнёт развидняться. На машинах фрицы преследовать нас не будут. По такой дороге на повозках еле проехать можно: оси за деревья цепляются. А «костыль», это точно, в девять утра начнёт завывать над лесом, как по расписанию.

– В таком лесу с воздуха нас трудно заметить, – негромко произнес Пётр Ярославцев, – не то, что на поляне под Мо-

зырем.

– А что случилось там? – заинтересовался Петро Цалко. Он одним из первых пришёл к нам в спецотряд, ещё на базу в урочище Лысая гора, и заявил: «дайте мне автомат, хочу бить о фашистов». Автомат ему тогда не дали, но карабин он получил.

– Пусть Петро Туринок расскажет, как он здорово припустился, только подковки сверкали на солнце, – завел своего дружка Ярославцев.

– Ну, каблуки мои он видеть не мог, так-как бежал-то я за Петром Ярославцевым, – не остался в долгу Туринок.

Старшина не спеша прикурил от уголька, перекидывая его с руки на руку. Оглядел красные от сполохов костра усталые лица партизан и, оставшись довольным общим вниманием, начал неторопливо рассказывать.

– Отряд прошёл уже сотни километров от линии фронта. Зима сменилась весной, растаяли снега. К тому времени мы разжились у полицаев пароконными повозками. Лыжи и волокуши бросили в какой-то лесной деревушке. Груз лежал на телегах, и идти стало намного веселее: лямки вещмешков не натирали до крови плечи. Главное, как говорили в старину индейцы: «наступила чёрная тропа», за нами не тянулся след по снегу. Двигаемся как-то днём, впереди в разведке Борис Салеймонов, Вася Куликов. Птицы поют, листики распустились – красота. Кругом всё тихо и спокойно. Дорога пересекает большую поляну, разведка уже исчезла впереди в лесу.

Вдруг... – Петро – делает страшные глаза, вытягивает в стороны руки, – по-над лесом, из-за деревьев, на бредущем, вылетает фрицевский «костыль» и разворачивается, – Туринок склоняется набок и показывает руками, – и начинает кружить над нами, точно навозный жук. «Сейчас паразит будет бомбить нас» мелькнуло у всех. Мы на поляне, как яйца на горячей сковородке, без пальцев пересчитаешь. Бросаемся в лес занимать огневой рубеж. Я за Петром Ярославцевым бежал. Он подлиннее меня, ему лучше видно, куда бежать надо подальше от «костыля», – Петро Туринок с ехидцей поглядывает на своего тезку Ярославцева, – а фриц самолёт наклонил, морду свою высунул и кулаком грозит. Камня под рукой не оказалось, так бы и залепил ему по башке!

– А вы, товарищ старшина, по нему очередь из автомата могли бы полоснуть? – спрашивает напряжённо слушающий шестнадцатилетний пулемётчик Женя Гирба.

– До автомата ли, – отмахивается от вопроса Туринок.

– Бежали «оборону занимать», ясно сказано, стрелять-то некогда, – с иронией поясняет Миша Журко.

Кругом заулыбались. Туринок этого не любит, над ним не очень пошутить. Он оглядывается на весельчаков.

– Там бы вы не ржали, когда «костыль» над головой висит. Была у нас и бронебойка с нежным названием «салатурия», да лежала на повозке, как у некоторых из «смешливых» винтовки на фурманках под сеном едут. Знаю я...

Смех у некоторых мгновенно пропадает. Довольный Ту-

ринок продолжает свой рассказ.

– Добежали мы до опушки леса и там залегли. Вася Божок и Макар Тимошевский установили сошки «дегтяря» на пень и водят стволом пулемёта за самолётом – смелые хлопцы, ничего не скажешь. Но команды «огонь» Виктор Александрович не подаёт, а без команды, дорогой Женя, какая стрельба? Нас тогда мало было: лежали все рядом и командир, и комиссар Михаил Иванович, и смотрели на летавший «костыль». Фриц почему-то не стреляет и не бомбит. Потом немного поднялся, отлетел на другой конец поляны и там на пустом месте начал кидать бомбы и палить. Мы лежим, а он метрах в двухстах заходит, нам смешно стало. Помнится Петр Ярославцев сказал: «не иначе как у фрица после шнапса глаза на лоб вылезли и смотрят в другую сторону. Тут хлопцы наши Миша Минаев, Коля Новаторов, Иван Изотов появляются с повозками, коней ведут за уздцы прямо по целине. Коля Новаторов и говорит: «ребята, тикаем глубже в лес, пока фрицы не передумали, а то поздно будет, мне эта карусель не нравится».

– Подожди, Петро, рассказывать дальше, я быстро! – срывается с места Коля Гапиенко. Он совсем поправился после тяжёлого ранения, только чёрная повязка закрывает глаз.

– Что с ним? Не иначе как сало без хлеба выиграло? – поворачивается к Туринку Антон Скавронский.

Тот на такие выпады старика – Антону лет под сорок – не обращает внимания, медленно раскуривает погасшую ци-

гарку. Гапиенко вскоре возвращается с высоким светловолосым словаком Гришей Гощак. Пришёл он к нам со своим другом Павлом Гривиком осенью перед выходом соединения в рейд. Определили их пулемётчиками в нашу роту. Павел тоже был высокого роста, но с тёмными волосами и почти не говорил по-русски.

Лётчик Гриша Гощак и механик Павел Гривик были мобилизованы немцами, пытались перелететь линию фронта, но неудачно. Их приговорили к смертной казни. Накануне расстрела они снова бежали, долго блуждали по лесам, пока не встретили одну из наших разведгрупп. Когда узнали, что мы уходим на запад, отложили свою мечту попасть в бригаду Людвика Свободы, действовавшую на фронте, и пошли с нами.

– Петро, разреши, пожалуйста, сначала рассказать Грише, как он бомбил партизан, а потом ты закончишь, – попросил Коля Гапиенко.

Туринок да и остальные удивилась этой неожиданной просьбе Николая. Его все любили за скромность и душевную чистоту, за смелость в бою и прощали порой ребяческие выходки. Однажды он, желая обрадовать своего командира, променял в деревне его строевого коня, хорошего рысака, на необъезженного жеребца неопикуемой масти. Вся рота дружно хохотала, глядя на обескураженного Петра Ярославцева, к которому Коля подвёл нового коня. Пётр лишился дара речи, потом, сильно заикаясь, послал Колю вместе с

жеребцом куда-то в неопишемую даль.

– Когда мы с Павлом служили у немцев, – медленно подбирая слова, начал Гриша Гошак, – нам не доверяли и поручали всякую грязную работу. Раз мы увидели четырёх повешенных партизан и дали друг другу слово никогда не воевать с русскими. Летать меня посылали редко и всегда с немцем-наблюдателем. Но как-то я полетел со стрелком, тоже словаком, – у фашистов стало не хватать людей. Нам приказали разбомбить партизанскую лежанку... Я что-то не такое говорю? – остановился Гриша, увидев улыбки партизан.

– Все правильно, Гриша, – поддержал его Коля Гапиенко, – только, наверное, не «лежанку», а стоянку партизан, хотя бывают и зимние лежанки у партизан, которые боятся оставлять следы на снегу.

– Да, да! Стоянку партизан. Летим над лесом и видим повозки и людей с оружием. Подлетели ближе, а люди побежали в лес, испугались. Тогда мы отлетели в сторону, и там бросили бомбы и постреляли в воздух.

Москвичи-омсбоновцы, совершившие отважный тысячекилометровый рейд по тылам немцев, явно заинтересовались сообщением Гриши Гошака и придвинулись ближе к огню.

– Это было у вас в Словакии? – первым спросил всегда невозмутимый, немного флегматичный Николай Тернюк.

– Нет, здесь в Остланде, – Гриша смутился и быстро поправился, – тут в России, мы летали из Овруча, там был фа-

шистский аэродром.

– Когда же это было, в этом году? – поднял голову Пётр Ярославцев, явно что-то вспоминая.

– Да, в этом году, весной, только листья появились...

– А над поляной, где вы партизан увидели, кружили? – полюбопытствовал Вася Вернигоров.

– Да, небольшой вираж, мы хотели сесть, но очень много пеньков, мы разбились бы, – вспоминая тот полёт, задумчиво ответил Гриша.

К костру незаметно подошли часто навещающие в свободную минуту своих друзей радисты Пана Безух и Коля Новаторов.

– Что у вас тут, вечер вопросов и ответов? – заинтересовалась Пана.

– Вот словака Гришу Гоцака хором «допрашиваем», похоже, что он летал над нами под Мозырем и не стрелял, – отозвался Миша Журко.

– Да, да, под Мозырем, – обрадовался Гриша.

– Как это занятно! – воскликнула Пана, – Такие встречи только в романах случаются.

– А почему ты, Гриша, нам кулаком грозил? – нетерпеливый Туринок взял быка за рога.

– Так это были вы? – опешил Гриша, – я не грозил, я махал перчаткой и кричал «до свидания!»

Коля Гапиенко чуть не прыгал от радости от разгаданной тайны «не стреляющего фрица». Он всегда с большим вни-

манием слушал рассказы старших товарищей о боях и походах и хорошо помнил их.

Каждый счёл нужным ещё задать какой-нибудь вопрос, они сыпались, как осенью листья с деревьев. Гриша еле успевал поворачиваться в разные стороны и отвечать.

Так неожиданно закончилась необычная история, начатая Петром Турином и дополненная Гришей Гощаком.

Туринок напоследок выдал:

– Вот поэтому я и не стал сбивать булыжником тот «костыль»: лица у лётчиков показались очень симпатичными.

Чей-то смешливый голос вызвал новое оживление:

– Помнится, старшина полчаса назад о каких-то «поганных мордах» высказывался, а теперь всё наоборот переиначил!

– Ситуация же изменилась с тех пор, – нашёлся Петро Туринок под общий одобрительный смех.

На шум и весёлые возгласы подъехал верхом комиссар отряда Михаил Иванович Филоненко, любивший поговорить с народом. Первым его заметил Пётр Ярославцев, он всегда всё замечал раньше других. У него мгновенная реакция. Ехали как-то ночью на повозках и дремали на соломе. Неожиданно напоролись на фашистскую засаду. Пётр сходу, лёжа на повозке, выпустил длинную очередь по вражеской цепи, дав возможность остальным залечь и принять бой. Ярославцев доложил, что первая рота после марша находится на отдыхе, раненых отвезли к Нине Рогачёвой в санчасть, патрульные уже несут службу.

Филоненко спешил. Все наперебой стали ему рассказывать историю про словаков. Он с удовольствием уточнял подробности, так как сам был очевидцем того случая.

– Наши друзья словаки очень скромные люди, спросите у них, как они похитили самолёт и хотели перелететь линию фронта, я не ошибаюсь? – Филоненко повернулся к Грише Гощаку.

– Нет, нет, всё сказано верно! – закивал головой словак.

Михаил Иванович Филоненко прочёл сводку Совинформбюро, поговорил о новостях, потом ушёл в другую роту.

Никому не спалось, несмотря на тяжёлый, долгий бой, на длинный марш через лес. А может быть именно потому, что пережили ещё один бой, остались целы и были молоды. Люди бродили между кострами, кого-то искали, с кем-то перекликались, не смолкали шутки и смех.

Петро Туринок и Миша Журко – любители спеть, плясунны и балагуры – о чём-то шептались, поглядывая на своего друга Василия Ивановича Исаева, командира хозяйственной роты.

– Василий Иванович! – громко позвал Миша Журко, – а ты разве не знал эту историю про наших словаков?

– Нет, в первый раз услышал, – отозвался тот.

– Странно, Павел Гривик говорил, что дважды тебе рассказывал, как он сразу узнал нас, когда летал над нами, – чрезмерно удивился Журко.

Мужественный, спокойный Павел Гривик отличался

крайней молчаливостью, за день он мог сказать всего несколько слов. Исаев не мог вспомнить разговора, которого не было.

– Конечно, Павла трудно понять, когда он быстро говорит по-русски, его словацкий язык легче разобрать, – серьезно пояснял Туринок, искоса поглядывая на Исаева и явно вызывая его на спор.

– Не стрекочи, Туринок, я Павла хорошо понимаю. Лучше скажи, как они сверху догадались, что это карасёвский отряд? – задумался Исаев, ещё не поняв, что сам залез в сети розыгрыша.

– По инструкции узнали, – пожимая плечами, с готовностью откликнулся Туринок, – во всех фрицевских инструкциях написано, что впереди карасёвцев двигаются длинные рыжие... они всегда нас демаскируют.

Петро Туринок и Миша Журко начали незаметно отступать в сторону повозок.

– Что это за «длинные рыжие»? – подозрительно посмотрел на Туринка Исаев.

– Это твои усы! – гаркнул Журко, стремительно перемахивая через повозку.

Василий Иванович, несмотря на свой громадный рост и большой вес, был ловок и гибок, как все кавалеристы. Зазевайся Журко на секунду, его сцапали бы могучие руки.

– Ишь, что про мои усы выдумали. Тут ещё где-то под ногами вертелся Туринок. Попадутся мне эти «демаскиров-

щики»! – захохотал басом Исаев, покручивая рыжие-рыжие усы. Снова пламя костра колыхалось от смеха партизан.

Постепенно над партизанским бивуаком опускается тишина. Только чуть слышно похрустывают жующие овёс ко-ни, и потрескивает костёр. Пахнет сосновой смолой и ды-мом. Люди лежат повсюду: на повозках, на сосновом лапни-ке, просто на траве, придвинувшись к огню и подложив под голову приклад автомата. Костёр сложен по-сибирски, там называют его – нодия. Два толстых ствола положены по всей длине друг на друга, чтобы верхний не скатился, забиты две пары кольев по концам. Огонь между брёвнами будет гореть всю ночь, согревая партизан.

Между повозками тенями проскальзывают патрульные. Они отодвигают от огня партизана с начинающей тлеть курт-кой; другого, разметавшегося во сне, накрывают шинелью. Тут нет материнских рук – они только иногда снятся.

Тишина кажется непреодолимо густой. Не воют мины, и не свистят пули. Не падают рядом друзья, зажав крик боли зубами. И нет на земле войны. Усталые партизаны спят...

Берестяное

Бой. Бой партизанского отряда на марше – это стремительная атака на врага. Чем быстрее мы атакуем, тем меньше будет у нас потерь, тем легче мы захватим населённый пункт или разобьем колонну врага, и сможем идти вперёд. Не всегда имеется возможность делать обходной маневр и миновать вражеский гарнизон по другой дороге. Кто-то подсчитал, что средняя жизнь лётчика-штурмовика двадцать пять боевых вылетов, что пехотинец может участвовать в трёх-четырёх атаках, на большее его не хватит.

За две недели рейда мы ежедневно два-три раза бросаемся в атаку. Конечно, нам помогает то, что наше нападение для фашистов большей частью является неожиданным, хотя известие о нашем движении уже разнеслось по всей округе. Фрицам пощады нет – они ожесточённо огрызаются.

Всё чаще и чаще нас встречают выстрелы украинских националистов: бандеровцев, бульбовцев, мельниковцев и прочих бандитов, называющих себя по фамилиям своих атаманов. Здесь зона их расположения. Некоторые националисты неграмотные и полуграмотные местные крестьяне-западники, присоединённые к Советской Украине только в тридцать девятом году. Их сагитировали на борьбу с немцами и «москалями» за самостийную Украину.

После обстоятельной беседы с рядовыми пленными бан-

деревцами мы отпускаем их без оружия по домам. Как правило, они больше с нами не воюют.

Наши основные вопросы им:

– Кто дал вам бесплатно землю панов? Сколько раз вы воевали против швабов (немцев)? Вы убиваете наших одиночных разведчиков, бежавших из адского плена красноармейцев, а ваши куренные атаманы в сговоре с фашистами, сами не воюют и вас не пускают. Где же людская правда?

Они смущённо молчат или согласно кивают головами. После таких бесед многие просят к нам в отряд, особенно молодёжь. Мы их принимаем целыми группами. Если они взяты в плен в своей деревне, то родные знают, что они ушли в красные партизаны и такие семьи становятся партизанскими, активными сторонниками советской власти.

Остановились в большом селе «о двух церквах». Оказалось, что это православная церковь Александра Невского и католический костёл. Приход партизан днём в село стал для жителей настоящим праздником. Пётр Ярославцев соблазняет меня пойти посмотреть на архитектуру и росписи собора. Навстречу нам попадают скромно улыбающиеся, одетые по-городскому, польские паненки. На ногах у них высокие сапожки с мелодично позванивающими колокольчиками, подвешенными между каблучком и подошвой. Такого нам ещё не попадалось.

Пётр Ярославцев порывается остановить какую-нибудь девушку.

– Проше, паненка, что это у вас позванивает?

Сейчас, думаю, поднимется скандал.

Но ничуть не бывало. Нас окружает небольшая группа смеющихся девчат. Они допытываются, что нас интересует, и каждая норовит показать свой колокольчик так, чтобы видны красивые круглые коленки. Все довольны и весело смеются. Еле уходим.

Батюшка длинный, подобно жерди, с тощей бородкой – встречает нас весьма приветливо и даже пытается угостить «панов командиров» домашней рябиновой настойкой. Мы сразу заявляем, что мы комсомольцы, в бога не веруем, а если можно, то желаем посмотреть церковь изнутри. Со служителями церкви мне не приходилось сталкиваться.

Петр Ярославцев ведет себя с батюшкой весьма вольно:

– Батюшка, у меня к вам два вопроса: почему вид у вас больно худющий, несолидный по сану, и почему церковь названа именем князя Александра Невского?

У всех в памяти вышедший перед самой войной кинофильм «Александр Невский» и слова князя в фильме: «...а вы идите и скажите там, что в гости к нам можно идти спокойно, а кто с мечом к нам пойдёт – тот от меча и погибнет!»

– Разрешите, молодые люди, я отвечу сначала на второй вопрос. Александр Невский за героическую борьбу с тевтонскими рыцарями и завоевателями причислен к лику святых. В честь него и наименована церковь.

Батюшка оказался учёный и подробно рассказал, что зда-

ние построено в стиле раннего классицизма, в первой половине восемнадцатого века известным архитектором. Сферический купол и высокая оштукатуренная ротонда кирпичные, четверик и трапезная из белого камня.

– Видите, в куполе просвечивают дыры от немецкого снаряда, а свод кирпичный не рухнул, прочно, на яичном желтке строили в старину. Что касается другого вопроса, скажу по-божески откровенно: в округе деревни все сплошь с польским населением, и у ксёндза большой «приход», а у меня православных только тридцать дворов. Не до жиру – быть бы живу! Но для панов красных командиров найдётся и сало с яичницей, и штоф наливочки...

Церковь внутри выглядела бедно, но поражал своими размерами высокий купол. Батюшка проникся уважением к Петру Ярославцеву за его библейские познания – Петр два дня назад, в свободное время весь вечер листал хозяйскую библию – и сообщил по секрету, что всё ценное убранство и резной иконостас он попрятал от немцев в подземелье.

Нигде не попадалось столько рек и речушек как на этом участке нашего пути на запад. Все эти реки впадают в полноводную Припять: Убороть, Бобёр, Случь, Здоляня, Горынь и десятки других, которые нам приходится форсировать в большинстве с боем. Тяжело будет здесь фронтовым частям вести наступление с танками и орудиями. Нам и то для наших повозок приходится рубить лес и мостить гати, строить наплавные мосты, а порой сбивать клетки или козлы и возво-

дить настоящий мост. Западные берега почти все выше восточных, и без мостов выехать на них с повозками не всегда удаётся. Так и двигаемся вперёд, строя и отвоёвывая себе дорогу. Бои и реки, реки и бои.

Село Степань на левом берегу реки Горынь встретило нас огнём. Карасёв послал эскадрон в обход села, через брод, выбить оттуда бандеровцев. Для нашего обоза надо строить мост. Пока кавэскадрон переправлялся через Горынь, кавзвод Ивана Изотова штурмом брал село, два других кавзвода во главе с Борисом Салеймоновым гнали националистов к дальнему лесу, Василий Иванович Исаев и Вася Румак со своей хозротой рубили деревья, подтаскивали к реке. Работа под зычный бас Исаева «над-дай» и «взяли» спорилась. Мост рос прямо на глазах.

Стрельба вдали то утихала, то вновь разрасталась. Первые повозки обоза уже карабкались на высокий берег, подпираемые плечами партизан. Проходя и проезжая мимо самой большой хаты, ребята смеялись. На стене белой мазанки чёрной краской было выведено: «Хай живе наш атаман Степан Бандера!», а ниже – наверное шутники из эскадрона добавили дёгтем – «... и его жинка Гапка!»

В лесу эскадрон на плечах у отступавших разгромил бандеровскую школу командиров. Взяли большие продовольственные трофеи. Мешки с мукой, награбленные бандитами, раздали жителям окрестных деревень.

Второй день отдыхаем в лесном селе с поэтическим на-

званием Берестяное. Нашему штабу роты достался большой дом возле кладбища с несколькими комнатами, уставленными городской мебелью. Хозяйка пани Кобецкая и её дочь Люси, за которой тут же начали ухаживать радисты Коля Тернюк и Вася Вернигоров, целый день стряпают на кухне из наших трофейных запасов. Там всю командует Антон Венедьевич Скавронский, в дороге нас кормить приходится ему, теперь он отыгрывается на женщинах, обмотал голову белым рушником, и даже повесил на себя кружевной белый фартук.

Муж хозяйки погиб под Варшавой в сентябре тридцать девятого, а сын где-то воюет в отряде Армии Людовой, руководимой Польской рабочей партией. Нас не удивляла городская мебель. За пятьсот с лишним километров, оставшихся позади, нам попадались всякие деревни, сёла и хутора, зажиточные и бедные, но в подавляющем большинстве народ, ограбленный оккупантами бедствовал до немыслимого, все голодали.

... Через три месяца, зимой, мы ещё раз проедем через Берестяное. Дома были сожжены карателями, одиноко торчали трубы печей. Люди ютились в сырых нетопленных землянках, засыпанных снегом. Многие без памяти метались в «жару» от сыпного тифа. наших приветливых хозяек мы не смогли найти.

Второй день мы отдыхаем, после длинного пути и ежедневных боёв. Старшина роты Петро Туринок после обхода

взводов и проверки, как идёт ремонт обозного имущества, блаженствует на плетёной качалке. Ротный Пётр Ярославцев и комвзвода Миша Журко, зашедший в гости, склонились над шахматной доской. Из кухни доносится смех Люси и радистов Николая и Василя. Они не столько помогают готовить, сколько мешают и поедают огромное количество пирожков с салом из бандеровской муки. Радисты в любое время готовы «повеселиться», в смысле хорошо поесть. Завтра первый батальон и кавэскадрон снова уходит в поход.

* * *

... Проклятое урочище под названием «Чёртово болото» обнаружило себя пулемётными очередями. Капитан Крючков отдаёт команду нашей роте разворачиваться к бою левее дороги, по которой ехали. Соскочив с коней и повозок, мы бросились в обход захлёбывающемуся пулемёту. Метров через сто нас прижимают к земле ещё два пулемёта, неожиданно вынырнувшие из-за невысокого бугра среди толстых сосен. Лежим за торчащими стволами деревьев и короткими очередями строчим по огневым всплескам врага. Они прозевали нас, допустив так близко, и теперь стреляют не переставая. До них метров двадцать. Деревья не дают забросать их гранатами. Очередь «станкача» дятлом стучит по дереву, за которым, высунув автоматы, лежим с Сашей Матвеевым. Интуитивно прижимаю голову к земле.

– Ты жив? – тревожно дотрагивается до меня Саша, – чувствуешь, однако, один пулемёт замолчал и задрался вверх. Сей-

час у «максима» кончится лента, надо брать их, а то они с перепугу пристреляются к нам.

Саша Матвеев, Пётр Ярославцев, Миша Журко, Федя Волков, Артём Кокжаев бросаемся на замолкший пулемёт на бугре. Нас человек пятнадцать, другие растеклись дальше по лесу. В рукопашной – диски автоматов опустели – идут в ход приклады и кулаки. У меня в руках откуда-то оказывается карабин. В окопе и на том склоне холма с дюжину распластанных вражьих тел. Один сидит на дне ячейки в немецком френче с высоко вверх задранными руками.

– Не убивайте, не убивайте... – кричит он по-русски.

Переводим дух и меняем диски автоматов. Мы захватили станковый пулемёт «максим» и ручной «школа». Несколько метров не добежал до окопа «Усач» из казачков, приведённый к нам под Винницей, его так и звали «Усачём», имя, к сожалению, не запомнилось. Ещё кто-то из наших лежит убитый внизу у склона, широко раскинув руки, обнимая землю родную...

Вдруг Федя Волков вскрикивает:

– Хлопцы, кто это за нами идёт? – он быстро спускается вниз навстречу приближающейся большой вооружённой толпе. Он неожиданно останавливается и пятясь назад кричит: – Стреляйте! Это же бандеровцы!

Нам ещё не верится, как сзади нас оказались националисты? Почему они идут молча? Может это капитан Крючков послал нам на помощь эскадронцев? И как стрелять в молча

идущих людей? Почему они молчат?

Кто-то быстро спрашивает пленного:

– Wek ist du? Кто ты?

– Туркмен я! Бежал из фашистского восточного легиона к партизанам, а попал не знаю куда, не убивайте, – торопится высказаться он, коверкая слова.

Раздаётся несколько винтовочных выстрелов, мимо нас свистят пули. Словно подрубленное дерево валится навзничь Петро Конорезов из Казатина. На груди у него расплзается кровавое пятно. В стороне начинается сильная перестрелка.

Доносится голос словака Гриши Гощака:

– Браты! Бейте по мне! Я в засаде!

Он стоял высокий, красивый, окружённый копошившимися около него врагами, и бил их по головам прикладом пулемёта, перехваченного за ствол. Мы открыли вкруговую бешенный огонь из автоматов. В Гришу мы не могли стрелять. И мы не успели добежать к нему на помощь. Раздался сильный взрыв противотанковой гранаты – бандитов разметало во все стороны. Не стало и Гриши Гощака, словацкого лётчика-партизана. Сказочным богатырём с железной палицей в руках, разящим врага остался в нашей памяти побратим Гриша.

Эта мужественная смерть партизана ошеломила бандеровцев. Они опомнились только тогда, когда мы прорвали окружавшее нас кольцо и побежали через лес. Артём Кокжаев гнал впереди себя бывшего легионера. Федя Волков,

закинув винтовку за плечи, тащил в руке «шкодобский» пулемёт. Петро Гуринок захватил затвор «максима», который без него стал безвредной игрушкой.

Огонь бандитов усилился. Щепки, отколотые пулями от деревьев, летели во все стороны, били по лицу. Но всё больше деревьев заслоняли нас. Бандеровцы почему-то не преследовали. Положили мы их несколько десятков. Но погибли четыре наших боевых друга.

С печалью в сердце возвращались мы в село Берестяное, где оставался штаб и второй батальон. В кавэскадроне и третьей роте в бою погибло ещё десять товарищей.

– Совсем недалеко оставалось идти Грише Гошаку до своей родины Словакии, – грустно выдавил Пётр Ярославцев, – как об этом расскажет родным его земляк Павел Гривик.

От захваченного нами пленного узнали, что напоролись на укреплённый центр националистов, в котором базировалось свыше двух тысяч бандеровцев.

– Жаль всё-таки, что не захватили станковый «максим», – сожалеет теперь Петро Туринок – любитель трофеев.

– Скажи спасибо, что вырвались из мешка, они ведь, однако, живьём хотели нас взять, – хмуро отозвался Саша Матвеев.

– Точно, – поддерживает Федя Волков, – поэтому они и не стреляли сначала, думали, что мы испугаемся их количества и сдадимся без боя на милость победителя. Не на тех нарвались!

– Ты, Туринок, не печалься про станковый пулемёт, – вступает в разговор Миша Журко, – во-первых, бандеровцы уже стрелять из него не смогут, а он у них единственный был – сознался пленный. – во-вторых, обозники из батальона Балицкого уже полгода таскают с собой «максим» без затвора, они тебе за затвор корову отдадут.

– Зачем мне корова? – возмущённо вспыхивает Петро.

– Чудак ты, Петро, хоть и старшина. Корову отдашь мне, а я на любом хуторе поменяю на бочку пива или бидон первака, и половину дам тебе, по рукам?

Петро Туринок молча показывает дулю.

Следующим утром на Берестяное налетает фрицевский «костыль». Долго кружит над деревней и начинает беспорядочно сбрасывать кассетные бомбы. У нас распоряжение: «по самолётам не стрелять, по улице не бродить, тщательно спрятать и замаскировать все повозки, тачанки и, главное, коней разместить по сараям и в хлевах, никак себя не обнаруживать. Разведывательный полёт «костыля» явно дело рук бандеровцев, сообщивших немцам о нашем появлении. Фриц улетел, разрушив бомбой угол дома; люди не пострадали. Больше он не появляется, и «юнкерсы» не налетают – значит ничего не заметил. Или за штурвалом опять сидел антифашист, как когда-то наш погибший друг Гриша Гошак.

Командование соединением приняло решение перейти на стоянку в лес, чтобы не допустить случайных жертв среди мирного населения. Стояла поздняя золотая осень. Гре-

ло солнышко. В лесу было хорошо и по-домашнему уютно. Мы стали лесными жителями. Прожили в культурном доме несколько дней и потянуло снова в лес на природу. Расположились ротами так, что можно держать круговую оборону и вместе с тем защищать участок обороны всего соединения. Лес большей частью сосновый, но не высокий строевой, а раскидистый с корявыми толстыми ветвями, под одним деревом размещается целый взвод, как будто под баобабом. Никто не роет землянки, даже не строят шалаши. Днём совсем тепло, а ночью под шинелью тоже спится нормально. Засиживаться здесь долго не будем.

Недалеко от нас находится отряд полковника Медведева Дмитрия Николаевича – это наши омсбоновцы. Урочище, где они стояли, называлось Лопатень. У них такой же благоустроенный лагерь с полсотней землянок, обтянутых парашютами, как на нашей Лысой горе. Они уже шестнадцать месяцев в тылу противника. Кстати, основная группа их десантировалась километрах в тридцати по прямой от Лысой горы. Их задача – разведка города Ровно, объявленного гитлеровцами «столицей», нашей задачей – до ухода в рейд – был Киев.

Сидим у вечернего костра. Туринок с удовольствием помешивает ложкой в котелках, стоящих на угольях. Доносится вкусный запах тушёной картошки и сала. Рассказываем военные побасенки и истории. Мимо проходят Вася Куликов – знаменосец отряда и Паша Калганов, мой земляк. Паша

останавливается, поводит носом, залезает ложкой в котелок и морщится.

– Опять старое сало топите. Вот я сейчас был у «медведевцев», заходил к друзьям испанцам из первого полка, – Калганов повёртывается ко мне, – ты ведь тоже из первого, Риваса, наверное, знаешь? – не дожидаясь ответа, продолжает: – так вот же, умеют жить европейцы, не то что вы, варвары. Там угостили меня молодой картошкой, но с чем? В жизни не догадаетесь! С курятиной или фазаном, одним словом с дичью! А у вас всё свинячье сало.

Вокруг костра раздаётся дружный смех. Смешливый, весёлый Паша тоже хохочет и вдруг останавливается.

– Хлопцы, а что мы смеёмся?

– Ты ел тушёную лягушатику, а не курятину, – сквозь смех ответил Вася Вернигоров, – нас уже угощали, но предупредили заранее, а ты лезешь в котелок не спросясь, вот у тебя и получился «фазан» тушёный...

Паша на мгновение удивлённо открывает рот... и заливается смехом.

– А вкусно было, право вкусно! Ещё схожу, перепробую заново.

* * *

Сегодня седьмое ноября – празднуем двадцать шестую годовщину Октябрьской революции. Этот прошедший год был переломным в ходе войны. Германия стала перед катастрофой, все надеялись, что в следующем году отпразднуем По-

беду.

После полудня Виктор Александрович Карасёв, Михаил Иванович Филоненко, Ефим Александрович Ободовский, Алексей Николаевич Ботян и ещё другие командиры в сопровождении конной охраны уехали, по приглашению полковника Медведева, к ним в Лопатень на праздники.

Вечером Вася Румак – помощник командира хозроты Исаева, с десятью повозками собрался ехать за сеном на луг возле Берестян, где ребята на днях накосили траву. Антон Скавронский забыл у нашей хозяйки ящик с выстиранным и выглаженным бельём. Попросил у комбата Крючкова, дежурного по отряду, разрешения попутно с Румаком съездить в Берестяное.

Верхового коня не стал брать, а подсел на первые дроги к Васе Румаку. Когда подъезжали к селу, стало совсем темно.

– Как же вы в темноте соберёте сено?

– Охапками, оно у нас уже в копнах, – откликается Вася и неожиданно толкает меня в спину локтем, – повернись, что это за шкеты над лесом?

В стороне от нас, низко над деревьями, примерно по дороге из Берестян на Цумань одна за другой вспыхивают светло-зелёные ракеты. Эта картина знакома по Кавказскому фронту.

– Вася, слезай, приехали! Там фрицы!

Обоз за нами останавливается. Решаем с Васей Румаком вдвоём идти в разведку в Берестяное. Предупреждаем ребят,

что, если услышат стрельбу, и мы вскоре не появимся, пусть скажут в лагерь и обо всём доложат.

Вставляем в гранаты запалы, со мной неразлучная противотанковая, и уходим в темноту. Пробираемся без дороги к середине деревни со стороны огородов. Тут наверняка часовых нет. Последние десятки метров до строений ползем между грядок. Наш дом, где мы жили, на другом конце села, у кладбища.

– Вася, – шепчу ему, – ваш дом, где стояли, далеко?

– Нет, но на той стороне улицы, не пройдёшь к нему.

Подползаем к изгороди. Громко слышится смех и чужая речь во дворе усадьбы. По голосам и шуму там человек десять-пятнадцать. Фыркают и бьют копытами о жерди кони.

– О чём они говорят? – дышит в ухо Вася.

Стыдно признаться, но я понимаю с пятого на десятое, уж очень быстро они тараторят. Впервые ругаю себя, что плохо учил немецкий в школе, а в институте перешёл на английский». В нашей 110-й московской школе лет тридцать преподавала немецкий язык одна и та же учительница, как мы к ней и к её предмету относились, видно из песенки, которую про неё сложили ещё гимназисты до революции; передавалась она из класса в класс «по наследству»:

«Двери настежь отворяются

Кримхильда Карловна является.

В сиреновом халате

И в башмаках на вате...»

Это мне вспоминается в десяти метрах от фрицев. Хотелось бросить в них противотанковую гранату, но этого делать нельзя. Немцы не должны знать, что обнаружены партизанами. Пусть ведут себя беспечно – завтра мы их больше уложим. Всё же из их гомона разбираю, что они ждут подхода ещё каких-то эсэсманов из Киверцов и рано утром двинутся на партизан «выкуривать из леса русского медведя», речь, по всей вероятности, идёт об отряде Медведева.

– Расскажу после, – также одними губами отвечаю ему, – пойдём посмотрим в других дворах, надо посчитать сколько их понаехало в Берестяное.

Через полчаса, полазив по задворкам, не обнаруженные, мы направляемся к нашему обозу. По нашим подсчётам только в селе их не меньше двух тысяч – это крупная карательная экспедиция. В одном дворе заметили пушку и большой миномёт.

Отойдя в сторону от села, бросаемся бегом к нашим повозкам. Ребята сгрудились в кучу и курят в рукава.

– Мы уже начали беспокоиться о вас, – ворчит бронебойщик Иван Светельский, – два часа ждём.

Действительно, мои трофейные светящиеся «цилиндры» остановились на восьми. Надо торопиться. Кони и повозки уже развёрнуты в обратную сторону, садимся и налегке рысью скачем в свой лагерь. Кони как бы почуяв нашу тревогу бегут сами, без понукания.

Докладываем обо всём, что видели и слышали, комбату

Крючкову. Наше верховное командование ещё не вернулось от Медведева. Комбата с его маленькой трубочкой ничем не удивишь.

Для начала он говорит нам:

– А ну-ка, дыхните на меня по очереди?

Мы дышим в полный «голос» и смеемся, нас это не обижает, потому что за нами ни грамма вина.

– Считайте мой вопрос шуткой. Так, значит завтра намечается большой сабантуй. Он тут же вызывает командира эскадрона Бориса Салеймонова и просит его с группой конников немедленно ехать в лагерь полковника Медведева – до них рукой подать – и доложить о прибытии карателей в село Берестяное. Медведев об этом потом напишет в книге «Сильные духом».

Часов в десять утра у «медведевцев» начинается бой. Место их расположения выдал предатель, но не совсем точно. Шальные пули просвистывают и над нашими головами. Мы занимаем круговую оборону. Кони и повозки попрятаны от пуль между невысокими пригорками, под раскидистыми соснами.

Над лесом появляется «костыль». Он делает разворот над расположением нашей роты. Видно заметил плохо замаскированные дроги или беспокоящихся коней. Бросает три бомбы. Пётр Ярославцев вылетает из повозки, где по привычке спал, прямо в канаву. Потом он скажет, что сделал это нарочно, но мы-то видели, что его выкинуло взрывной волной.

Мне ложиться не хочется, и я хожу вокруг сосны, прячась от «костыля» и падающих бомб. Он еще делает круг и скидывает несколько бомб или мин.

Осколками тяжело в живот ранят Семёна, который ходил со мной на последнее задание, и ещё двух ребят. Нина Рогачёва тут же накладывает им повязки, ей помогает медсестра Люба Власенко. Семёна на плащ-палатке сразу несут на операцию в санчасть, у нас теперь несколько хирургов из бывших военнопленных.

Слышу голос Саши Матвеева, который что-то рассказывает Николаю Тернюку и Васе Вернигорову:

– В атаку нужно всегда впереди пускать Марата, в бою на «Чёртовом болоте» он так образно матюкался, когда подымал нас на пулемёты, что мы все перепугались и без оглядки бросились вперёд.

Радисты смеются и не верят этому. Я тоже не верю, по крайней мере совершенно не помню, чтобы ругался.

Время тянется словно на костылях. Стрельба их автоматов то усиливается, то затихает, иногда доносятся гул от криков «ура». Непрерывно долбят фрицевские пушки и миномёты. У карателей боеприпасов навалом, чего нельзя сказать про «медведевцев» – они давно не принимали самолёты, мы тоже в рейде поизрасходовались.

Приходит комбат Крючков и приказывает растянуть линию обороны влево. Полковник Медведев попросил помощи, у них большие потери, около сорока раненых и убитых.

Виктор Александрович направил наш второй батальон ударить немцам с тылу. Весь день в лесу слышна стрельба. «Костыль» то улетает, то прилетает снова. Мы лежим в неведении, но раз нас не посылают в бой, значит однополчане держатся. Похожая картина боя была у нас в августе под Москалёвкой, когда каратели наступали больше девяти часов и, разгромленные, откатились назад, правда по-тери наши были значительно меньше, но тогда у фрицев не было пушек и болото нам помогало.

В одном месте, откуда бьют пушки, резко усиливается стрекот автоматов, слышны взрывы гранат и доносятся крики «ура». Пушки и миномёты замолкают.

– Хлопцы, – восклицает Петро Туринок, – не иначе, как наш батальон накрыл их батарею, теперь фрицы побегут!

Нам очень этому хочется верить. Бой в лесу то в одном месте, то в другом разгорается, но выстрелы удаляются всё дальше и дальше. Солнце заходит за деревья. После мы узнаем, что наш батальон сделал своё дело. Он захватил пушки и миномёты, разгромил штаб карателей во главе с «мастером смерти» генералом Пиппером.

«Медведевцы» разбили в пух и прах три полицейских батальона СС, насчитывавших свыше двух тысяч голов. Захватили весь обоз из ста двадцати фурманок, три пушки и три миномёта, замеченные нами – всё, что было у немцев. Самого генерала Пиппера фрицы на самолёте увезли в Берлин и там торжественно похоронили.

* * *

В ту же ночь, после боя, отряды Медведева, Балицкого, Прокопюка и наш Карасёва двинулись из Цуманских лесов на север в партизанский край. Надо было переправить на Большую землю тя-желю раненых, пополниться боеприпасами и людьми. Неделю по лесным дорогам, размокшим от дождей, вытаскивая повозки на руках, подталкивая плечами, мы пробирались к Припяти на север. Хрипели кони и люди, охали на ухабах раненые, но мы были из железа.

Ранним утром, переправившись через реку Стырь, мы вошли в деревню Млынок. Над горизонтом поднималось невиданное, уди-вительно большое ярко красное солнце.

Антон Скавронский, бывший лесник, сказал:

– Сегодня пойдёт снег.

Через час, мы ещё не успели разъехаться по хатам на по-стой, небо затянуло тёмными тучами, поднялся ветер, и повалил крупный снег. Земля покрылась белым нарядом. Небо замело наши следы. Наступила третья военная зима.

Ровно полгода назад я прилетел в тыл...